

**Национальный банк Республики Беларусь
Учреждение образования «Полесский государственный университет»**

С. Н. СОКОЛОВА

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Пинск
2013

УДК 323.2
ББК 87.6
С 59

Рекомендовано

кафедрой гуманитарных наук, философии и права
Полесского государственного университета
(протокол № 5 от 22 ноября 2012 г.)
научно-техническим Советом
Полесского государственного университета
(протокол № 2 от 27 ноября 2012 г.)

Рецензенты:

Брычков А.С., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Военной академии войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского,
академик Российской академии социальных наук,
академик Академии Военных Наук РФ,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Семаева И.И., доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии Московского
государственного областного университета

Мельнов С.Б., доктор биологических наук, профессор,
проректор по научной работе Полесского государственного университета

Ражнев Г.В., кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных наук
Военной академии войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Соколова, С.Н.

С 59 Феноменология безопасности современного общества / С.Н. Соколова. – Пинск: ПолесГУ, 2013. – 183 с.

ISBN 978-985-516-229-3

В монографии раскрывается авторская концепция государственного регулирования общественных отношений в сфере безопасности. Особое внимание уделено герменевтике безопасности, интеллектуальному ресурсу как основополагающему фактору, воздействующему на сферу безопасности современного общества. Предложенные идеи могут стать основой для формулирования концептуальных вариантов и программ инновационного развития общества, определения и конкретизации некоторых направлений государственной политики России и Республики Беларусь в процессе развития Союзного государства.

Представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также для специалистов в области управления, экспертов, интересующихся проблемами государственного регулирования и ценностями безопасности, биобезопасности и биотерроризма.

УДК 323.2
ББК 87.6

ISBN 978-985-516-229-3

© УО «Полесский государственный университет»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. СОДЕРЖАНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	10
1.1. Герменевтика безопасности.....	11
1.2. Общественные отношения и процесс	30
политического влияния на сферу безопасности.....	30
1.3. Теоретические проблемы и принципы регулирования	48
безопасности	48
ГЛАВА 2. СФЕРА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ...	80
2.1. Специфика сферы безопасности современного общества.....	81
2.2. Основные тенденции развития сферы безопасности	95
ГЛАВА 3. ФЕНОМЕН БЕЗОПАСНОСТИ:	107
ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ	107
3.1. Интеллектуальный ресурс как фактор регулирования сферы безопасности. Биобезопасность и биотерроризм.....	107
3.2. Инновационность как фактор регулирования сферы безопасности.	127
3.3. Перспективы развития сферы безопасности	
современного общества	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155

*Посвящаю светлой памяти
профессора,
доктора философских наук,
академика Международной академии наук высшей школы,
академика Академии военных наук РФ,
полковника
Анатолия Ивановича Дырина*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная динамика развития социального пространства, интенсивный, разнонаправленный характер осуществляющихся преобразований, возникающие кризисы, потрясения, происходящие в различных сферах жизни общества, сопровождаются возникновением обновленных системных связей, глобальных информационных потоков и провоцируют особую рефлексивность человека, изменяющую содержание общественных отношений.

В мировом научном дискурсе в течение прошлого столетия считалось практически аксиоматичным, что рынок является совершенной моделью социально-экономического развития общества, а вмешательство государства в экономические отношения должно быть незначительным. Многие мыслители при этом старались экстраполировать экономическую модель взаимоотношений государства и социума на другие виды общественных отношений.

XX век и начало XXI столетия знаменуются для современного общества достаточно быстрым переходом от индустриального к постиндустриальному состоянию. Развитие такого общества обеспечивается, в первую очередь, более активным участием в нем граждан, общественных структур, инновационным развитием экономики, динамичным наращиванием коммуникационной архитектуры и взаимной интеграцией социумов. Во многих государствах в этот период отмечается постепенное изменение характера, степени воздействия национальных государств на социально-экономические и политические процессы.

Фактически к концу XX века в мировой социально-философской мысли был достигнут консенсус относительно диалектики взаимоотношений общества и государства, который выразился в признании желательной минимизации вмешательства государства в экономику и максимизации его участия в социально-политической жизни современного социума.

Данную диалектику государства и общества пока не удастся экстраполировать на сферу безопасности, в которой государственная власть, силовые структуры, специальные службы продолжают выполнять более важные функции и задачи. Именно органы государственной власти принимают наиболее активное участие в формировании доктринальных положений по безопасности, принимают решения о выделении средств из федерального бюджета, ставят задачи силовым структурам. При этом общество и граждане вынуждены действовать в правовых рамках, сформированных при активном участии политической элиты и органов государственной власти. Сложившаяся в ряде демократических государств модель, основывающаяся на минимальном участии государства в экономике, не позволяет в настоящее время на практике разрешить вопрос о роли государства в сфере безопасности.

Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 годов показал, что в условиях последовательного ухода государства из той или другой сферы общественной жизни, совокупность самоорганизующихся структур создает в ней конфликты и кризисные ситуации. В таком случае современное государство отказывается играть роль арбитра, а неурегулированная хаотическая борьба за превосходство угрожает стабильности и даже существованию социального пространства.

В настоящее время обстоятельно изучена вариативность разбалансированности социальных отношений в экономике, но недостаточно исследована роль в социальной, политической, духовной сферах общественной жизни. Не является исключением и сфера безопасности. Во многих государствах мира, в том числе и в России, продолжается активный поиск оптимальных форм влияния на сферу безопасности государственной власти, общества, силовых структур и специальных служб. И нельзя забывать, что «биотерроризм может стать социальным детонатором крупных перемен глобального масштаба, которые могут произойти как в отдельных странах и регионах, так и во всей мировой геополитической структуре»¹.

Актуальность феноменологии безопасности современного общества обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, необходимо выяснить диалектику влияния государства, других социально-политических субъектов (акторов) на общественную жизнь.

Во-вторых, не будучи изолированной от других сфер общественной жизни, сфера безопасности является достаточно эффективным механизмом урегулирования социальных конфликтов, кризисов, препятствующих поступательному общественному развитию.

В-третьих, необходимостью преодоления абсолютизации влияния государства на сферу безопасности. Сфера безопасности не является моносубъектной в современном обществе, что не исключает возможности привлечения широкого круга организаций, структур, а в демократическом социуме объективно предполагает разветвленную систему широкого общественно-государственного влияния на социальное пространство.

В-четвертых, интегрированностью систем национальной безопасности в региональные и международные системы. Активные действия в сфере безопасности позволяют любому субъекту реализовать позитивное взаимодействие, осуществить диалог в обществе и на международной арене.

В-пятых, наличием объективной зависимости между политической системой демократического типа и характером вовлечения общественных структур и граждан в регулирование сферы безопасности. В этом случае граждане и общество являются партнерами власти в решении самого широкого спектра вопросов, начиная от вопросов социального развития до вопросов личной безопасности и биобезопасности.

В-шестых, необходимостью развития системы государственного регулирования безопасности как современного социально-политического института. В любом современном государстве созданы и развиваются институты безопасности (Советы безопасности, специальные службы, антитеррористические комитеты), обеспечивающие эффективные регулирующие воздействия социально-политических субъектов (акторов) на сферу безопасности.

¹ Симонова, А.Е. Биотерроризм как угроза национальной безопасности России / Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всероссийской научной конференции, 4 декабря 2009 г., М.: Научный эксперт, 2010. С. 482-483.

В-седьмых, недостаточной степенью удовлетворения интересов современного общества в эффективной безопасности. Мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал объективную зависимость между социальным самочувствием граждан, качеством государственного регулирования и необходимостью достижения устойчивой безопасности личности, общества и государства (комплексной безопасности).

Как показал авторский анализ, до сих пор государственное регулирование общественных отношений в прямой постановке изучалось в основном применительно только к сфере экономики².

В большинстве исследований экономического профиля по изучению регулирующих воздействий на социум большое внимание уделяется степени вмешательства государства, других экономических акторов в сферу экономики, а также в значительной мере рассматривается возможность применения разработанных в других странах научных теорий государственного вмешательства в экономику³.

Различные аспекты государственного регулирования к настоящему времени уже рассмотрены в научных работах юридического, исторического, политологического и социологического профиля⁴, где сделана достаточно плодотворная попытка анализа систем государственного регулирования в различных сферах общественной жизни. Кроме того, в большинстве из них исследователи рассматривали процесс государственного регулирования в рамках предмета своей науки.

Достаточно обстоятельно проблематика государственного регулирования описана специалистами, действующими в сфере государственного управления. Фактически в работах ряда специалистов-управленцев (А.И. Селиванова, Г.В. Атаманчука, Н.И. Глазуновой, Н.В. Овчинниковой, А.В. Пикулькина, А.И. Соловьева, С.С. Сулакшина, В.Е. Чиркина, В.И. Якунина и др.) регулирующие воздействия на общество анализируются применительно к той или иной активности государственной власти⁵.

² По данным электронного каталога Российской государственной библиотеки проблеме государственного регулирования посвящены 500 диссертаций, из них экономического профиля – 476 (по состоянию на август 2009 года). См.: Российская государственная библиотека//URL. <http://diss.rsl.ru/?menu=disscatalog/> (дата обращения 15.08.2009).

³ Например, см.: Андрианов, В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. М., 2008. ; и др.

⁴ См.: Багдасарян, В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариантности общественного развития. М., 2008. ; Зинченко, Г.П. Социология управления. Р/н/Д, 2004. ; Кадымов, С.Т. Проблемы государственного управления в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. ; Колтышев, М.С. Государственное управление и государственноерегулирование области использования атомной энергии в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. М., 2007. ; Кравченко, А.И., Тюрина, И.О. Социология управления: фундаментальный курс. М., 2004. ; Мамай, А.Н. Государственноерегулирование деятельности иностранных инвесторов в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. ; Молодцов, М.М. Проектно-аналитическое обеспечение принятия и реализации государственно-управленческого решения в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. ; Романов, И.А. Государственноерегулирование миграционных процессов в современной России: дис. ... докт. социол. наук. М., 2006. ; и др.

⁵ Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005.; Арская, Л.П. Япония: наука и искусство управления. М., 1992.; Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. ; он же. Государственное управление: организационно-функциональные вопросы. М., 2000. ; Глазунова Н.И. Система государственного управления. М., 2002.; Овчинникова, Н.В. История развития теории и практики управления в России в XX веке. М., 2005.; Пикулькин, А.В. Система государственного управления. М., 1997.; Проблемы современного государственного управления в России: Материалы научного семинара «Государственное управление в постсоветской России: цели, ценности и результаты» / Под ред. В.И. Якунина. М., 2008.; Порфирьев, Б.Н. Государственное управление в кризисных ситуациях: мировой опыт и Россия. М., 2006. ; Сенаторов, А.И. Очерки административной реформы в

Особое внимание акцентируется на том, что в представленных работах не фиксируется разница между управляющими и регулируемыми воздействиями, а государственное регулирование рассматривается как один из видов государственной активности.

Категориальный аппарат не только не разработан, но даже пока не идентифицирован в качестве самостоятельного. По всей видимости, этим обстоятельством можно, в известной степени, объяснить фактическое отсутствие работ социально-философского профиля, в которых бы рассматривались принципы развития и перспективы государственного регулирования всего спектра общественных отношений или каких-либо их разновидностей.

Государственное регулирование общественных отношений пока не стало самостоятельным объектом научного интереса философской науки, за исключением исследований в рамках специальности 22.00.08 – Социология управления.

Исследуя данный вопрос, можно четко зафиксировать наличие такого интереса у российского политика Д.А. Медведева, который в нескольких своих выступлениях (в том числе, в Посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации) фактически перешел с управленческой терминологии на тематику регулирования общественных отношений⁶, что особенно актуально для современного общества.

Определенная часть политической элиты и экспертов также постоянно обращает внимание на важность для современной науки разработки именно проблематики государственного регулирования.

Аналогичные идеисодержатся в научных трудах ряда зарубежных специалистов, где достаточно широко анализируется не воздействие государства на управленческие процессы, а вмешательство в них⁷.

При этом участие структур гражданского общества, а не только государственной власти, бизнес-сообщества рассматривается не только как управляющее воздействие на виды общественных отношений, а как конкретное и целенаправленное вмешательство в них.

Еще одна группа источников связана непосредственно с проблемами безопасности⁸. Большинство работ этих авторов посвящено анализу проблем

Японии. М., 2004. ; Соловьев, А.И. Принятие государственных решений. М., 2009. ; Чиркин, В.Е. Государственное управление. М., 2001.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294> (датаобращения 25.12.2008).

⁷ Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6-12. ; Ротбард, М. Власть и рынок: Государство и экономика / Пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. Гр. Сапова. Челябинск, 2003. ; Bemis G. (Destanne). Regulation o uequilibredans I 'analyseeconomique. Paris: Maloinne-Doin, 1977. ; Between Democracy and Dictatorship: Russian Post-Communist Political Reform. Washington: CEIP, 2004. ; Canguilhem G. Regulation, Encyclopedia Universalis. Paris, 1980.Vol. 14; North D. Institutions, institutional change and economic performance.Cambridge, 1996. ; The World Competitiveness Report 1994, World Economic Forum. Geneva, 1994. ; идр.

⁸ Актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича, В.А. Труханова. Саратов, 2002. ; Алехнович, С.О. Механизмы реализации региональной безопасности в парадигме федеративного государства: дис. ... докт. полит.наук. М., 2001. ; Безопасность России в XXI веке / Науч. рук. В.Н. Кузнецов. М., 2006. ; Белозеров, В. К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 119-132. ; Варфоломеев, М.А. Проблема национальной безопасности в современном политическом процессе // Власть. 2008. № 5. С. 38-41. ; Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. М., 2008. ; Возжеников, А.В. Национальная безопасность в контексте

национальной безопасности в инструментальном, управленческом, идеологическом и деятельностном аспектах. При этом практически все исследователи полагают, что безопасность необходимо постоянно обеспечивать и именно её обеспечением должны быть заняты государство, спецслужбы, общество и граждане. Однако сам термин «обеспечение» не адекватен состоянию современной науки о безопасности и неудобен для применения в современных социально-философских, политологических и биоэтических исследованиях.

В работах известного эксперта по вопросам национальной безопасности А.В. Возженикова много раз употребляется понятие «обеспечение безопасности» в сочетании с другими терминами, но нигде не определяется конкретное содержание этого многогранного процесса⁹.

При этом обеспечение безопасности в одном случае он рассматривает как политический институт, в другом – как институт самоуправления, а в некоторых местах его текста «обеспечение» синонимично «администрированию».

Аналогичный подход использует другой исследователь С.В. Гвоздиков, который, как и другие авторы, представляет «обеспечение» как бессодержательный термин¹⁰. Любая активность субъектов (акторов) в отношении сферы безопасности или же внутри неё в настоящее время рассматривается как её обеспечение. Этот термин («обеспечение») фактически ничего не проясняет, но при этом он носит обязательный характер для исполнения участников социально-политического процесса. Кроме того, в настоящее время фактически отсутствуют работы социально-философского профиля, в которых феноменология безопасности современного общества была бы рассмотрена в качестве самостоятельного объекта, регулирующего воздействие со стороны государственной власти, социально-политических и общественных субъектов (акторов).

Именно поэтому интерес объективно направлен на выявление специфики, перспектив, принципов и закономерностей регулирования этой весьма специфической сферы. Также представляется важным уточнить, что в рамках научного анализа заявленной проблемы необходимо обозначить смыслообразующие моменты развития государственного регулирования сферы безопасности, касающиеся российского социума.

современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. ; Грищенко, Д.Ю. Политическая безопасность современного российского государства: состояние и механизм обеспечения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. ; Климов, О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. ; Кортунов, С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М., 2007. ; Кузнецов, В.Н. Социология безопасности. М.: Книга и бизнес, 2003. ; Ломагин, Н.А. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральной и региональных элит (на примере северо-западных областей России) // Международные процессы. 2003. № 2. С. 108-115. ; Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / Сост. А.Г. Криволапов, Н.А. Анфимов, Д.А. Афиногенов. М., 2007. ; Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. Сборник научных статей. / Под общ. ред. А.А. Прохожева и С.В. Смутьского. М., 2007. Вып. 6. ; Ницевич, В.Ф. Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая. Орел, 2000. ; Петров, С.И. Политика и обеспечение национальной безопасности России. СПб., 2008. ; Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. ; Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности. М., 2006.

⁹ Возжеников, А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2002.

¹⁰ Гвоздиков, С.В. Обеспечение военной безопасности России в военно-политической и международной системах СНГ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. С. 3.

Именно поэтому отдельный блок изученных автором научных источников связан с интеллектуальным, инновационным развитием российского социума и его сферы безопасности¹¹.

Достаточно самостоятельный раздел научных источников составили материалы парламентских слушаний и проведенных конференций в Государственной Думе Российской Федерации, научных семинаров и круглых столов по проблемам государственного регулирования безопасности, инновационного и интеллектуального развития¹².

Объектом исследования является феноменология безопасности современного общества, а предметом – принципы и основные тенденции развития государственного регулирования сферы безопасности.

Научная новизна монографии заключается в следующем:

- в предложенной концепции государственного регулирования отношений в сфере безопасности, а также в определении её фундаментальных основ, структуры и социального предназначения;
- в формулировании специфики сферы безопасности современного общества как объекта государственного регулирования;
- в осуществленной социально-философской герменевтике основных тенденций регулирования;
- в предложенных и обоснованных концептуальных подходах к регулированию сферы безопасности;
- в определении феноменологии безопасности современного общества.

¹¹ Авдулов, А.Н., Кулькин, А.М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М., 2005; Али-заде, А.А., Логин, В.Н. Научный менеджмент – стратегический фактор инновационного развития: Научно-аналитический обзор. М., 2005. ; Анализ инновационной политики России и Украины по методологии Европейского сообщества / Отв. ред. Н. Иванова, И. Егоров, С. Радошевич. М., 2008. ; Глушенко, И.И. Система стратегического управления инновационной деятельностью. Железнодорожный, 2006. ; Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Ростов-на-Дону, 2006. ; Дикарева, В.А. Инновационные процессы: практические результаты и методологические основы развития. Монография. М., 2006. ; Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы. М., Наука, 2002. ; Инновационная политика государства и пути ее реализации: Материалы постоянно действующего семинара работников республиканских и местных органов государственной власти. Минск, 2004. ; Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М., 2005. ; Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П. Горегляд. М., 2005. ; Инновационный потенциал России: проблемы активизации использования / Под ред. Т.П. Николаева, Е.М. Коростышевской, А.В. Бутуханова. СПб., 2007. ; Румянцева, Е.Е. Инновационная стратегия экономического развития. М., 2006. ; Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. М., 2007. ; Филин, С.А. Механизм реализации инновационной политики. М., 2005; Формирование инновационной системы Европейского Союза. М., 2007.; Циренщиков, В.С. Европа: тенденции инновационного развития. М., 2004.

¹² Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий в Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2005. ; Материалы круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации». М., 2007. ; Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (стенограмма). М., 2006. ; Материалы круглого стола «Нормативно-правовое обеспечение интеллектуальной деятельности» (Стенограмма). М., 2004. ; Материалы международной научно-практической конференции «Интеграция науки, образования, бизнеса и промышленности: инновационные и инвестиционные аспекты». М., 2006. ; Материалы парламентских слушаний «Модернизация науки и образования как фактор инновационного развития экономики: проблемы законодательного регулирования» (Рекомендации). М., 2004.

Гипотеза раскрывается в следующем предположении: современному обществу для поступательного развития в настоящее время жизненно необходимо эффективное государственное регулирование общественных отношений, не противоречащее управлению, а дополняющих его властную и общественную составляющие, особенно в сфере безопасности.

Инновационность сегодня является фактором эффективного регулирования сферы безопасности, и поэтому современное общество, политическая элита, заинтересованы в формировании обновленных подходов к регулированию сферы безопасности. Но это регулирование должно стать частью общей системы государственного вмешательства в общественные отношения и сознание граждан. «Немаловажным фактором успешной реализации курса инноваций являются не только административные меры поддержки, но и изменение отношения населения к нововведениям. Целесообразно рассмотреть возможность подготовки информационно-просветительских программ для участников инновационного процесса и широкой общественности»¹³.

Источниковую базу по проблеме составляют монографические, научно-политические издания, в которых исследуются вопросы государственного регулирования и управления, обеспечения национальной безопасности, представлены прогнозы, тенденции глобализации, динамика мировых процессов, а также авторефераты, научные публикации в социально-гуманитарных и военно-аналитических журналах.

Эмпирическую базу составили материалы научных конференций, данные социологических исследований, проведенных Всероссийским Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), центром Romir-Monitoring, военно-социологических, психологических, правовых исследований. Использовались материалы нескольких сайтов Интернета (www.kremlin.ru, www.kmnews.ru, www.newsmail.ru, www.utro.ru, www.ntv.ru, www.fom.ru, www.romir.ru, www.wciom.ru, www.rg.ru, www.nvo.ng.ru, www.ng.ru, www.vpk-news.ru, www.itogi.ru, www.milpol.ru).

ГЛАВА 1. СОДЕРЖАНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Размышляя над содержанием процессов в сфере безопасности, со временем стало понятно, что вмешательство государства в дела общества просто объективно необходимо. Однако вмешательство государственной власти не должно носить тотального характера.

С одной стороны, понятно, что общество должно постоянно развиваться и не быть подавленным корпоративными интересами государственного аппарата, но, с другой стороны, было очевидно, что исключение государства из общественной жизни, модное сегодня «доверие» к самоорганизующей силе демократии и рынка не должно быть абсолютным. Например, российская реальность такова, что государство несколько десятилетий было основным, единственным субъектом сферы безопасности, и это не характерно для современного общества.

Феноменология безопасности современного общества такова, что государство должно рассматриваться не только и не столько как совокупность органов,

¹³ Пороговые барьеры на пути белорусских инноваций // Наука и инновации. 2011. № 12 . С. 39.

осуществляющих управление социумом, а как многомерное, эклектичное явление, специализированная общественная структура, «пластично» и последовательно помогающая процессам социальной самоорганизации.

1.1.Герменевтика безопасности

Философское осмысление безопасности предполагает, как уточняет исследователь А.Ш. Викторов¹⁴, поиск ответов на два ключевых вопроса: что такое безопасность (онтологический аспект) и насколько познаваемо это явление (гносеологический аспект), а также, каковы ценности безопасности (аксиологический аспект).

Принимая эти вопросы в качестве исходной методологической посылки, важно подчеркнуть, что феноменология безопасности современного общества имеет различные формы проявления в социальном пространстве. При этом автор понимает, что есть необходимость акцентуации и детального исследования сферы безопасности и, если угодно, выявления принципиального расхождения по смыслообразующим моментам, с теми учеными, специалистами, а их немало, которые ранее уже изучали в самых различных аспектах безопасность как явление, и особенно с влиянием на данную сферу различных субъектов (акторов).

Конечно, те опасности, угрозы, которые имеют свой источник вне социума, также находятся в сфере исследовательского интереса, но как раз их, как показывает авторский анализ, ученые, специалисты постоянно изучали ранее и продолжают их осмысливать, вырабатывать меры противодействия в настоящее время. Пожалуй, следует сразу подчеркнуть, что автору повторение такого пути не кажется перспективным, так как рассмотрение отдельных форм безопасности, их описание и систематизация – это всего лишь первая ступень осмысления безопасности.

Следующим этапом понимания сущности¹⁵ такого явления как безопасность, актуальным является выявление глубинной основы, которая позволяет объединить разные формы проявления исследуемого явления или процесса в единую целостность (для понимания сущности явления предстоит подняться над ним). Фактически ответ на вопрос, что такое безопасность, оказывается не так прост, как это может показаться изначально. Ответить на него так же трудно, как и на другой подобный вопрос, пытаясь, например, понять, что такое человек, общество, государство, право и политика.

Сложность ответа предопределяется тем, что в вопросе не отражен характер проявляемого интереса, а любой феномен имеет такое многообразие проявлений, что трудно понять, о какой его грани идет речь.

В связи с этим обычно возникает необходимость уточняющих вопросов, например: «О безопасности чего (какого объекта?) идет речь?» При этом, как правило, справедливо уточняется, что безопасности «вообще» быть не может. Но стоит задать следующий вопрос: «Что такое безопасность личности?», как выясняется, что необходимо говорить не о феноменологии безопасности, а о безопасности личности, общества и государства.

¹⁴ Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. М., 2008. С. 144.

¹⁵ Сущность – это та категория мысли, которая вскрывает внешние облачения и показывает изучаемый предмет как бы изнутри. Она отвечает на вопрос: чем этот предмет отличен от других явлений, каковы его особенности и отличия? Указать на признак, вскрыть и выявить его – это и значит ответить на вопрос: «Что это?»

Философский анализ – это мыслительный процесс, который заключается в том, чтобы выделить и выразить изучаемый предмет в общих понятиях, которые именуются философскими категориями.

Феноменология безопасности – это универсальное научное знание, особая эклектика, раскрывающая основополагающие, смыслообразующие эмпирические установки, сущностные характеристики безопасности, взаимосвязи современных властных структур и общества, перспективы интеллектуального, инновационного развития социального пространства.

Однако частное проявление феномена невозможно понять без осмысления его сущности, но конкретизация исходного вопроса не облегчает, а существенно затрудняет ответ. Вместе с тем именно конкретизация позволяет уточнить исходный вопрос. Если нельзя понять конкретное проявление феноменологии безопасности без осмысления сущности данного явления, то тогда и следует первоначально искать ответ на вопрос: «Что такое феномен "безопасность" не в своем конкретном проявлении, а по своей сущности?» или «Что есть сущность феномена безопасности?» Напомню, сущность, по Аристотелю, – это предельная определенность вещи, дальше которой она больше не мыслится. В классической диалектике Гегеля сущность – это истина бытия, которая не лежит на поверхности: ее необходимо выявить, найти, обнаружить. Сущность, явление всегда взаимосвязаны и не существуют одна вне другого. Сущность обретает себя в бытии в многообразных формах проявления, ибо это ее способ обретения реальной определенности. Многообразие явлений открывает разные уровни сущности, а познание сущности – это процесс непрерывного углубления наших знаний об окружающей реальности¹⁶.

Известно, что в специальной литературе понятие «безопасность», как правило, трактуется по-разному:

- безопасность как отсутствие опасностей (на основе принципа дихотомии, т.е. некое целое, которое состоит из двух противоположных частей; в данном случае это целое – существование человека);
- безопасность – это определенная деятельность по обеспечению или по предупреждению каких-либо опасностей, угроз (т.е. это деятельностный подход, связанный с уровнем развития общественного производства, благодаря которому и создаются те или иные защитные, предупреждающие действия);
- безопасность – это осознанная потребность, ценность, интерес, так или иначе связанный с целеполаганием.

Эти трактовки можно подвести к одному представлению: антропологическому инструментализму, означающему, что безопасность была связана с определенной исторической практикой обеспечения жизнедеятельности человека или его физического существования.

Но такое определение безопасности далеко не полностью (при всей своей правильности) раскрывало сущность данного явления. Несмотря на то что понятие «безопасность» не так давно вошло в современный научный и общественный лексикон, оно уже имеет неоднозначную ценностную интерпретацию. Так, например, в октябре 2005 года на телеканале «Культура» прошла дискуссия на тему «Безопасность важнее свободы» с участием ведущих философов, политологов и культурологов, которые, однако, так и не смогли выйти за рамки идеологизированного (либерального или консервативного) упрощенного понимания этого явления.

¹⁶Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2010. 731 с.

Напомню, что в обыденном сознании безопасность, как правило, отождествляется с представлением об определенном социальном благополучии, со здоровьем, защищенностью от неблагоприятных природных воздействий и от различного рода общественно-политического насилия.

Концептуализация идеи безопасности в научной мысли, по мнению некоторых исследователей, берет начало в конце XVII века, а потом она перманентно видоизменялась. Как отмечает в своей книге, например, исследователь А.Д. Тукало, «понимание смысла безопасности заключалось в представлении о состоянии или цели, конституирующих взаимоотношения между индивидами и государствами и обществами»¹⁷.

Следовательно, идея безопасности постоянно рассматривалась в контексте социальных взаимоотношений, определявших существо того или иного государства, а в дальнейшем такое понимание нашло соответствующее развитие, как пишет исследователь А.Ш. Викторов, в двух основных концепциях безопасности: национальной и общественной¹⁸.

На самом деле таких концепций современной наукой рассматривается гораздо больше, а именно: государственная, политическая, духовная (не говоря о таких частных случаях, как продовольственная, демографическая, экологическая, политическая, другие виды безопасности) безопасность, поэтому уточню понятие инструментальности в контексте ее основных элементов – средства и цели. Средство есть некое действие, благодаря которому обеспечивается и достигается определенный результат. Реализация цели (достижение результата посредством тех или иных действий) связана с некоторыми причинами (или вызвана ими).

Уточню, что, по мнению философа М. Хайдеггера, столетиями мыслители следовали учению Аристотеля, согласно которому в мире существуют четыре взаимосвязанные причины: 1) материал, вещество, из которого что-то делается; 2) форма, образ, принимаемые или получаемые из материала; 3) цель, которая определяется формой и материалом, необходимыми для чего-то; 4) тот, кто создает своими действиями определенный результат¹⁹.

Если первые три причины раскрывают нам некие действия, основанные на определенном материале, то последняя обязательно раскрывает тот или иной конечный результат.

Фактически любое состояние безопасности есть взаимосвязанное единство тех или иных действий и конкретного субъекта, благодаря которому достигается тот или иной результат. Например, в период становления человека разумного (которому на исторической арене противостоял другой первочеловек – неандерталец) ему необходимо было выработать определенные единые действия, чтобы добиться преимущества в борьбе за выживание²⁰.

¹⁷ Тукало, А.Д. Безопасность общества и политика мультикультурализма. Посткультурное общество: стабильность и коммуникация. М., 2003. С. 88.

¹⁸ Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. М., 2008. С. 199.

¹⁹ Хайдеггер, М. Время и бытие. М., 1993. С. 222.

²⁰ В ряде научно-популярных фильмов в последние годы достаточно настойчиво проводится мысль о том, что так называемый «человек умелый» и/или «человек разумный» выжил благодаря людоедству. Тем самым были удовлетворены постоянно растущие энергетические потребности увеличивающегося головного мозга. В результате были полностью истреблены не только неандертальцы, но также мамонты и пещерные медведи.

В современных же условиях, когда возрастает необходимость обеспечения эффективной безопасности (в частности, в организации борьбы против коррупции и международного терроризма), многочисленные заявления политических деятелей о совместных действиях искомого результата зачастую не приносят. Причина достаточно очевидна: многие действия базируются на противоречивых моральных, культурных и социальных стандартах, что и приводит к разному целеполаганию разных субъектов действий и к различному ценностному результату²¹.

Исходя из вышеизложенного, автор монографии согласна с мнением исследователя А.Ш. Викторова о целесообразности рассмотрения феноменологии безопасности частично как философии праксиса²² (дословно с греческого – практика, обычай). То есть, с одной стороны, философия должна изучать социальную реальность во всем её многообразии, а с другой, постоянно анализировать конкретные практические действия, которые направлены на целостное понимание, объяснение, сохранение, развитие личностного и общественного бытия.

Такая философия, на взгляд автора монографии, ориентирована на ценностное предпочтение социальной практики (действительности) и предполагает не только определенный уровень осознания сущностных противоречий бытия (где ученый самоосознает себя элементом этих противоречий, возводя их в ведущий принцип познания и действия, например, генетик), но и конкретное понимание онтологических основ социальной реальности. Полагаю, что, конечно, не случайно зарубежные мыслители (например, Э. Гидденс, Н. Аберкромби) определяют онтологическую безопасность через особые чувства и состояние доверия (уверенности) в постоянстве природного и социального мира, с которым люди себя идентифицируют²³.

Таким образом, философия праксиса базируется на онтологии безопасности, в контексте которой данный феномен, по сути своей, возникает как ответ на вызов тем или иным опасностям. Фактически, то или иное проявление безопасности напрямую взаимосвязано с характером опасного изменения окружающей (человека) среды, формируя тем самым неустойчивое мироощущение у человека, социальных групп и современного общества.

Хотя, по мнению известного немецкого философа М. Хайдеггера, «где опасность выходит на свет как опасность, там уже восходит спасительное», что означает «вызволить, избавить, освободить, уберечь, укрыть, взять под защиту, сохранить»²⁴. То есть, если бы в природном мире не было опасностей, то не было бы и проблем, связанных с обеспечением безопасности.

Однако, выявляя сущность безопасности, необходимо учесть, что это достаточно важное свойство любой живой системной организации (на уровне как отдельного индивида, так и определенной группы) и она формируется на основе адаптивной деятельности биологической или социальной.

²¹ Например, если в Республике Азербайджан террористом № 1 официально объявлен президент Республики Армения, то в США главным террористом является руководитель «Аль-Каиды» (другое название – «База», «Основа») Усама бен Ладен.

²² См., подробнее: Викторов, А.Ш. Указ.соч. С. 200-201.

²³ Гидденс, Э. Устроение общества. М., 2003. С. 499.

²⁴ Хайдеггер, М. Время и бытие. М., 1993.С. 255.

Безопасность в таком ключе представляет конкретный и вполне определенный результат этой деятельности (по нейтрализации, предупреждению угроз и обеспечению защиты), что позволяет сформулировать два подхода в понимании природы безопасности:

- 1) как проявление объективной природы живых систем сохранять свою целостность на основе саморегуляции с внешней средой благодаря устойчивому или неустойчивому взаимодействию и состоянию;
- 2) как субъективная естественная защитная реакция или деятельность по созданию определенной среды для своего самосохранения.

Безопасность, таким образом, – это качественное системное свойство органической жизни, которое не только обеспечивает выживание различных организмов, но и способствует их развитию²⁵ (во всяком случае, должно этому способствовать). Например, у высших видов организмов оно формируется на основе инстинктов и условных рефлексов.

Объективное бытие человека, следовательно, состоит из двух взаимосвязанных систем: органической и неорганической, которые подчинены общим универсальным принципам возникновения и разрушения. Неорганика (неживая природа) создает условия для жизни, а органика (живая природа) воспроизводит жизнь в её различном видовом многообразии. Органическая система при этом состоит из множества структурных уровней (видов), т.е. из относительно организованных и упорядоченных форм жизни. Основной целью любого из этих живых структурных уровней является его собственное выживание за счет создания своей ниши, т.е. безопасной среды существования, позволяющей развиваться и совершенствоваться.

Исходя из этой цели, автор полагает целесообразным сформировать три вида базовых взаимоотношений между различными структурными видами жизни. Если одна структура начинает нарушать среду безопасности другой, то более сильная из них будет подавлять более слабую. Если структуры не взаимодействуют друг с другом, то они развиваются независимо. Если структуры заинтересованы друг в друге в целях самосохранения (самовыживания), то они могут взаимодополнять друг друга, образуя при этом более сложную и расширенную (пространственно) общую структуру. Что касается живой структуры, то полагаю, что любая из них состоит из некоторого множества субъектов (индивидов, акторов), создающих определенные (необходимые) способы упорядочения и организации взаимоотношений, которые способствуют самосохранению системы того или иного вида. Человечество, например, создало следующие элементы для самосохранения и развития своей системы:

- элементы культуры – язык, письменность, религия, искусство, наука, мораль, право;
- элементы социальности – социальную иерархию, различные формы объединений и взаимоотношений;
- элементы политики – государство, власть, силовые структуры, фискальные органы²⁶;
- элементы экономики – различные виды производства, финансы, рынок.

²⁵ Актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича, В.А. Труханова. Саратов, 2002. С. 7.

²⁶ Петров, С.И. Политика и обеспечение национальной безопасности России. СПб., 2006. С. 112-115.

Доминирующим элементом до последнего времени (во всяком случае, до процесса глобализации) в той или иной структуре являлось государство, которое объединяло все элементы в одно целое, выступая основным субъектом самосохранения, развития той или иной системы²⁷. Основной целью системы, как уже отмечалось выше, является самосохранение, которое раскрывается через качественные критерии циклического развития.

Существуют три таких этапа: конвергентный, переходный и дивергентный; или, в другой последовательности, – от дивергентной к конвергентной (в зависимости от начальной точки движения: от однородной к неоднородной структуре или наоборот). Если в конвергентной фазе развития формируется однородная структура (структуры), то в переходный период появляются новые воздействующие факторы, которые образуют зачатки неоднородных структур, благодаря чему происходит переход к дивергентной фазе, т.е. на основе прежних однородных и новых неоднородных структур.

Как правило, причина перехода к новому этапу связана в большей степени с экономической проблематикой (истощение ресурсов, малоэффективное производство и др.) и в меньшей, с ценностным кризисом (хотя они друг друга взаимодополняют). Обновленная структура (в данном случае дивергентная) на основе различных потенциальных качеств, состояний выбирает одну необходимую, с точки зрения самосохранения, структуру, которая наиболее соответствует существующим новым условиям. Механизмом циклического развития выступает социокультурное напряжение (противоречие) между ценностным ядром системы (культурным кодом) и факторами (внешними, внутренними), несущими те или иные изменения.

Исходя из вышеизложенного, уточню, что феноменология безопасности ориентирована, с одной стороны, на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз, а с другой, связана с раскрытием структурных элементов системы, которые обеспечивают ее самосохранение, развитие в изменяющихся, нестабильных условиях.

Современные же представления о безопасности весьма разнообразны и варьируются от его отождествления с неким «родовым понятием» до признания симбиозом «экологической, экономической и всякой другой безопасности, противостоящей системе угроз личности и общества от различного рода опасностей»²⁸.

Кроме того, некоторые современные отечественные исследователи полагают, что вообще нет оснований для теоретических дискуссий о феномене безопасности, поскольку закон Российской Федерации «О безопасности» (1992 г.) недвусмысленно определяет понятие безопасности как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»²⁹.

Артикуляция и понимание безопасности как состояния защищенности настоящее время получило наибольшее распространение и принято многими исследователями в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий³⁰, хотя они зачастую расходятся в определении объекта защиты, характера угроз, защищаемых интересов.

²⁷ Бальцеревич, Л. Навстречу ограниченному государству. М., 2007. С. 13-14.

²⁸ Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности. М., 2006. С. 8.

²⁹ Закон РФ 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Российская газета. 1992, 6 мая.

³⁰ Возжеников, А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М., 2000. С. 31-32.

Но такой подход в полной мере удовлетворить не может. Дело в том, что признание закрепленной законом дефиниции объясняется не только законодательным статусом определения, но и целым комплексом конкретно-исторических причин. Так, отождествление безопасности с защищенностью исторически восходит к дефиниции «государственная безопасность», которая определялась как состояние защищенности Советского государства от внутренних и внешних угроз. Происшедшие в конце 1980-х – начале 1990-х годов социально-политические изменения вызвали определенную трансформацию представлений, вследствие чего закон РФ «О безопасности» законодательно закрепил ту же самую дефиницию государственной безопасности, хотя и в более широком контексте защищенности важных интересов личности, общества и государства. В результате сложившееся традиционное понимание безопасности как состояния защищенности хотя и изменило форму, но осталось доминирующим не только в современных исследованиях, но и в практике обеспечения безопасности.

Вместе с тем проявившаяся в последнее десятилетие ограниченность традиционного понимания безопасности побудила многих исследователей не только искать новые подходы, но и критически переосмысливать сложившиеся представления, даже если они и получили законодательное закрепление. По мнению многих из них, закрепленное законом понимание безопасности не отражает сущности феномена по целому ряду причин, что достаточно полно представлено, например, в работе Н.Н. Рыбалкина³¹.

Во-первых, отождествление защищенности с безопасностью является, по мнению некоторых авторов, результатом методологического подхода, при котором социальные и политические процессы рассматривались не теоретически, а политически³² (прежде всего, в рамках противостояния двух социальных систем). Такое специфическое «государственно-охранительное» понимание безопасности исходило из вполне определенной геополитической модели, предполагающей глобальное взаимодействие суверенных государств, когда они преследуют исключительно свои собственные интересы как приоритетные цели национальной политики.

Сохранение политического исследования феномена и предопределило то, что основу законодательного определения безопасности, несмотря на некоторую модификацию дефиниции «государственная безопасность», составляет устаревший подход, уже проявивший свою некоторую несостоятельность в конце прошлого столетия³³.

Во-вторых, исследователи обращают внимание на то, что отождествление безопасности с защищенностью может, как это наглядно демонстрирует, например, опыт СССР, может привести к опасным и нежелательным последствиям. Из преобладающего «охранительного» уклона объективно следует антидемократичность внутренней политики, которая несет в себе угрозу перерастания в тоталитаризм, поскольку органы государственной власти могут без особых сложностей переместить акценты с «охранительности» национальных интересов на собственные корпоративные потребности, групповые интересы, далекие от норм морали и биоэтики. Безопасность в таком случае начинает отождествляться с незыблемостью существующих политических структур и

³¹ Рыбалкин, Н.Н. Указ.соч. С. 9-11.

³² Дугин, А.Г. Философия безопасности. М., 1999. С. 72-73.

³³ Рыбалкин, Н.Н. Указ.соч. С. 10.

стабильностью господствующего режима³⁴. Более того, последовательная реализация идеи защищенности приводит к самоизоляции и, как следствие, к «выпадению» из системы международных отношений, поэтому возводимый в прошлом «железный занавес» объективно сковывал развитие государства и становился опасностью для современного общества.

В-третьих, как показывает опыт, безопасность не может быть сведена исключительно к защищенности. Например, до последнего времени основу обеспечения глобальной безопасности составляло поддержание состояния незащищенности ведущих ядерных держав от ракетно-ядерного нападения³⁵.

В этой связи СССР и США, заключив в свое время договор о противоракетной обороне, фактически пришли к соглашению, что повышение уровня противоракетной защищенности не укрепляет, а, наоборот, снижает их безопасность, поскольку у противоположной стороны возникает возможность (или её иллюзия таковой) нанесения безнаказанного ядерного удара.

В-четвертых, некоторые исследователи обратили внимание на то, что закон РФ «О безопасности» определяет безопасность посредством терминов, которые сами требуют дополнительного толкования. В частности, понимание «жизненно важных интересов» как «потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства», лишь усиливает неопределенность дефиниции. Интерес (как совокупность потребностей или как субъективное проявление потребностей) выражается в зависимости человека от того, что составляет условия его существования. Отсутствие условий (неудовлетворенный интерес) заставляет человека проявлять активность для снятия напряжения. Удовлетворение интересов – процесс возвращения человека в состояние равновесия. Лишь только осознание того, что эти интересы удовлетворяют нормальную жизнедеятельность, приводит к тому, чтобы эти интересы защищать. Следовательно, сначала интересы необходимо удовлетворить, а уже потом их защищать. Кроме того, угроза представляет собой лишь форму выражения агрессивного намерения, поэтому защититься от угрозы невозможно. Недостаточная определенность содержания «жизненно важных интересов», «внутренних и внешних угроз» создает возможность смещения акцентов безопасности на защиту корпоративных интересов под прикрытием «интересов личности, общества и государства».

В-пятых, ограничение дефиниции безопасности сферой «жизненно-важных интересов личности, общества и государства» демонстрирует особенность, а не всеобщность определения, вследствие чего закрепленная в законе дефиниция не может рассматриваться как понятие безопасности, раскрывающее сущность феномена.

В итоге, законодательное определение безопасности отражает не теоретический, а практический (политический, социологический) подход к пониманию феноменологии безопасности, поэтому в дефиниции не раскрывается сущность феномена, а лишь выражаются утилитарные пожелания «защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

³⁴ Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1994. С. 103-104.

³⁵ Научные труды профессора А.Г. Арбатова. См., например: URL. <http://www.carnegi.ru> (дата обращения 11.11.2009).

Видимо, осознание исследователями теоретической недостаточности отождествления сущности безопасности с защищенностью и привело к появлению большого количества альтернативных, в том числе достаточно обоснованных, научных определений. Если абстрагироваться от особенного рассмотрения различными учеными феномена безопасности (национальная, государственная, общественная, экологическая, информационная безопасность, биобезопасность), то существующие представления условно можно свести к следующим основным группам дефиниций.

Во-первых, безопасность понимается как отсутствие опасности³⁶. Основу данного понимания составляет этимологическое рассмотрение термина «безопасность». Одним из источников отождествления безопасности с отсутствием опасности является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, где безопасность определяется как «состояние, при котором не угрожает опасность»³⁷. Развивая эту мысль, некоторые исследователи рассматривают безопасность как отсутствие опасностей, угроз.

Отождествление безопасности с отсутствием опасности объективно вызывает критические возражения исследователей, по мнению которых практически невозможно найти ситуацию, когда в отношении какого-либо субъекта отсутствует всякая опасность и тем более угроза³⁸.

Феномен безопасности, полагают некоторые ученые, не может существовать без опасности. Более того, он обретает свое существование лишь с появлением угроз³⁹. В таком случае, наличие опасности не исключает, а, наоборот, предполагает безопасность, которая представляет собой реакцию на опасность. Не соотнесённость безопасности с конкретной опасностью или ее соотнесённость с мнимой опасностью чревата серьезными деформациями и превращением безопасности в самодовлеющую систему, нацеленную на обеспечение самой себя и нередко в ущерб тому, для чего она первоначально была предназначена. Кроме того, сведение безопасности к отсутствию опасности фактически приводит к отрицанию развития, самосовершенствования, которое с точки зрения функционирования (воспроизводства) системы может рассматриваться как опасность.

Во-вторых, безопасность рассматривается как свойство (атрибут) системы, так как существование любой системы предполагает её защищенность от разрушительного воздействия каких-либо сил (политической сингулярности), и все системы «сопротивляются» своему разрушению – элементарные частицы, атомы, молекулы, системные образования макромира и космоса⁴⁰. Аналогично борются за свою сохранность живые организмы, в том числе и человек (биоэтика). Взаимодействуя с внешним миром, человек в современном обществе познает и осознает опасности, которые угрожают его существованию, принимает меры по их предотвращению или уменьшению⁴¹.

³⁶ Кузнецов, В.Г. Идеология безопасности. М., 2003. С. 18.

³⁷ Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М., 2004. С. 174.

³⁸ Ницевич, В.Ф. Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая. Орел, 2000. С. 13-15.

³⁹ Михалкин, Н.В. Безопасность Российской Федерации. Вопросы теории и практики. М., 1994. С. 7.

⁴⁰ Политическая сингулярность – это категория, характеризующая нестабильное состояние политической системы, которое наблюдается на начальном этапе ее обновленного становления, когда активность политических субъектов (акторов) постоянно возрастает, а деструктивное влияние на развитие общественных отношений приобретает регулярный и повторяющийся характер, что снижает уровень безопасности общества.

⁴¹ Кузнецов, О.Л., Кузнецов, П.Г., Большаков, Б.Е. Система природа – общество – человек: Устойчивое развитие. М. – Дубна, 2000. С. 139-150.

Некоторые исследователи высказывают сомнение в возможности отождествления безопасности со свойством (атрибутом) системы⁴², поскольку, по их мнению, безопасность имеет вторичный характер, а свойства (способность предотвращать угрозы, состояние защищенности, способность к защите) сами по себе не возникают, так как состояние защищенности еще надо сформировать.

Поэтому безопасность не является родовым понятием в исследуемом понятийном ряду, а представляет собой следствие неких обстоятельств, породивших ее, представляет собой результат социальной деятельности по обеспечению безопасности личности, общества, государства. Признание атрибутивного характера безопасности (феноменология безопасности) фактически ведет к отрицанию необходимости обеспечения безопасности, поскольку получается, что она объективно присуща системе.

В-третьих, безопасность зачастую понимается как специфическая деятельность. Деятельностного понимания безопасности придерживаются многие исследователи, хотя и по-разному определяют характер этой деятельности⁴³.

Автор монографии не считает необходимым останавливаться на этом подробнее, поскольку многие деятельностные аспекты безопасности изложены в доктринальных документах («Концепция национальной безопасности РФ»), законодательных актах (закон РФ «О Федеральной службе безопасности»). Несмотря на текстовую сформулированность деятельностных определений безопасности, они в скрытом виде уже содержат в себе понимание безопасности как цели, а не как деятельности.

В-четвертых, безопасность рассматривается как определенное состояние, в частности, состояние социума, каких-то его составных частей и т.д. (такая безопасность как определенное «состояние защищенности» составляет основу дефиниции безопасности, закрепленной в законе РФ «О безопасности»). Вместе с тем отождествление безопасности с состоянием объективно вызывает критику, поскольку такое понимание фактически ведет к отрицанию динамичного и самостоятельного характера развития системы.

Также важно отметить существование большого количества менее распространенных, но более оригинальных дефиниций безопасности, где безопасность определяется как:

- определенное отношение, субъектами которого выступают источник угрозы и объект уязвимости;
- совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства, благоприятные условия для развития;
- способность государства противостоять применению и угрозе применения силы, его готовность отразить вооруженное нападение извне и подавить вооруженное выступление изнутри.

Можно сделать вывод, что современные представления о безопасности демонстрируют крайнюю многомерность, разбросанность, мозаичность и неоднозначность, но многообразие описаний феномена не тождественно раскрытию его сущности. Анализ современных представлений о безопасности наглядно иллюстрирует, подтверждает тот факт, что проблема постижения сущности безопасности и, соответственно, её понятийного определения остается пока не до конца разрешенной.

⁴² Атрибут системы

⁴³ Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России / В.А. Антошин, А.В. Антошин, К.П. Буртный и др. Екатеринбург, 2003. С. 52-55.

Именно поэтому в представленной монографии необходимо наиболее полно исследовать онтологические основы безопасности, что можно раскрыть через категорию «отражение».

Термин «отражение» (латинский аналог слова *ge-flexio*) переводится в двух значениях: как зеркальное отражение; размышление, самонаблюдение, анализ собственных мыслей, переживаний. В общем смысле категория «отражения» понимается как: 1) реакция, противодействие; 2) рефлексия, обращение назад; 3) отображение, придание образа⁴⁴.

В философской литературе категория «отражения» трактуется неоднозначно в силу различного рассмотрения так называемого «основного вопроса философии» – отношение сознания к бытию, духовного к материальному. Именно различные варианты решения этого вопроса (материалистическое, идеалистическое, дуалистическое) и образуют основу этого противоречивого понимания⁴⁵.

В контексте идеалистической философии познание безопасности может идти за счет расширения и углубления эмпирических знаний о ней, с одной стороны, а с другой, представления о безопасности выражают, прежде всего, определенное состояние внутренней жизни индивида. Противоречивый процесс взаимоотражения индивида, стремящегося к безопасному существованию, и опасной среды его обитания должны создать скачкообразную траекторию развития и определенное, обновленное состояние и новое качество для преодоления этих внутренних противоположностей.

С позиций материализма отражение рассматривается как всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении признаков, свойств и отношений отражаемого объекта⁴⁶. Безопасность в данном случае может рассматриваться как то или иное состояние защищенности материального объекта от какого-либо механического или природного воздействия. Неотъемлемым свойством живого организма является раздражимость, т.е. отражение воздействий внешней и внутренней среды в виде возбуждений и ответной избирательной реакции. Будучи допсихической формой отражения, реакция выступает в качестве одного из регуляторов приспособительного поведения.

Безопасность может рассматриваться как определенная норма реакции на возникновение реальных опасностей в окружающей среде. Дальнейший этап в развитии отражения связан с возникновением у более высоких видов живых организмов нового свойства – чувствительности, что является начальной формой психики. Формирование органов чувств и взаимной координации их действий привело к образованию способности отражать вещи в некой совокупности их свойств – способности к восприятию. Животные не только дифференцированно воспринимают свойства и отношения вещей, но и

⁴⁴ Современный философский словарь. М., 2004. С. 498.

⁴⁵ В идеализме признается существование только духовного бытия, состоящего из идеи и души. Все идеи существуют только в душе, ибо только она активна и деятельна. Отсюда вывод о том, что ощущения никак не могут быть копиями вещей, ибо они не похожи на те раздражители, которые их порождают; образы есть наши переживания, которые выражают качество нашей внутренней жизни. В теории рефлексии Г.В.Ф. Гегеля источником всякого развития является взаимоотражение качеств, которые в результате активного противоборства отражающего и образа образуют особое тождество этих внутренних противоположностей всякого наличного бытия – проект новой будущей вещи.

⁴⁶ Способность к отражению, а также характер ее проявления, зависят от уровня организации материи. Отсюда оно выступает в качественно различных формах в неживой природе, в мире растений, у животных и у человека. Взаимодействие различных материальных систем имеет своим результатом взаимоотражение, которое выступает в виде простой механической деформации, а также сокращение или расширение в зависимости от колебаний окружающей температуры.

отражают значительное число существенных в биологическом отношении пространственно-временных и простых причинных связей в окружающем мире. Из этого следует, что безопасность у животных непосредственно связана с уровнем развития у них ощущения, которое способствует выделению не только определенного набора опасных ситуаций, но и дает возможность иметь элементарное представление о неких условиях возникновения потенциальных опасностей в их среде обитания.

Эволюция человека, развитие общества в процессе трудовой деятельности (развитие производственных отношений) и общения (развитие языка, речи, сознания) обусловило возникновение социальной, по своей сути, формы отражения в виде общественного сознания и человеческого самосознания. Для сознания характерно то, что оно есть чисто человеческий по своей природе процесс, который предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, которое проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, способного превращать чувственные образы в определенные абстрактные и конкретные понятия.

В данном случае сущность безопасности в контексте отражения может рассматриваться как социально обусловленное явление, связанное с уровнем развития как общественных отношений, так и уровнем развития общественного сознания и человеческого самосознания. Если в первом случае речь идет о преодолении антагонистических отношений в обществе, то во втором – о создании специальных теорий и идей безопасного существования.

Отражение как психологическая категория занимает особое место среди других (физических и физиологических) форм отражения действительности.

Формы отражения психического – это такие специфические явления, которые отражают свойства объективной реальности, противоречивой действительности в их связях, отношениях, т.е. отражают реализованную возможность в её предметности.

Отражение психического есть лишь особое состояние этой материи, функция его мозга. Взятая в системе связей и отношений субъекта с окружающим миром, оно представляет образ этого мира, который «возникает в результате раздвоения жизненных процессов субъекта на процессы, осуществляющие его прямые биотические отношения и «сигнальные» процессы, которые опосредствуют их. Развитие внутренних отношений, порождаемых этим раздвоением, и находит свое выражение в развитии структуры деятельности, а на этой основе – также в развитии форм отражения психического. В дальнейшем, на уровне человека, происходит такая трансформация этих форм, которая приводит к тому, что, фиксируясь в языке, они приобретают квазисамостоятельное существование в качестве объективных идеальных явлений»⁴⁷.

Далее, если рассматривать безопасность в контексте отражения психического, т.е. как обособленное, специфическое явление, которое отражает действительность в её предметности (конкретное состояние защищенности, наличие реальных опасностей, угроз), выделяя особое состояние субъекта отражения психического в виде образа существующего мира (безопасного или опасного), то данный феномен следует раскрывать через развитие структуры безопасной деятельности, форм отражения психического различного рода опасностей, угроз.

В этом случае, исходной формой отражения психического (опасностей, угроз) могут быть как ощущения (определенной способности органов чувств: видеть,

⁴⁷Леонтьев, А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 135.

чувствовать, ощущать, знать те или иные виды опасности), так и эмоции. В самом общем виде формами отражения психического различного рода опасностей, угроз у человека выступают как первая сигнальная система (ощущения, эмоции, память), так и вторая сигнальная система (восприятие, чувства, воля, мышление).

Исходя из вышеизложенного, можно уточнить, что инстинкт самосохранения формирует как безусловные, так и условные рефлексы безопасного существования. Проблема самосохранения связана, прежде всего, не только с возможностью защиты (биологические и социальные средства), но и с созданием безопасной среды обитания – внешней (естественной или искусственной) и внутренней (система взаимоотношений), т.е. жизненно важных условий для своего развития. Любое общество формирует свою систему безопасности, основанную:

- 1) на видовом генофонде (это определенные внешние данные, необходимые для биологического выживания);
- 2) на своей природной нише, среде обитания (определенный характер защиты жизнедеятельности);
- 3) на характере доминирующих социальных отношений (способствует сохранению и развитию вида в целом).

Безусловные рефлексы – это врожденные рефлексы, которые передаются по наследству на генетическом уровне, обеспечивая те или иные приспособительные реакции к окружающему миру. Любой рефлекс состоит из определенного количества рецепторов (органов чувств), исполнительных органов (железы, мышцы) и нервного центра (спинного и головного мозга, где расположена точка определенного рефлекса).

Схема действия рефлекса достаточно проста: раздражитель (внешний вызов) —>прием (рецептор) —>нервный центр —>ответная реакция (внешняя или внутренняя) организма. Указанная схеманапоминает коммуникативную адаптационную составляющую социального бытия, необходимую для реализации безопасного существования человека, общества и фиксирования многомерных проявлений реальности.

Согласно учению известного русского физиолога И. Павлова, в природном мире у каждого живого организма существуют три основных инстинкта: 1) самосохранения; 2) продолжения рода; 3) ориентации. Причем если действия организма не соответствуют им (или отсутствуют), то организм погибает, а, например, в обществе десоциализация приводит к неправильной (искаженной) модели поведения личности, маргинальности и суициду. Отсюда проецируется вывод, что безопасность, как важнейшее свойство организма, непосредственно связана с действием безусловных рефлексов (самых сложных), т.е. с инстинктом, который выступает основой индивидуального и социального бытия.

Безопасность, как качественное свойство организма, реализуется через различные способы конкретной видовой жизнедеятельности. Для человека, например, это создание семьи, трудовая (профессиональная деятельность), обучение, воспитание и сексуальная активность. Однако все это имеет вторичный характер, поскольку обязательно базируется, тем или иным образом, на безопасности как первооснове бытия. Человек как биосоциальное существо появляется на свет уже с определенными потенциальными (необходимыми) качествами безопасного существования (генетическая основа безопасности), однако в процессе социализации (в определенной среде жизнеобитания,

биоэтики), он обретает конкретные реальные свойства своего безопасного (или опасного, небезопасного) ментального и социокультурного развития.

В этой связи необходимо отметить, что все представители детского мира (любых животных видов) являются самыми безопасными существами, но уже с определенного возрастного момента (разные временные границы социального становления у разных животных) в результате того или иного воздействия окружающей среды они обретают небезопасные и опасные свойства жизнедеятельности. Это определяется характером взаимодействия биосоциальной природы человека с окружающей реальностью, специфическим социальным бытием, которое может иметь как безопасную, так и небезопасную (или опасную) направленность. Исходя из этого, у человека также формируются те или иные условные рефлексы его существования. Человеческое существо возникает с определенными базовыми свойствами безопасного существования, однако среда его обитания предлагает ему различные варианты опасного (небезопасного и безопасного) развития в зависимости от характера существующей сферы безопасности современного общества.

В самом общем виде можно выделить четыре основные сферы взаимодействия человека с объективной реальностью: сфера, где формируются условные рефлексy, необходимые для сохранения общества, государства; где формируются условные рефлексy, необходимые для сохранения человека; где формируются условные рефлексy, небезопасные или опасные для общества; где формируются условные рефлексy для небезопасного или опасного существования индивида.

Можно согласиться с идеей исследователя А.Ш. Викторова, полагающего, что человек сохраняет общество, если общество ориентировано на его безопасное существование (развитие), и наоборот, человек не сохраняет общество (ориентирован на его разрушение), если общество создает ему условия небезопасного и/или ярко выраженного опасного существования⁴⁸.

С целью обеспечения эффективности формирования социальных рефлексов безопасного существования необходимо соблюдать определенные правила, а именно:

- придание им обязательной общественной оценки (негативной или позитивной), т.е. определенной общественно значимой эмоции (например, неотвратимости наказания за опасные деяния);
- классификация поступков должна быть неизменной, т.е. нравственные ориентиры нельзя изменять в процессе воспитания;
- должна присутствовать определенная сила поощрений за позитивные поступки (безопасные действия);
- публичность наказания, невзирая на занимаемое положение, т.е. равнозначность наказания для всех.

В то же время, как отмечают многие исследователи, если декларированная идеология безопасного развития противоречит реалиям небезопасного или опасного существования (формирует социально опасные условные рефлексy), то с необходимостью встает вопрос не об укреплении силовых государственных структур, а о жестком контроле их конкретной деятельности со стороны общественных (гражданских) организаций⁴⁹, для

⁴⁸ Викторов, А.Ш. Указ.соч. С. 211.

⁴⁹ Кузнецов, В.Г. Указ.соч. С. 23-32.

чего требуется обязательное, кардинальное изменение системы управления, системы контроля над средствами массовой информации.

В рамках гносеологического понимания безопасности следует подчеркнуть, что человечество всегда стремилось разрешать возникающие перед ним проблемы, исходя из своего уровня развития научного знания и мировоззрения (доминирующей идеологии) своего времени. При этом оно полагало, что существуют определенные истины (например, религиозные догматы, законы классической механики, теория научного коммунизма и т.д.), которые никогда и никем не могут быть опровергнуты. Исходя из этого, можно предположить, что в процессе познания действует определенный закон равновесия, по которому каждому периоду развития человечества соответствует определенный уровень знаний, характерный для данной эпохи мировосприятия и соответствующий господствующему миропониманию.

С точки зрения феноменологии безопасности, особое значение имеют принципы познания (универсализма, индуктивизма, редукционизма)⁵⁰. Эти принципы научного познания легли в основу получения позитивного знания, что привело к появлению новых научных направлений (в частности, позитивной философии или социологии), которые способствовали утверждению идеи объективной познаваемости мира. Описание и систематизация различных явлений (в природе и обществе) благодаря этим принципам позволило построить достаточно простую и объяснимую картину мира, в основе которой лежали те или другие закономерности.

Однако если естествознание первоначально было ориентировано на разработку познавательных методов (с точки зрения принципа полезности для человека), то обществознание, в силу специфики исследуемых объектов, носило субъективно-ценностный относительный характер, где результатом познания является не объяснение, а понимание.

Исходя из вышеизложенного, феноменология безопасности должна выстраиваться на следующих гносеологических принципах: историзма (эволюционизма), синергетизма, целостности и аксиологичности.

Так, принцип историзма (эволюционизма) сводится к представлению, что процесс развития (в данном случае явления безопасности) следует рассматривать в контексте конкретных исторических условий.

Синергетика – это научное направление, исследующее процессы самоорганизации в природных и социальных системах. Синергетика возникла в ответ на кризис исчерпавшего себя стереотипного, линейного мышления, основными чертами которого являются: представление о хаосе как исключительно деструктивном начале мира; рассмотрение случайности как второстепенного, побочного фактора. Как новое направление междисциплинарного исследования, отражающего современный уровень

⁵⁰Универсализм (с латинского – «всеобщий») –это базовый принцип познания, предполагающий единые основания для изучения всего многообразия природы окружающего бытия. Индуктивизм (с латинского – «наведение») связан с практикой научной деятельности – индуктивным методом получения знания о каком-либо классе явлений путем расширения знания об одном объекте (представителе этого класса) на весь класс объектов. Редукционизм(с латинского – «приводить обратно», «возвращать») связан с действиями, которые приводят к упрощению структуры какого-либо объекта благодаря сведению каких-либо данных к более простым, исходным началам. Согласно этому принципу высшие формы материи могут быть полностью объяснены на основе свойств низших форм.

развития системного подхода; в онтологическом плане она занимается изучением закономерностей возникновения, функционирования и развития самоорганизующихся систем различной природы (это узкое понимание синергетики). Широкое понимание синергетики как методологического подхода ко всем явлениям живого и неживого мира основывается на предположении о том, что все существующие системы являются самоорганизующимися.

Это объясняется тем, что всё, что доступно наблюдению в окружающей противоречивой и сложной реальности, претерпевает непрерывные изменения, которые происходят за счет сил внутреннего взаимодействия; во всяком случае, никаких внешних по отношению к нему сил не наблюдаются.

Согласно синергетической парадигме, непрерывная эволюция не ведет к равновесию, так как равновесием можно считать абсолютный хаос. Отсюда следует, что мироздание развивается, но законы этого движения в синергетической парадигме рассматриваются через определенное переосмысление ключевых понятий эволюционной теории Ч. Дарвина (наследственности, изменчивости, отбора и борьбы видов за существование). Процесс эволюционного развития с точки зрения синергетики связан с двумя основными понятиями: бифуркация (потеря устойчивости) и аттрактор (единственно возможное состояние равновесия). Исходя из этого, можно представить схему эволюционного развития. На начальном этапе эволюции происходит медленное развитие свойств системы. Этот процесс более или менее предсказуем, так как система колеблется в некоторых пределах вокруг своего аттрактора. В какой-то момент, когда внешнее воздействие достигает критического значения или происходит кумуляция (с латинского – «увеличение», «скопление») внутренних сил (или то и другое вместе), параметры системы начинают быстро изменяться, что приводит к нарушению ранее стабильного состояния, и тогда появляется возможность разных путей развития – целый веер новых аттракторов.

В такой ситуации даже незначительное воздействие может перевести эволюционный процесс на совершенно другую линию развития, порождающую деструктивные или позитивные тенденции, изменяющие систему, кардинально преобразующие социальное пространство. «Спонтанное стремление к динамическому равновесию в процессе самоорганизации сложных структур, несомненно, относится к числу всеобщих законов развития. Оно проявляется в формировании и развитии Вселенной, планетных систем, Земли, экосистем (биогеоценоза), цивилизации в целом и ее частей»⁵¹.

Диалектика такова, что этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока не наступит обновленное и относительно стабильное состояние, которое в какой-то момент опять может смениться потерей устойчивости.

Артикуляция принципа синергизма, связанная с особым состоянием развития системы в условиях нестабильности и неопределенности, может заставить исследователя по-новому посмотреть на такое явление через призму политической сингулярности и сферу безопасности, а в таком случае:

⁵¹ Поздняков, А. Порядок и хаос в динамике социально-экономических систем // Наука и инновации. 2011. № 12. С. 17-18.

- безопасность выступает как основное свойство открытой системы, где каждый элемент имеет достаточно степеней свободы для своего самосохранения, не нарушая целостности системы;
- безопасность проявляется в контексте нелинейного развития как один из возможных путей дальнейших общественных изменений;
- система безопасности в целом и входящие в ее состав различные элементы могут рассматриваться как диссипативная структура (с латинского – «рассеивать»), способная поддерживать свое упорядоченное состояние за счет самоорганизации;
- возникает необходимость и возможность исследовать особое состояние системы безопасности в точке бифуркации (т.е. выбора возможного варианта развития), когда одни виды безопасности могут быть конструктивными, а другие деструктивными.
- следуя этой логике, возникающие различного рода опасности и угрозы в современном российском обществе можно рассматривать как единственно возможные средства для сохранения существующей социально-политической системы;
- состояние неопределенности и устойчивости, наличие различного рода угроз и рисков для сохранения целостности социальной системы порождает тенденцию усложнения системы через появление новых качественных свойств. Но самое важное заключается в признании того факта, что неопределенность и неустойчивость системы определяются появлением нового качества, являющегося более сложным (по своему поведению) по сравнению с другими элементами системы, так как оно, как правило, возникает из взаимодействия её элементов, имея нематериальный порядок.

В самом общем виде основной тезис неустойчивости социума, а точнее, политической сингулярности – это противоречие интересов, ценностей, действующих многообразных акторов геополитики, которые не способствуют стабилизации мира, а, скорее, наоборот, являются фактором возникновения все большего числа и опасного качества рисков⁵².

По мнению некоторых ученых глобализация является мультипликатором рисков, порождаемых трансформационными процессами внутри государства, которые связаны: срезким возрастанием рискогенной среды обитания; с изменением логики формирования социального пространства (от территориального принципа к сетевому), что создает угрозы для расчленения пространства России на два мира: в одном – множество локальных сообществ, в другом – «бескорневые» глобальные сетевые системы;

- 1) социальный порядок все более подчиняется мощной и не имеющей обратной связи вертикали власти международных финансовых политических институтов («организованная безответственность»), а сетевой и поточный характер глобальных рисков (биотерроризм, международный терроризм, криминальные структуры и коррупция) делают неэффективной территориальную организацию общественной безопасности;
- 2) под воздействием «сырьевой ориентации» изменяется вся социальная структура общества, а индивидуальное и групповое поведение приобретает защитный характер;
- 3) в ценностно-нормативном плане российская реальность отличается множественностью конкурирующих мировоззренческих парадигм, где существует опасность потери

⁵² Брега, А.В. Политический риск. М., 2008. С. 11-12.

социальной идентичности России где многонациональная культура будет носить не интегрирующий, а этнографический характер⁵³.

Исходя из этого ясно, что безопасность целостности системы порождена определенным взаимодействием и поведением её элементов, которые не только «целесообразно» организованы (т.е. ориентированы не на выяснение отношений друг с другом, а на преодоление конкретной ситуации), но и располагают определенной ценностной системой, где во главу угла поставлена общая идея (цель). Это, собственно говоря, и есть последний принцип аксиологичности, который можно рассматривать в контексте формирования идеологии безопасного развития современного общества. Особое значение в разработке методологических основ феноменологии безопасности имеет категория среды (или даже самостоятельной сферы) безопасности, которая в специальной литературе понимается как институциональная или культурная среда².

В социально-философском отношении понятие среда включает в себя, с одной стороны, два уровня рассмотрения: на макроуровне (макросреда) – окружающие человека условия его существования (безопасные, небезопасные и опасные) общественные, материальные, духовные; и на микроуровне (микросреда), т.е. непосредственное окружение человека (семья, а также трудовые, учебные, этносоциальные группы и коллективы), где он себя воспроизводит как личность (носитель и представитель определенной совокупности социальных черт). С другой стороны, среда определяет степень их взаимоотношений (взаимосвязей, взаимовлияния) – позитивных или негативных, а также направленность характера того или иного взаимодействия (объектного или субъектного). Но можно ли утверждать, что в социальной реальности существует и активно проявляется сфера безопасности современного общества? И такая сфера, действительно, существует, она органично вплетена и взаимодействует с другими сферами жизни общества: экономической, политической социальной и духовной.

В связи с этим необходимо выделить несколько ключевых положений, позволяющих доказать такое креативное предположение:

Во-первых, на генетическом уровне каждый индивидуум стремится к обеспечению своей безопасности в повседневной деятельности. В современном обществе каждый осознает, что свою индивидуальную безопасность можно обеспечить только коллективными действиями, направленными на создание цивилизованных форм и методов обеспечения безопасности государства, общества и, как следствие, – гражданина. Исторически сложилось так, что общество создавало государственную власть для обеспечения личной безопасности в условиях постоянно меняющихся социально-политических условий и экономического развития. При этом государство изначально было запрограммировано на обеспечение безопасности общества и личности, и в том числе – своего (властного) безопасного существования.

Следовательно, личность, общество и государство были обеспокоены своей безопасностью. Но даже не скоординированные разнонаправленные подобные действия происходили и происходят в некоей специфической сфере деятельности, а именно, безопасности. Она исторически формировалась стихийно и зачастую вне зависимости от их целенаправленных действий (это можно сравнить с формированием купола или панциря, который в целях безопасности накрывает, затрагивает и проникает во все сферы

⁵³ Яницкий, О.Н. Риски глобализации // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003. Т. 2. С. 659-660.

общественного бытия). Объективная необходимость обеспечения соответствующей современным требованиям надежной сферы безопасности в основных областях жизнедеятельности личности, государства и общества неизбежно приводит к формированию искомой сферы безопасности.

Во-вторых, в современных исследованиях часто употребляются такие термины как «экономика безопасности», «политика безопасности», а не только такие её виды как экологическая, политическая безопасность, экономическая безопасность, духовная безопасность, биобезопасность, продовольственная безопасность.

Фактически внутри самостоятельной и явно большой по объёму деятельности в современном обществе (а обеспечение безопасности является таковой) возникают самостоятельные виды социально значимой деятельности. Значит, можно утверждать, что сфера безопасности в настоящее время уже в значительной степени дифференцируется и даже профессионализируется (есть специалисты, эксперты по политической безопасности, по экономической, экологической, духовной безопасности).

В-третьих, в современном научном дискурсе также произошла значительная дифференциация научного и экспертного знания. Так, в последние несколько десятилетий появились такие научные направления и учебные дисциплины как «философия безопасности», «социология безопасности», «психология безопасности», «основы безопасности жизнедеятельности». Не исключено, что в будущем будет наблюдаться появление (автор считает это неизбежным) «политологии безопасности», «синергетики безопасности», «инноватики безопасности», «модернизации безопасности». То есть, если уже сформировался целый комплекс наук, учебных дисциплин о явлениях и процессах внутри того, что называется безопасностью, то очевидно, что такая отдельная, вполне самостоятельная сфера существует и активно изучается представителями разнообразных научных направлений.

В-четвертых, для государственной власти такая, казалось бы, специфическая деятельность как обеспечение безопасности является жизненно необходимой, институционально оформленной уже в течение нескольких тысячелетий. И, действительно, с момента своего возникновения практически любое государство одновременно создает правоохранительные структуры и органы политического сыска, вооруженные формирования и другие военно-силовые организации. Внутри государства дифференциация среди этих организаций в связи с выполнением специфических задач в сфере безопасности никогда не остается неизменной (объём их функций и полномочий постоянно меняется), что позволяет утверждать следующее: государственная власть на практике рассматривает сферу безопасности для себя в качестве приоритетной и перспективной.

Таким образом, в результате кропотливой исследовательской работы удалось сформулировать отличия безопасности от защиты, а также кратко представить онтологические, гносеологические, аксиологические принципы феноменологии безопасности современного общества. Поставлен под сомнение устоявшийся в научной мысли подход, согласно которому безопасность фактически сводится к созданию условий стабильного существования, безопасного развития, а реализация (удовлетворение) интересов любых субъектов в безопасности должна осуществляться параллельно с действиями по защите социальных и личных интересов граждан. В таком ключе вся

деятельность по обеспечению безопасности вторична по отношению к любой социально значимой активности, что автора не полностью удовлетворяет.

Очевидно, что существуют многочисленные интересы разнообразных социальных субъектов (акторов) именно в сфере безопасности, что позволяет зафиксировать самостоятельность данной сферы наряду с традиционными сферами общественного бытия: политической, экономической, социальной и духовной.

1.2. Общественные отношения и процесс политического влияния на сферу безопасности

Анализ профильных (по тематике безопасности) исследований показал, что в большинстве из них наиболее часто встречающимся термином является «обеспечение». Более того, в большинстве научных исследований, статей, правовых и доктринальных документов в связи с любыми действиями в сфере безопасности (а если точнее, то фактически – в связи с национальной безопасностью), употребляется понятие «обеспечение национальной безопасности». Для осмысления этого понятия целесообразно вначале установить, что же такое «обеспечение».

Так, в словаре русского языка С.И. Ожегова, «обеспечение» рассматривается в нескольких значениях. Предоставление достаточных материальных средств к жизни; снабжение чем-либо в нужном количестве; сделать вполне возможным, действительным, несомненным (в устаревшем значении как оградить, охранить)⁵⁴.

В юридическом словаре «обеспечение» рассматривается в смысле исполнения обязательств как специальной меры имущественного характера, побуждающей стороны к надлежащему и реальному исполнению обязательств⁵⁵, то есть, обеспечение рассматривается, в основном, как некое (например, имущественное) снабжение, как некоторая деятельность по обеспечению, созданию каких-то условий.

Например, в Концепции национальной безопасности России нет толкования термина «обеспечение», а в ее IV главе «Обеспечение национальной безопасности РФ» идет речь о задачах обеспечения национальной безопасности⁵⁶.

В Военной доктрине России также не объясняется, что подразумевается под понятием «обеспечение», но при этом в разделах «Обеспечение военной безопасности» и «Военно-экономическое обеспечение военной безопасности» рассматриваются главные цели, направления и задачи обеспечения военной безопасности как уже нечто понятное и, видимо, аксиоматичное⁵⁷ (не требующее объяснения). Нет единого понимания содержательного наполнения «обеспечения» в связи с безопасностью и в содержании изученных автором научных статей и монографий. Так, например, в работе А.В. Возженикова более 90 раз употребляется понятие «обеспечение» в сочетании с другими терминами, но нигде не определяется содержание процесса обеспечения⁵⁸. Этот исследователь обеспечение безопасности в одном случае рассматривает как политический институт, а в другом как институт самоуправления, в некоторых моментах обеспечение

⁵⁴ Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М., 2004. С. 541.

⁵⁵ Юридический словарь. М., 2004 С. 327.

⁵⁶ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. Ст. 170.

⁵⁷ URL. <http://> (дата обращения 18.12.2009)

⁵⁸ Возжеников, А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. 42 с.

безопасности синонимично администрированию. А вот, например, в работе О.Н. Климова обеспечение рассматривается скорее как обслуживание (при этом не анализируется смысловая разница между «политикой безопасности» и «политикой обеспечения безопасности»⁵⁹).

Аналогичный подход использует в своем исследовании С.В. Гвоздиков, который, как и другие ученые, использует «обеспечение» просто как бессодержательный термин⁶⁰.

Дело в том, что любая активность субъектов (акторов), участников в отношении сферы безопасности или же внутри нее может рассматриваться как обеспечение безопасности.

В работе И.Ф. Исмагилова в разделе под названием «Обеспечение национальной безопасности России» о самом обеспечении нет ни слова⁶¹, что также является фактическим подтверждением вывода о бессодержательности употребляемого термина «обеспечение» применительно к безопасности большинством российских ученых. Но заслуживают особого внимания оценочные суждения о понятии «обеспечение национальной безопасности» других специалистов. Например, профессор А.А. Прохожев в своей работе под обеспечением национальной безопасности понимает целенаправленную деятельность государственных, общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества, государства и противодействию им в качестве обязательного и неременного условия защиты национальных интересов⁶².

То есть, вновь (как ранее другие специалисты) к обеспечению, если нами правильно понята мысль профессора А.А. Прохожева, может быть приравнена любая активность в сфере безопасности и в связи с защитой национальных интересов.

Аналогично размышляет исследователь О.А. Судоргин, который определяет «обеспечение безопасности как деятельность социальных и институциональных субъектов по согласованию интересов личности, общества и государства и на этой основе использованию политической власти для предотвращения, нейтрализации и устранения последствий негативных ... воздействий»⁶³.

Далее он утверждает, что главное содержание политики обеспечения безопасности состоит в том, чтобы минимизировать опасности, угрозы, создать и поддерживать баланс интересов личности, общества и государства. То есть, обеспечение безопасности сводится к двум синхронным процессам: к согласованию и поддержанию баланса интересов, к минимизации опасностей, угроз.

Такие российские исследователи, как В.Ф. Ницевич, В.А. Труханов утверждают, что обеспечение национальной безопасности зависит от многих обстоятельств, выраженных в условиях, факторах, выявление и учет которых носит определяющее значение для научного исследования.

⁵⁹ Такой подход, когда «политика обеспечения безопасности» и «политика безопасности» употребляются как синонимы, характерен для всех без исключения отечественных диссертационных исследований. См. подробнее: Климов, О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 10.

⁶⁰ Гвоздиков, С.В. Обеспечение военной безопасности России в военно-политической и международной системах СНГ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. С. 3.

⁶¹ Исмагилов, И.Ф. Перспективы национальной безопасности России. Казань, 1998. С. 120-140.

⁶² Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. С. 174.

⁶³ Судоргин, О.А. Императивы и приоритеты политики обеспечения информационной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 13.

Однако они, бесспорно, отмечают, что целенаправленное и эффективное обеспечение национальной безопасности невозможно без комплексного использования политических, правовых, экономических, научно-технических, духовно-нравственных, информационных, военных, других возможностей общества и государства⁶⁴.

Далее исследователь А.В. Уралова рассматривает социальное обеспечение как совокупность норм, регулирующих экономическое, правовое и иное обеспечение граждан, нуждающихся в социальной защите⁶⁵, а специалисты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова уровень обеспечения безопасности жизнедеятельности, защищенности москвичей в городе оценивают на основе двух взаимосвязанных составляющих: оценки состояния источников, носителей опасности в рамках социальной среды столичного города; оценки субъективного восприятия гражданами данных источников и носителей опасности⁶⁶.

Следовательно, ретроспективный анализ научных трудов позволяет сделать вывод, что термин «обеспечение» в контексте безопасности каждый ученый трактует так, как ему удобно в контексте собственного исследования. Фактически можно констатировать тот факт, что пока никто из отечественных специалистов не занялся серьезным анализом содержания понятия «обеспечение» как явления и процесса. Из этого сделаю вывод о не слишком большой корректности термина «обеспечение» для научного исследования. Данный термин, полагаю, ничего не проясняет (в этом автор лично убедилась в беседах с чиновниками, работниками силовых структур и профессорско-преподавательским составом в Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского), но при этом он как бы априори носит обязательный для исполнения характер⁶⁷.

В результате получается, что категория «обеспечение» применительно к сфере безопасности воспринимается как устоявшийся и в целом привычный термин, однако данное понятие не несет ярко выраженного смыслового содержания, которое пока остается за скобками обстоятельного структурно-функционального научного анализа. «Обеспечение» для большинства исследователей понимается как некая активность в сфере безопасности. Кроме того, полагаю, для данного исследования целесообразно рассмотреть внутренние для этой активности процессы (такие, как защита⁶⁸, управление и регулирование).

Очевидно, что в современном обществе различные специалисты и теоретики видят различные пути совершенствования его динамичного развития и обеспечения безопасности как социума в целом, так и отдельных его систем, частей, механизмов и граждан.

⁶⁴ В самом общем виде механизм обеспечения безопасности включает нормы, средства, способы, методы, посредством которых субъекты воздействуют на опасности и угрозы для достижения целей, т.е. требуемого состояния безопасности. См. подробнее: Актуальные проблемы национальной безопасности России: учебное пособие // Под общ. ред. В.Ф. Ницевича, В.А. Труханова. Саратов, 2002. С. 48.

⁶⁵ Уралова, А.В. Право социального обеспечения. М., 2006. С. 13.

⁶⁶ Москвичи об обеспечении безопасности города и населения / Информационно-аналитический сборник МГУ им. М.Ю. Ломоносова «Библиотека «Москва современная». М., 2004. С. 5.

⁶⁷ Даже логически можно прийти к выводу о том, что функция т.н. «обеспечения безопасности» не является основной для общества и граждан и потому термин «обеспечение» не является корректным для описания активности общественности и граждан в сфере безопасности.

⁶⁸ Отличие «безопасности» от «защиты» уже было изложено автором в предыдущем параграфе.

Многие из них пишут об объективной необходимости управления в современном социуме, другие видят приоритет в изучении и практической организации современных технологий⁶⁹.

Третьи говорят о необходимости постепенного перехода от управленческих воздействий к системе регулирования общественных отношений как более прогрессивной и эффективной⁷⁰.

Например, в своем Послании Федеральному Собранию 2008 года Президент России напрямую не употребляет термин «регулирование» применительно к действиям государства, но и к термину «управление» относится достаточно сдержанно. По мнению профессора А. Райкова (Президента аналитического агентства «Новые стратегии»), вызывает беспокойство тот факт, что из Послания выпал термин «государственное управление»⁷¹.

Соглашаясь с мнением А.В. Райкова, уточню, что этот термин и в Конституции России применяется весьма фрагментарно. Кроме того, «госуправление» не в состоянии раскрыть и уместить все многообразие современных социально-политических, экономических процессов, нуждающихся в воздействии (но не жестком управлении) со стороны властных структур⁷².

Анализ профильной литературы позволяет сделать вывод, что все без исключения исследователи сходятся во мнении: самым мощным субъектом вмешательства в жизнь граждан и общества является государство. Можно согласиться с известным исследователем профессором Г.В. Атаманчуком в том, что государство в течение нескольких тысячелетий (с момента своего возникновения) структурирует и регулирует общественные отношения⁷³.

И в процессе приближения подтверждается давно зафиксированный учеными теоретический вывод о взаимообусловленности общества и государства, в том числе и в их влиянии на сферу безопасности. Однако в содержательном плане вышеуказанная взаимообусловленность вызывает много дискуссий. Так, из важности для любого общества государственного воздействия на него иногда делается акцент на то, что это воздействие, влияние распространяется на все общество.

И тогда может оправдываться вмешательство государства во все стороны жизни людей, в том числе и в частную жизнь, порой объясняя этот феномен необходимыми мерами для безопасности в обществе. Вряд ли с этим можно согласиться как в целом, так и применительно к безопасности. Однако здесь же следует признать, что бывают ситуации, когда начинает преобладать противоположная точка зрения и в обществе доминируют высказывания о необходимости вообще прекратить взаимодействие государства и социума (и получается, что государство и общество должны

⁶⁹ Овчинникова, Н.В. История развития теории и практики управления в России в XX веке. М., 2005. С. 4-5; Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. С. 6.

⁷⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию//QRL.RU: сервер Президента Российской Федерации.2008.URL. <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 15.11.2008)

⁷¹ Райкова, А. Президент аналитического агентства «Новые стратегии»URL. <http://www.kommentarii.ru/theme/1387#kommentarii> (дата обращения 14.11.2008).

⁷² Как отметил Д.А. Медведев, в России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.[http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294) (дата обращения 25.12.2008).

⁷³ Атаманчук, Г.В. Государственное управление: организационно-функциональные вопросы. М., 2000.С. 5-7.

организовывать безопасность в социуме порознь). Особенно в 1990-е годы было немало написано о том, что рынок, демократия сами по себе способны обеспечить не только регулирование, но и развитие общественных отношений, организуют безопасность для тех, кому это необходимо в той мере, насколько это понадобится. Полагаю, что и эта точка зрения уже опровергнута практикой и многочисленными научными исследованиями⁷⁴.

Проблема эффективности функционирования и развития государственной власти в современном обществе является объектом исследования многих специалистов и ученых, экспертных и научных коллективов⁷⁵. По этой тематике регулярно издаются научные труды, проводятся конференции, семинары, круглые столы. Однако многочисленность специалистов, разрабатывающих тематику госуправления (а таких большинство), еще не означает завершенности выработки смысла понятий «государство», «государственная власть», «государственное управление».

Объясняя сущность функционирования государственной власти, исследователь С.Т. Кадымов отмечает, что посредством управления осуществляется основная идея государства, которая состоит в обеспечении общих интересов, взятых как целое, против частного интереса, который угрожает этой целостности⁷⁶.

Применительно к безопасности эта мысль, безусловно, заслуживает внимания, поскольку безопасность в функционально обеспеченном состоянии является общим интересом и актуальна для современного общества.

Аналогичную мысль изложил польский ученый Л. Бальцерович, отметивший в своей работе, что любая многочисленная группа людей, постоянно проживающая на определенной территории, имеет свод коллективных правил, а в социумах более современного типа – существует система институтов, отвечающих за безопасность, урегулирование конфликтов и оборону⁷⁷.

Но важно подчеркнуть, что из этого положения не следует утверждение о том, что конкретное участие в воздействии на сферу безопасности (которое в большинстве научных работ называется ее «обеспечением») для различных субъектов, акторов и участников должно определять только государство. Необходимо особо уточнить, что многие специалисты понимают термин «госуправление» достаточно «расширительно», как практическое организующее, регулирующее воздействие государства на общественную жизнь и ее безопасность в целях их упорядочения, сохранения и преобразования, как опирающуюся на власть деятельность госаппарата по регулированию общественных отношений⁷⁸ (в полной мере это относится и к сфере безопасности). При этом объектом госуправления рассматриваются как общественные дела, так и основные цели самого госаппарата (то есть, внутренние по отношению к органам госвласти цели). Встречаются попытки и более узкого понимания сущности управления.

⁷⁴ Новикова, М.А. Безопасность личности в российском обществе в условиях становления правового государства: автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 2003. С. 8-18; Холод, А.В. Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 2004. С. 4, 14-17.

⁷⁵ Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М., 2008. Вып. 4. 128 с.

⁷⁶ Кадымов, С.Т. Проблемы государственного управления в современной России: автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 1998. С. 3.

⁷⁷ Некоторые из подобных институциональных систем называются государствами. См.: Бальцерович, Л. Навстречу ограниченному государству. М., 2007. С. 13.

⁷⁸ Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. С. 38.

Так, профессор В.М. Манохин сводит его преимущественно к организующей, исполнительно-распорядительной деятельности органов государства, осуществляемой на основе и во исполнение законов, состоящих в повседневном практическом выполнении функций⁷⁹.

Тем самым несколько сужается объект понятия, поскольку при этом фактически отождествляется сфера госуправления со сферой функционирования исполнительной власти (вряд ли можно согласиться с тем, что, например, безопасность является объектом воздействия только исполнительной власти).

Достаточно близкое определение госуправления предлагает профессор А.И. Радченко, который определяет его как деятельность «исполнительно-распорядительного органа по воздействию на объект управления для его перевода в состояние, необходимое для достижения цели соответствующего территориального образования, посредством принятия правовых актов, организации и контроля исполнения этих актов и актов органов законодательной (представительной) власти»⁸⁰.

Такая трактовка позволяет в основном акцентировать внимание только на вертикальном влиянии, и, видимо, фактически исключает форму сотрудничества между субъектом и объектом управления в любых социально значимых вопросах. Достаточно простое определение государственного правления дано в работе Н.И. Глазуновой. В данной работе управление идентифицируется с целенаправленным организующе-регулирующим воздействием государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей⁸¹.

Авторский анализ материалов профильной литературы позволяет утверждать, что более или менее однозначной (то есть, завершенной) трактовки государственного управления как категории современной науки, например, в целях эффективного влияния на безопасность современного общества, фактически пока нет ни у одного исследователя.

Так, например, Н.И. Глазунова определяет государственное управление (наряду с вышеприведенной дефиницией) в широком и узком смысле. В широком варианте госуправление ею понимается как непосредственное осуществление государственной власти (ключевое слово – «государственной»). В узком же смысле этот вид управления ассоциируется у Н.И. Глазуновой либо с политической партией (например, КПСС), либо с деятельностью государственных органов, например, исполнительной властью⁸².

Фиксируется вариант, когда государственное правление ассоциируется с активностью власти государственной, фактически осуществляемой без общественной власти, без общественности, граждан, то есть, осуществляющий управление орган (структура) выполняет одновременно две базовые функции: политическую, которая состоит в выработке общих направлений политики, законов, и административную, которая является приложением политики, законов к отдельным гражданам, конкретным ситуациям. Но, очевидно, места для общества и его власти в этом подходе не предусмотрено. И поскольку большинство специалистов классифицируют

⁷⁹ Советское административное право. М., 1977. С. 13.

⁸⁰ Радченко, А.И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. Ростов н/Д, 1997. С. 22.

⁸¹ Такой подход мог бы быть рассмотрен как весьма зауженный (поскольку сводит управляющее воздействие лишь к органам и лицам), если бы далее Н.И. Глазунова не трактовала госуправление как разновидность управления социального. См.: Глазунова, Н.И. Система государственного управления. М., 2002. С. 13.

⁸² Глазунова, Н.И. Система государственного управления. М., 2002. С. 14-15.

управленческую деятельность как деятельность административную, то здесь, думаю, следует более четко определиться с сущностью термина «административное»⁸³.

Применительно к какой-либо организации администрация понимается как «совокупность линейных и функциональных руководителей и их заместителей на всех уровнях управления организацией, имеющих право принимать решения. В общем плане под администрацией организации подразумевается ее руководящий состав»⁸⁴. На основании этого считаю возможным назвать администраторами всех тех, кто организует управление, так как администрирование осуществляется при помощи административно-управленческих технологий, под которыми понимаются способы непосредственного (прямого) оперативного воздействия на управляемый объект.

Данные технологии находят свое выражение в конкретных решениях, принятие которых управленческим органом и руководителем предполагает вместе с осуществлением ими своей правовой функции глубокие знания, полное и достоверное представление о состоянии объекта, понимание последствий принимаемых решений и отдаваемых распоряжений, обеспечение взаимодействия людей⁸⁵.

В словаре отмечено, что научное административное управление «не имеет ничего общего с бюрократическим администрированием, с субъективизмом и волюнтаризмом, нарушением прав и свобод человека»⁸⁶. При этом в реальной действительности многое происходит как раз наоборот: зачастую административное управление также не является научным, тесно сопряжено с бюрократизацией, субъективизмом, другими негативными социальными явлениями. В результате всего этого оказывается, что определить сущность «административного» довольно непросто. Авторский анализ показывает: во многих научных источниках отмечается, что в основе управления лежит принцип единоначалия (как принцип управления, означающий предоставление руководителю какого-либо органа широких полномочий, необходимых для выполнения его функций, а также установление его персональной ответственности за результаты работы). В этом случае предполагается, что руководителю дают широкие, но функционально ограниченные полномочия. Одновременно с этим он несет ответственность за все достигнутые результаты работы⁸⁷.

Однако в советское время содержание принципа единоначалия было несколько другим, так как в советской административной практике единоначалие заключалось в наделении начальников любого уровня всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед вышестоящими начальниками за все стороны жизни, деятельности подчиненных коллективов.

Возможно, такое понимание администрирования может показаться упрощенным, и, тем не менее, далее обосную свою точку зрения, предполагая, что принцип единоначалия был характерен для системы госвласти СССР в целом. Более того, думаю, что современная практика управленческой деятельности в российском государстве органично

⁸³ «Административное» – органы исполнительной власти и госуправления; должностные лица управления, руководящий персонал учреждения, предприятия; распорядители, ответственные устроители. См.: Управление организацией: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 14.

⁸⁴ См.: там же.

⁸⁵ Зинченко, Г.П. Социология управления. Ростов-на-Дону, 2004. С. 13.

⁸⁶ Управление организацией: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 13.

⁸⁷ В отличие от единоначалия, ключевым для понимания сути современного менеджмента является анализ результатов, а не сам процесс работы и деятельности.

вытекает из советского времени, а научные основы советской управленческой деятельности были сформированы еще в 20-30-е годы прошлого столетия.

Уже в 20-е–30-е годы XX столетия в СССР шло очень активное обсуждение преимуществ и недостатков линейной и функциональной моделей управления. При этом считалось, что линейная организация предполагает исключительную многостороннюю компетентность руководителя, который должен выполнять административно-распорядительные, политические, коммерческие, производственно-технические, учетно-контрольные, планирующие и прочие функции. Функциональная же структура большинством ученых и специалистов считалась более предпочтительной прежде всего потому, что она была основана на рациональном разделении функций между отдельными руководителями и сохранении за главным управляющим только роли организатора и «объединителя» этих отдельных функциональных руководителей.

Фактически же отличительной чертой функциональной системы является создание вместо единоличного руководителя – коллективного, основывающегося на принципе строгого разделения управленческих функций между несколькими лицами.

В связи с этим профессор Э.К. Дрезен еще в 1925 году отмечал: «Главное – четко определить функции, с выявлением которых можно с полным основанием считать задачу формирования оргструктуры управления в значительной мере завершенной. К сожалению, существующие оргструктуры не базируются на предварительном выявлении функций. Преобладание линейных принципов имеет в качестве неизбежного следствия чрезмерную бюрократическую волокиту, когда руководитель перегружен решением мелких вопросов, сосредоточиться на которых с должным вниманием он физически не может»⁸⁸.

Трудно не согласиться с тем, что это довольно похоже на загруженность многих отечественных руководителей любого уровня. Держалась же система управления в СССР в основном на политическом контроле, который осуществляли два политических института: партийные органы и спецслужбы, которые играли основную роль (по их оценочным суждениям) в организации безопасности. Основной же формой деятельности органов государственной власти являлось администрирование. И поэтому, когда после отмены статьи 6 Конституции СССР политический контроль фактически исчез, практически одновременно прекратила свое существование советская система госуправления, поскольку без политического контроля процесс управления в масштабе всего государства был остановлен. При этом государственный аппарат и ранее, считаю, не имевший общественно значимых целей, в условиях распада государства потерял всякую мотивацию для активности.

Очевидно, что преобладание администрирования в государственном управлении характеризует, как правило, тоталитарные либо авторитарные социально-политические системы, а разумное сочетание политического управления с административным – скорее присуще демократическим общественно-политическим системам. Чтобы аргументировано доказать это утверждение, необходимо системно рассмотреть государственное управление.

В настоящее время многие специалисты отмечают, что само по себе государственное управление как система состоит как минимум из трех диалектически взаимосвязанных между собой подсистем⁸⁹: управляющей системы, под которой

⁸⁸ Советская управленческая мысль 20-х годов: Краткий именной справочник. М., 1990. С. 95.

⁸⁹ Глазунова, Н.И. Система государственного управления. М., 2002. С. 34.

понимается государство как определяющий субъект управления; управляемой системы, которая соответствует общественной системе; системы взаимодействия между государственной властью и современным обществом.

Такое понимание системы управления теоретически включает в данную систему общественную подсистему. Однако, например, в СССР на практике общественные объединения, организации и граждане фактически были лишены возможности не только влиять на общественную жизнь, безопасность общества, но и не могли реально избирать даже органы госвласти. Кроме того, государственное правление рассматривается как деятельностный компонент управляющей системы, т.е. системы управления делами общества в целом (в широком смысле) и системы управления делами самого государства (в узком смысле).

Важнейшим системообразующим фактором управления является взаимодействие государства с окружающей социальной средой, поскольку госуправление связано с восприятием множества сигналов, идущих как от общества, так и от самой власти. Но главной, конечной целью управляющей системы является все же не ее собственное существование «для себя», а обеспечение базовых параметров надлежащего состояния и развития общества, удовлетворение его основных потребностей в безопасности, интересов и ожиданий. В этом и состоит уникальность, особая значимость диалектических связей системы государственного управления и современного общества.

Во всяком случае, так должно быть, в теории. Однако вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что в СССР система государственного управления была ориентирована, в первую очередь, на реализацию интересов граждан и общества. Впрочем, изучая современную литературу по проблемам власти и управления в СССР, автор обнаружила весьма экзотические точки зрения, нуждающиеся в оценках и комментариях. Так, например, член Общественной палаты России А. Чадаев в своей книге пишет: «Государство часто рассматривали в виде своего рода корпорации – одной большой фирмы по оказанию услуг населению. Но это правомерно только для тоталитарных систем, где каждый гражданин по умолчанию является сотрудником этой фирмы и в то же время потребителем ее услуг». По мнению А. Чадаева, «сталинское государство соответствовало этому определению в полной мере»⁹⁰.

Сложно согласиться с этим достаточно идеологизированным подходом к определению, так называемого «сталинского государства», так как дело обстояло как раз наоборот. Это государство никоим образом не было нацелено на оказание услуг населению, скорее его приоритетом было абсолютизированное использование насилия, которое рассматривается в качестве универсального средства государственного управления. Других методов в таком государстве не могло быть в принципе, так как в этом государстве карательная функция не просто соседствовала с «воспитательной», но и преобладала над ней.

В этот период в государстве фактически существовала политическая юстиция. Так, исследователи В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусов отмечают: «политические репрессии осуществлялись хорошо организованной, разветвленной политико-юридической системой страны – органами госбезопасности, внутренних дел, революционными, а затем и военными трибуналами, общими судами, прокуратурой. Действовали все эти органы и учреждения преимущественно на основании нормативных актов, то есть осуществляли

⁹⁰ Чадаев, А. Путин. Его идеология. М., 2006. С. 8.

правоприменительную деятельность, принимали юридически значимые решения»⁹¹. Не думаю, что в таком государстве кому-то могла прийти в голову мысль об оказании услуг населению (как цели государственной политики и безопасности). Характеризуя же систему управления, например, в современной России, А. Чадаев считает, что «власть находится в «подвешенном состоянии». Она несет ответственность за существование всех граждан, но непосредственно управляет лишь крайне небольшой (в масштабах страны) административной пирамидой»⁹².

Далее он констатирует факт, что «реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости»⁹³. Сомнительна и эта характеристика. Так, из текста приведенных выше цитат не слишком понятно, во-первых, зачем же руководству государства понадобилось создавать так называемую «вертикаль власти», если в результате оно не может использовать эту самую «вертикаль» в качестве своего инструмента. Кроме того, известно, что количественно госбюрократия в России не просто не уменьшилась (по сравнению с СССР), но даже выросла в несколько раз⁹⁴.

Во-вторых, если власть не может управлять, то это означает, что она не способна воспользоваться в полной мере политическим инструментарием. Ведь известно, что одной из характеристик «политического» является публичность (которая принципиально не является сущностной чертой «административного»). Но тогда возникает еще ряд вопросов: зачем тогда власти необходимы выборы, если в результате их проведения она не получает рычагов воздействия на граждан? Если власть, по мнению того же А. Чадаева, может управлять только административной пирамидой, то кто же тогда управляет населением, обеспечивая безопасность?

В то же время рациональное зерно в такой постановке вопроса четко прослеживается и заключается в признании некоторых фактов. В современном обществе принципиально изменились общественные отношения, которые хотя до конца еще не осмыслены, но в значительной мере влияют на безопасность в обществе. Система управления «всем и вся», характерная для СССР, например, в России распалась, а новая система государственного управления, включающая общественность и общественное управление, безопасность общества и граждан еще не сложилась. Далеко не все методы воздействия, влияния на социум и его сферу безопасности, применявшиеся в СССР, могут быть использованы в современном обществе.

Система государственного управления, соответствующая реальному состоянию социума и его безопасности, должна постоянно реагировать на происходящие в нем изменения, может быть определена как рациональная, устойчивая. В такой социальной системе постоянно развивающееся современное общество формирует свои основные потребности (в том числе и в безопасности) как своеобразный социальный заказ государству (а не наоборот). Далее потребности трансформируются в интересы, а интересы принимают форму требований, которые можно представить в виде импульса на входе управляющей системы. На уровне входа для управляющей системы также

⁹¹ Кудрявцев, В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 4.

⁹² Чадаев, А. Путин. Его идеология. М., 2006. С. 8.

⁹³ Чадаев, А. Путин. Его идеология. М., 2006. С. 9.

⁹⁴ Об этом неоднократно говорил Президент России в своих Посланиях Федеральному Собранию. См., например: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005. С. 40-41.

объективно необходима поддержка со стороны общества или так называемая ресурсная «подпитка» для реализации формирующихся требований. Поддержка возможна как материальная, так и не материальная, но она скорее является формой выражения лояльности, благожелательности к существующему режиму и означает усиление управляющей системы.

В случае же если требования перегружают управляющую систему, а поддержка, возможности общества, ресурсное обеспечение явно недостаточны, то неизбежны кризисные ситуации в управлении, в социуме и его безопасности. Как отмечает исследователь Н.И. Глазунова, для эффективного функционирования системы государственного управления важным является выполнение двух базовых требований⁹⁵:

во-первых, управленческие решения должны опережать и предопределять те или иные конкретные управленческие действия;

во-вторых, управляющая система может стабильно функционировать только как открытая система по признаку «вход – выход», когда каждому сигналу, поступающему на вход системы, соответствует отклик, выходной сигнал. При этом адекватность управления возможностям и запросам общества (в том числе – в вопросах безопасности) – это одна из закономерностей системы госуправления. Ее нарушение всегда заметно обществу: управляющая система начинает работать на себя, бюрократия становится недоступной для общественного запроса по любым вопросам, власть используется чиновниками для самих себя, а не для людей, а практически любые политические решения госвласти становятся непонятными для большинства граждан⁹⁶.

Такое положение неизбежно порождает процесс стагнации управляющей системы, а в обществе появляются силы, стремящиеся «помочь» ей прекратить собственное существование. Это означает, что необходимо своевременно принимать превентивные, высокоэффективные предупредительные меры. Если управленческие решения и действия не устраивают общественную среду, то информация об этом поступает в систему управления и требует переориентировки усилий, изменения задач и всей тактики функционирования. Считаю, что наличие обратной связи, способной привести к оперативным изменениям в системе управления, является объективным показателем степени эффективности системы государственного управления.

Система управления включает в себя как политические процессы, так и процессы администрирования, что актуально для современного общества. В различных социумах соотношение «политического» и «административного» бывает различным, в том числе и при оказании воздействия на безопасность в обществе. Фактически же управленческий процесс является совокупностью этих двух процессов, он как бы связывает между собой, с одной стороны, политическую власть, политическую элиту; с другой стороны – государственная власть, государственный аппарат; общественность и граждан – с третьей стороны. При этом надо признать, что разделение в теории и на практике этих процессов позволяет изменить (по форме и функциям) многопрофильные и громоздкие госструктуры и создать меньшие по размеру, но более эффективно действующие организации (агентства вместо министерств и т.д.).

Концептуально фиксируется следующая ситуация: как явление и процесс, государственное управление представляет собой довольно разветвленную,

⁹⁵ Глазунова, Н.И. Система государственного управления. М., 2002. С. 38.

⁹⁶ Кравченко, А.И., Тюрина, И.О. Социология управления: фундаментальный курс. М., 2004. С. 393.

взаимосвязанную деятельность различных государственных, общественно-политических акторов по снижению степени неопределенности в современном обществе, его безопасности и по достижению социально значимых целей в конкретном социуме. В современных условиях оно осуществляется за счет передачи сверху вниз (то есть, от власти – к общественности и гражданам) многочисленных политических по сути установок и их реализации в основном административными методами.

Продолжая размышлять над теми трудностями, с которыми столкнулось, например, Советское государство, над его формами и методами влияния на сферу безопасности, необходимо в теоретическом ключе проанализировать такую категорию, как «регулирование» применительно к деятельности государства по организации повышения эффективности функционирования сферы безопасности современного общества.

По мнению исследователя А.С. Ракшня, проводящего сравнение понятий эффективность «госуправления» и «госрегулирования», второе из них имеет ярко выраженный общественно-политический уклон, тогда как первое характеризует влияние государства на жизнь современного общества⁹⁷, уточняя, что существует несколько причин для проведения анализа процесса регулирования сферы безопасности.

Во-первых, общество нельзя назвать объектом управления в том понимании, как это делается в технических или механических системах, так как решающую роль в исследовании общественных процессов, формировании состояния безопасности играет организация и самоорганизация. Следовательно, ученому необходимо исследовать такие явления, которые сочетаются с процессами самоорганизации, а не только постоянно воздействуют на них. Видимо, есть смысл искать и анализировать процессы выборочного, более избирательного влияния власти на современное общество и на его сферу безопасности.

Вполне можно согласиться с другим исследователем С. Мирзоевым, который анализирует так называемую «оранжевую революцию» в Украине: «Я увидел не только борьбу за власть, а саму власть в изменяющемся обществе, ее новые проявления, ее новые институты, едва уловимые и подчас рационально не конструируемые и не объяснимые процессы ее осуществления»⁹⁸.

Во-вторых, современное общество и его сфера безопасности являются объектом воздействия, вмешательства не только, а может быть, и не столько, органов государственной власти (но, например, бизнес-структур). Любой процесс в современном обществе – это совокупный результат, равнодействующая действий многих субъектов (акторов) влияния. Их действия никогда не могут быть до конца регламентированы и согласованы, поэтому реакции общества (возмущение среды) могут быть просто непредсказуемы. Направляющие, регулирующие воздействия (не тотального характера) создают определенный уровень устойчивости в общественных отношениях, предотвращают развитие кризисных явлений, повышают его безопасность, а их системное применение в совокупности с госуправлением поможет избежать разрушительных явлений и системных кризисов.

Так, например, исследователь Н.Г. Хаметова считает, что необходимость в эффективном регулировании появляется в условиях наступления кризиса государства.

⁹⁷ Ракшня, А.С. Эффективность государственного регулирования экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. С. 9.

⁹⁸ Мирзоев, С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 6-7.

Можно согласиться с этим, так как к системному кризису, как известно, приводит неспособность госвласти традиционными методами обеспечить развитие общественных отношений, что, в свою очередь, «неизбежно приводит к утрате контроля и над функционированием жизнеобеспечивающих хозяйственных организаций»⁹⁹.

В-третьих, необходимость наладить систему регулирования детерминирована общемировыми тенденциями и парадоксальными явлениями. Так, в Японии важнейшие изменения в системе госуправления начались в 1990-х–начале 2000-х годов и были предопределены глубинным поворотом в политической стратегии правящего класса страны¹⁰⁰.

Фактически реформирование системы государственного управления, например, в Японии представляет собой отход от базовых принципов кейнсианства, идеологии «государства благоденствия» (фукуси-кокка, welfare state), отдававшей приоритет социальным ориентирам (перед экономическим прагматизмом), от практики широкого, постоянного государственного вмешательства в экономику, поворот к максимальному использованию принципов свободного рынка, стихии частного предпринимательства в сочетании с сохранением и повышением эффективности общественного управления.

Аналогичные процессы происходили ранее и происходят в настоящее время в европейских странах, США, Канаде, Австралии и многих других государствах. Теоретическим обоснованием такого подхода является широко распространенная на Западе в настоящее время в научном и политическом сообществе теория Нового государственного управления (НГУ – NewPublicManagement) или теория «активизирующегося государства».

По существу парадигма НГУ исходит из презумпции приоритета негосударственного сектора: если некие функции могут выполнять негосударственные органы, государственная власть не должна вмешиваться в этот процесс. Модель «активизирующегося государства» опирается на содержащуюся в концепции НГУ модель поручительства, согласно которой государственные учреждения разделяются на две большие группы – группу «заказчиков» и группу «исполнителей заказов».

Согласно этой концепции политические институты и административное руководство выступают в роли поручителей, являясь заказчиками или покупателями основных услуг для граждан (услуги на организацию эффективной безопасности занимают определяющее место у граждан).

При этом поставщики услуг для граждан внутри структуры управления активно конкурируют с поставщиками услуг вне управленческих структур за получение заказов на услуги, которые передаются им «заказчиками» на базе соответствующих политических решений. Эта модель «поручительства» существенно усиливает ориентацию на конкуренцию органов управления и открывает возможность в большей мере привлекать граждан и общественные группы к производству и предоставлению услуг¹⁰¹.

⁹⁹ Хаметова, Н.Г. Институт государственной власти в регулировании экономических процессов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2004. С. 14.

¹⁰⁰ LookJapan. Jan. 2001 // URL. <http://www.lookjapan.com/Lbcoverstory> (дата обращения 25.11.2009).

¹⁰¹ В настоящее время 77% трудоспособного населения США задействовано в сервисном секторе экономики. В других ведущих странах Запады численность лиц, работающих в сфере сервиса, превышает 2/3 общего кадрового потенциала. См.: Юданов Ю.И. Многообразие европейских предпринимательских моделей // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 12. С. 28-29.

В-четвертых, следует учитывать специфику российского государства и процесс формирования национальной безопасности. Как справедливо отмечает исследователь А.Н. Мамай, для появления, например, в России государственного регулирования предстоит выполнить ряд условий.

По его мнению, необходимость этого вида регулирования вызвана не только особенностями функционирования рыночной экономики в Российской Федерации, но и юридической обязанностью государства надлежащим образом исполнять свои функции в области социально-экономического развития страны, предусмотренные законом¹⁰².

Кроме того, поясняет А.Н. Мамай, современное российское общество всегда нуждалось, объективно нуждается в настоящее время в системе согласования интересов государства, публичных (общественных, политических) и частных интересов¹⁰³, а поэтому следует обязательно проанализировать зависимость действий государства в экономике от распространенных в современном обществе форм собственности, наличия рыночных отношений.

Рынок предоставляет различным субъектам свободу экономических действий, а роль государства сводится к выработке правил игры в экономике, контроль за их соблюдением посредством принудительной силы¹⁰⁴. Регулирующее участие государства при таком подходе допускается в качестве вынужденной меры как компенсатор отклонений от идеальной рыночной модели. Понятно, что идеальных моделей в жизни не существует, поэтому государственное вмешательство в экономику присутствовало и обосновывало его важность. Выделю основные причины для обязательного вмешательства государства в экономику:

- отсутствие в реальности совершенной конкуренции;
- недоступность для рыночных субъектов всей информации и неспособность рынка достичь полного равновесия;
- необходимость общественного перераспределения благ в соответствии с факторами, не подвластными рынку;
- отсутствие многих видов рынков в достаточно развитом виде;
- наличие внешних факторов, требующих компенсационных действий;
- существование значительных сфер, связанных с созданием и потреблением общественных благ (оборона и национальная безопасность, фундаментальная наука, биобезопасность и биотерроризм);
- разграничение «достойных потребностей» и тех, интерес к которым необходимо снижать (например, алкоголь, табак).

Исторический опыт развития рыночной экономики свидетельствует о том, что она представляет собой систему, в которой обеспечение экономического роста, социального развития достигается на основе сочетания действия сугубо рыночных методов регулирования хозяйственной деятельности с госрегулированием¹⁰⁵.

Экономической основой действия рыночных регуляторов является доминирующее положение частной собственности в сфере предпринимательской деятельности,

¹⁰² Мамай, А.Н. Государственноерегулирование деятельности иностранных инвесторов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 10.

¹⁰³ Там же. С. 10.

¹⁰⁴ Ротбард, М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск, 2003. С. 4-5.

¹⁰⁵ Трансформация государства в условиях смешанной экономики. М., 2006. С. 21.

обеспечивающее экономическую свободу хозяйствующих субъектов и развитие конкуренции. Функцию экономического базиса государственного регулирования выполняет государственная собственность, но рыночная или смешанная экономика не может существовать без других (не государственных) форм собственности, поэтому вопросы участия государства в экономике, проблемы использования институтов государственной собственности в экономической и социальной политике практически уже не дискутируются.

В современном обществе предметом дискуссий являются в основном степень и формы участия государства, масштабы, структура госсобственности, соотношение между частным и общественным секторами экономики. Принято считать, что необходимость сочетания частной и госсобственности обуславливается определенным несовершенством рыночных механизмов регулирования экономики, которое компенсируется госрегулированием, опирающимся на госсобственность.

С целью конкретизации данного тезиса уточню, что частная собственность, предпринимательская деятельность, несмотря на свои преимущества, действительно не в состоянии задействовать все современные факторы экономического роста.

Дело в том, что главным источником формирования потенциала экономического развития, заключенного в частной собственности, являются генерируемые ею мотивации к эффективной деятельности и к экономическому росту. Основной мотив деятельности частного собственника – сохранение и умножение собственности. Основное средство реализации данного экономического интереса в нормальной цивилизованной рыночной экономике с защищенными правами собственности – максимизация прибыли, экономический рост. В то же время, в силу абсолютного доминирования мотиваций к максимизации прибыли, рамки частной собственности не позволяют обеспечить полное использование всех факторов экономического роста. В частности, за пределами экономических интересов субъектов частной собственности остается использование факторов экономического роста с долговременными сроками окупаемости инвестиций, характерными для крупномасштабных инвестиционных проектов, наиболее значимых для технологического прогресса. Вне зоны внимания частных собственников оказывается фундаментальная наука, а также факторы социального характера, обеспечивающие обновленный уровень, другое качество воспроизводства человеческого капитала, стабильность и социальное равновесие, состояние сферы безопасности.

Соотношение между государственным и частным сектором, частной и государственной собственностью может изменяться на различных этапах развития общества. В условиях рыночной экономики данные изменения происходят при сохранении основной пропорции, закрепляющей доминирование в ее структуре частной собственности, частного сектора, пропорции, имеющей принципиальное значение для нормального функционирования рынка. Возможность изменений соотношения между частной и госсобственностью объективно обуславливается тенденциями развития качества экономического роста, изменениями структуры и значимости факторов, его определяющих. Соотношение рыночного регулирования, частной и государственной собственности зависит от степени востребованности этих форм для максимального обеспечения экономического роста, социального прогресса на том или ином этапе развития общества, в той или иной экономической ситуации.

В силу особенностей процесса реализации государственной собственности, специфики характера ее объектов и субъекта, для ее полноценной реализации и защиты, явно недостаточно только общих для всех форм собственности институтов, механизмов, принуждающих к соблюдению прав собственности, что предполагает использование дополнительных форм, методов ее реализации и защиты. Процесс реализации государственной собственности обладает определенной спецификой, которая состоит в том, что выгода собственника-общества существенно отличается от выгоды, к которой стремится частный собственник, поскольку она далеко не исчерпывается только экономическим эффектом: ее важнейшей составляющей является эффект социальный. Степень реализации собственности определяется качеством выполнения государством его обязанностей, среди которых преобладают функции социального (то есть, фактически – защитного для общества) характера.

Кроме того, специфика процесса реализации государственной собственности обуславливается отчуждением, в силу объективных причин, подлинного собственника-общества от участия в управлении своей собственностью. По этой причине монопольное положение в структуре управления госсобственностью занимают органы госвласти, уполномоченные выполнять функции собственника. В этих условиях возникает острая необходимость в защите госсобственности от злоупотреблений со стороны бюрократического аппарата, представляющего эти органы. Основным направлением обеспечения дополнительной защиты государственной собственности является повышение качества законодательной базы, регламентирующей деятельность органов власти, связанную с распоряжением этой собственностью, устанавливающей меры ответственности за принимаемые решения по организации ее безопасности, например, биотехнологии и достижения генетики, молекулярной биологии на наноуровне в современном обществе. Поскольку отношения собственности есть категория историческая, развивающаяся, постольку и институциональная среда, обеспечивающая реализацию прав собственности и их защиту, должна изменяться в соответствии с объективными потребностями экономического и социального развития. Более того, развитие отношений собственности – это не столько смена форм собственности, что происходит крайне редко, сколько в основном развитие, изменение институциональных форм, обеспечивающих их реализацию. Это адаптация институциональных условий, формреализации отношений собственности к новым, современным тенденциям развития качества экономического роста и социального прогресса с целью увеличения «пропускной» способности институтов, регулирующих отношения собственности, для новых технических, технологических возможностей развития общественного производства.

Из всех вышеприведенных рассуждений следует, что государству самому предстоит измениться вслед за изменением характера, например, российской политической элиты, власти. Имеется в виду отказ от желания контролировать в современной России «всё и вся», якобы во имя безопасности общества, чем отечественная высшая власть, органы государственной власти занимались постоянно¹⁰⁶.

По всей видимости, избирательность вмешательства в дела общества и его сферу безопасности может явиться одним из объективных признаков реального перехода государства на путь государственного регулирования. Хотя все же следует признать, что

¹⁰⁶ Пивоваров, Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С. 178-194.

есть ряд исследователей, которые ставят знак равенства между такими понятиями как государственное управление и государственное регулирование. Так, например, современный исследователь Д.С. Ванин фактически не видит разницы между госуправлением, госрегулированием и стимулированием со стороны государства¹⁰⁷.

Аналогичную позицию занимает другой исследователь М.С. Колтышев, который в своей работе уточняет, что «органы госрегулирования необходимо наделить полномочиями по выдаче обязательных для исполнения предписаний и установить административную ответственность за выполнение таких предписаний»¹⁰⁸. Такая трактовка функционально сводит государственное регулирование к государственному управлению. Однако далее в своей работе М.С. Колтышев формулирует принцип разделения между управлением и регулированием. Из них первое – это деятельность, осуществляемая преимущественно по линейному принципу, а второе – по функциональному.

Считаю, что эффективное государственное регулирование тех или иных процессов формирования сферы безопасности, общественных отношений в целом позволяет власти наиболее полно удовлетворять общественные и частные потребности. Именно нацеленность на эти потребности, а не на интересы государственного аппарата (в целом, либо какой-либо его части) является ключевой характеристикой, складывающейся например, в современной России системы регулирования. Это предположение дополним соображением о том, что система регулирования формируется как объективная необходимость адекватного, более эффективного реагирования на современные вызовы внутри- и внешнеполитической жизни общества, вышедшего из тоталитарного прошлого. Однако пока в российском обществе, несмотря на многочисленные заявления, декларации, не удалось сформировать полноценную рыночную экономику (она, скорее, является смешанной¹⁰⁹) и эффективную политическую систему демократического типа¹¹⁰.

Современное общество пока лишь только начинает движение в этом направлении. Ученым, экспертам не слишком понятно, насколько укоренены эти тенденции в экономическом, политическом сознании элиты.

В современной России фактически более 70 лет не было рыночной (или смешанной) экономики, естественно, она не изучалась. Если аналогично рассуждать о методах действия государства в сфере экономики, то становится понятным, что система государственного регулирования экономических отношений никогда не существовала (естественно, что она также не изучалась). Экстраполируя эту ситуацию на социальную и политическую сферы, можно легко убедиться, что на протяжении многих лет не было развитой политической системы, аналогичных разнообразных (демократических) политических отношений (следовательно, они и не изучались отечественной наукой). Соответственно, системно не изучались регулирующие воздействия государства в политике и сфере безопасности, ибо таковые были в незначительном количестве и не

¹⁰⁷ Ванин, Д.С. Роль государства в развитии ресурсно-производственного потенциала национальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2005. С. 4.

¹⁰⁸ Колтышев, М.С. Государственное управление и государственное регулирование в области использования атомной энергии в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

¹⁰⁹ Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики. М., 2006. С. 5, 7-19.

¹¹⁰ Согласно Конституции РФ наша страна является демократической. Однако пока на практике, в содержании реального политического процесса Россия далека от демократии. См.: Иванов, В. К критике современной теории государства. М., 2008. С. 155-156.

составляли сущность государственной политики. При этом также полагаю важным подчеркнуть, что регулирование как явление не отрицает систему государственного управления (которая в СССР была достаточно эффективной для унитарного тоталитарного государства, но на тему госуправления написаны сотни, если не тысячи, учебных пособий, учебников, монографий). Не хотелось бы противопоставлять эти две системы друг другу. В то же время власти, обществу, гражданам и экспертному сообществу в настоящее время необходим научный анализ в немалой степени альтернативной (по отношению к государственному управлению) системы влияния, воздействия на всю совокупность общественных отношений (экономических, политических, социальных).

Именно научный анализ противоречиво формирующейся системы воздействия государства в совокупности с позицией экспертного сообщества позволит высшей власти, госорганам эффективнее вмешиваться в основные социальные (политические, экономические) процессы (в сферу безопасности) общества, не меняя принципиально их сущности, не мешая процессам их самоорганизации. Когда же появляется потребность в государственном регулировании и эффективном воздействии на сферу безопасности современного общества? Такая потребность формируется (и соответственно, синхронно возникает объективный научный, общественный интерес к регулирующим воздействиям, общественным отношениям) в условиях зарождения и острого проявления признаков социально-политической нестабильности. К таковой дисфункции общественных отношений приводит, как показывает изучение отечественного исторического опыта, чаще всего неустойчивость государства¹¹¹. Причем неустойчивость государства совсем не синонимично силе или слабости госвласти (которые достаточно часто властными структурами безосновательно приравниваются к проблеме суверенитета¹¹²). Скорее всего, неустойчивость государства в большей степени характеризуется состоянием политического режима, гибкостью, разветвленностью политической системы, степенью огосударствления и бюрократизации. Как свидетельствуют многие исследователи, только кризис избыточного государства (а не государства с ослабленным суверенитетом), например, в современной России, приводит к появлению регулирующих воздействий (а не жесткого управления) со стороны определенной части политической элиты по повышению уровня эффективности воздействия на сферу безопасности. Так исследователь В.Э. Багдасарян утверждает, что в истории страны постоянно происходили циклические колебания между полюсами госуправления и рыночной саморегуляции. Когда бюрократическая рутинная становилась сдерживающим фактором экономического развития, узды государства несколько ослабевали и приоритет развития смещался в сферу частного инициативного предпринимательства¹¹³.

В XX в. таких волн было несколько, но в итоге в современной России так и не сформировалась рациональная, эффективная система государственного регулирования общественных отношений (в том числе, в негосударственной организации безопасности).

Система государственного влияния на общественные отношения в целом и воздействия на сферу безопасность в частности в России сложилась давно. Фактически

¹¹¹ Петров, В.К., Селиванов, С.Г. Устойчивость государства. М., 2005. С. 236.

¹¹² Казанцев, А. Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. 2007. № 7/8. С. 84-87.

¹¹³ Багдасарян, В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариантности общественного развития. М., 2008. С. 25-26.

она в основном осуществлялась методами государственного управления, что чаще всего на практике выражалось в тотальном характере госвласти, в административно-командной системе управления. Такая система государственного воздействия на социум в наибольшей мере присуща тоталитарному и авторитарному политическим режимам. Методы регулирования общественных отношений также применялись органами госвласти, но значительно реже и только на определенных этапах общественного развития.

Таким образом, одним из путей повышения эффективности государственного влияния на сферу безопасности является принципиальное изменение характера вмешательства государства в дела граждан и общества. В демократическом социуме коренным образом должна быть пересмотрена совокупность объектов государственного воздействия, особенно в сфере безопасности. Государство должно вмешиваться в общественные отношения, в сферу безопасности не тотально, а точечно, избирательно, и не пытаться, как это уже неоднократно бывало ранее, жестко управлять общественными процессами.

Государственное управление и государственное регулирование не противоречат, не отрицают, а скорее дополняют друг друга в условиях демократии, рынка, что в целом характерно и для сферы безопасности современного общества. Тем самым может быть достигнута оптимальная модель взаимодействия государства, общества, граждан в сфере безопасности. О совокупности теоретических проблем и основных принципах государственного регулирования общественных отношений и безопасности речь пойдет далее.

1.3. Теоретические проблемы и принципы регулирования безопасности

В современных политических документах, научных трудах, публицистике довольно часто употребляются понятия «регулирование отношений», «регулирующие отношения», «госрегулирование», «государственно-правовое регулирование» и еще ряд похожих по звучанию терминов. Однако их однозначного понимания в отечественной науке пока нет, специалисты фиксируют как объективную необходимость для социума, его политической системы государственного регулирования общественных отношений и безопасности, в частности¹¹⁴. В большинстве работ анализ регулирующих воздействий на общественные отношения на этом заканчивается.

Специфика государственного регулирования, его воздействие на сферу безопасности современного общества в научных исследованиях называется «политикой безопасности» и обычно включает широкий спектр воздействий на общественные отношения, что в свою очередь приводит к изменениям в сфере безопасности¹¹⁵.

¹¹⁴ Щипанов, Ф.Б. Система безопасности Российской Федерации и роль Вооруженных Сил в ее обеспечении: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994. С 19-20; Новикова, М.А. Безопасность личности в российском обществе в условиях становления правового государства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 8-15; Холод, А.В. Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 14-15 и др.

¹¹⁵ Кортунов, С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2005. С. 21.

Объективность изучения многомерного социального пространства, например, в России, складывающейся системы регулирования общественных отношений, воздействия на сферу безопасности детерминирована современным социально-политическим развитием и может быть осмыслена в контексте минимум трех ключевых моментов.

Во-первых, современная Россия стремится де факто стать демократическим государством (в Конституции и действующем законодательстве достаточно четко прописаны компетенции, сферы ответственности различных органов госвласти и пределы их вмешательства в различные сферы общественной и частной жизни граждан).

Полагаю, что данное стремление в полной мере распространяется на социально-политическую активность в отношении безопасности, поскольку основные сферы жизнедеятельности объективно взаимосвязаны между собой, а также постоянно нуждаются в соответствующем состоянии безопасности.

Соответственно, воздействие на сферу безопасности в демократическом социуме объективно не может быть таким, каким оно было в тоталитарном, авторитарном обществе. Считаю, именно поэтому политический лидер российского государства выступает против огосударствления промышленности и финансов, за деятельность без госопеки¹¹⁶.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что если в экономике российская власть, другие субъекты активно учатся использовать рыночные и иные вполне демократические механизмы, то применительно к действиям в отношении безопасности, полагаем, этого сказать нельзя (согласимся в этом с мнением профессора Н.Н. Рыбалкина¹¹⁷). Фактически, в России не завершена дискуссия о возможности полного распространения демократии в пределах национального государства¹¹⁸.

Во-вторых, политические лидеры, например, в современной России в последние годы достаточно энергично формулируют в информационном пространстве фундаментальные проблемы как развития государства, общества, так и формирования соответствующего уровня их безопасности.

Среди наиболее важных из них фрагментарно отметим следующие: становление демократии; формирование качественно новой правовой системы, независимого суда; дальнейшее расширение экономической, предпринимательской свободы; реализация социальных гарантий; укрепление международной законности.

Следует признать, что артикуляция, агрегирование ключевых проблем, перспектив этих установок, их реализации крайне необходимы для современного общества. В то же время необходимо особо отметить, что, например, высшее руководство России прекрасно понимает, что безопасность современного общества является результатом социально-политического действия, то есть проводимой политики. В таком ключе регулирование является одним из эффективных инструментов воздействия как на общественные отношения, так и через них – на сферу безопасности.

¹¹⁶ Медведев, Д.А. отмечает в Послании Федеральному Собранию 2008 года, что «... все большее число людей в нашей стране рассчитывают, прежде всего, на себя, полагают, что только от них зависят и их личный успех, а, следовательно, и успех всей страны. Поэтому возможно и просто необходимо повышать уровень доверия в обществе». См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294> (дата обращения 25.12.2008).

¹¹⁷ Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности. М., 2006. С. 259-260.

¹¹⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. XXII.

Так, в Послании Федеральному Собранию 2008 года пусть не в прямой постановке, но достаточно четко обозначены приоритеты перехода от государственного управления и «всевластия государственного аппарата» (точное выражение) к системе вдумчивого, если угодно – «точечного» влияния высшего политического руководства на модернизацию государственной власти, экономики, безопасности. Именно такой подход характерен для системы современного государственного регулирования общественных отношений и безопасности во многих странах мира¹¹⁹.

В-третьих, современная высшая российская власть весьма сильно стеснена в средствах, формах, методах воздействия на общество и его безопасность. Фактически на узость инструментария воздействия современной власти на российский социум указывают многие исследователи и представители политической элиты. Иногда даже отмечается возрождение архаичных методов воздействия на современное общество.

Активный участник научного совета Московского Центра Карнеги А.В. Рябов в своих работах фиксирует возрождение архетипических социальных практик, восходящих к далеким по времени историческим образцам и воспроизводящим основополагающие черты этих практик¹²⁰.

Возрождение в России архаичных черт управления современным обществом (и в такой же мере – воздействие на его безопасность) исследователь А.В. Рябов объясняет достаточно просто: у немалой части современной политической элиты бытует мнение, что частная собственность должна носить условный характер и обладание ею – это своего рода награда за службу государству. Такие настроения становятся оправданием действий тех политических сил, институтов, которые заинтересованы в переделе собственности и глубоко вовлечены в этот процесс, приобретающий в стране перманентный характер. То есть, многие чиновники рассматривают должности, позволяющие извлекать ренту, как надежный способ получения высоких доходов и обеспечения собственной личной безопасности¹²¹.

Подобные явления, активно порождающие коррупцию в самых разных формах и разновидностях, угрожают государству и обществу. Такое положение дел в общественных отношениях сильно напоминает, как полагает исследователь А.В. Рябов, распространенную на Руси XV–XVI вв. практику «кормлений», когда чиновника отправляли руководить территорией без жалованья, исходя из того, что средства на жизнь он добудет в результате поборов. Еще один очевидный элемент архаики – участившиеся в годы строительного бума случаи сгона домовладельцев с земли, будь то в городе или сельской местности, под нужды коммерческого строительства. К архаике необходимо отнести и исходящую от правящей элиты откровенную пропаганду антиэгалитаризма¹²², сословности, корпоративности, противоречащую позитивной социальной динамике развития современного общества.

¹¹⁹ Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 68-79.

¹²⁰ Рябов, А.В. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2008. № 4. С. 5.

¹²¹ Рябов, А.В. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2008. № 4. С. 5.

¹²² Эгалитаризм (фр. *egalitarisme* равенство) – концепция всеобщей уравнительности как принципа организации общественной жизни. См.: Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 489.

Состояние сферы безопасности в современном обществе в полной мере зависит от методов воздействия на социум политической элиты и государственной власти. Самое важное для ученого заключается в понимании того, что стержнем этой архаики является сформировавшийся тип власти, которая и оказывает максимальное воздействие на состояние сферы безопасности современного общества.

И действительно, российское государство в способах отправления власти часто использует административно-силовые методы для разрешения конфликтных ситуаций или опирается на официальные или скрытые привилегии государственной бюрократии и близких к ней высших общественных слоев. В этом смысле такая практика созвучна идеям К. Маркса о том, что любое феодальное государство знает только два права: кулачное и право-привилегию¹²³. Такой способ реализации власти (в том числе и в целях безопасности в социуме) оказывает многоплановое влияние на различные стороны общественного бытия. Появление социальной архаики в российском обществе явилось реакцией на неудачу модернизации конца 80-х – начала 90-х годов XX в. Быстрота, легкость, с которой архаика возродилась в общественной практике (а также в сфере безопасности), может быть объяснена тем, что, как полагают некоторые исследователи, в советской системе уже имплицитно присутствовали элементы так называемого феодализма. Возвращение архаики всегда связано с целенаправленной политикой властных элит, пришедших к выводу о необходимости прекратить любые перемены¹²⁴. Элиты видят свой интерес в консервации существующих общественных порядков, вполне удобных для них, рассматривая частичный возврат к архаике как эффективный способ консервации для решения этой задачи. Когда перепробованы разные инструменты укрепления доминирующих позиций в современном обществе, когда провалилась легитимация власти через демократические ценности, через либеральные традиции отечественной истории, а возвращение к советской эпохе противоречит стратегическим интересам, правящие элиты начинают искать источники общественного идеала в далеком прошлом¹²⁵.

Очевидно, что такая политика неминуемо сформирует и аналогичный (то есть, достаточно архаичный) тип воздействия на сферу безопасности современного общества. Конечно, с этим подходом можно соглашаться или дискутировать, но в то же время следует отметить, что ключевым моментом, обусловившим «ренессанс» архаики, в решающей степени стала вовсе не «историческая память» народа, разочаровавшегося в демократической модернизации, но не пожелавшего двигаться назад, в коммунистическую эпоху. Общество было слишком слабым актором, чтобы обезопасить себя, оказывать влияние на выбор пути развития современного общества.

После короткого всплеска политической активности в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда оно попыталось стать таким актором, общество в России снова заняло привычную позицию пассивного объекта управления. Отправным пунктом процесса возрождения архаики стала реставрация системы личной зависимости, клиентелизма¹²⁶ как

¹²³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. М., 1972. Т.1. С. 346; Т. 41. С. 158; Т. 46. Ч. 1. С. 24.

¹²⁴ Очевидно, что такие устремления части элиты расходятся с намерениями Д.А. Медведева о необходимости модернизации и ускоренного развития.

¹²⁵ Рябов, А.В. Указ.соч. С. 7.

¹²⁶ Клиентела (нем. klientel, лат. clientela) – 1) совокупность клиентов к.-л. патрона (клиентура); 2) форма социальной зависимости, близкая к рабству. См.: Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М., 1998. С. 296.

системообразующего фактора во властных отношениях. Этот вывод еще раз подтверждает тот факт, что сформировавшийся тип регулирования общественных отношений детерминирует характер воздействия на любую сферу общественной жизни, в том числе и на сферу безопасности современного общества.

Связано это было в первую очередь с возвращением номенклатурного принципа в формировании, структурировании властной элиты, когда с середины 1990-х годов, например, российская правящая элита взяла на вооружение западные теории политической модернизации¹²⁷.

Но на практике это привело к снижению уровня гражданского и политического участия населения, ослаблению роли не зависимых от государства политических акторов – крупного бизнеса, средств массовой информации, партий и неправительственных организаций. Важнейшим условием восстановления номенклатурного принципа рекрутирования во власть стала победа госбюрократии над другой частью постсоветской элиты, представленной крупнейшим бизнесом (условно – «олигархами»).

Фактически, признание победы госбюрократии означает возврат к советской модели госвлияния на общественные отношения и на безопасность соответственно. Однако остается актуальным вопрос, каким образом старая (новая) система регулирования общественных отношений влияет на безопасность? Эта система существенным образом повлияла на механизмы формирования политической элиты, резко ослабив роль выборов в этом процессе. Расширение влияния государства на все стороны общественной жизни при одновременном выхолащивании смысла демократических процедур, особенно на выборах, привело к сжатию пространства публичной политики и резкому усилению автономности властной элиты от общества. В этих условиях произошло возвышение бюрократической элиты над всеми остальными и началось фактическое поглощение ею политической элиты. Эта элита стала по преимуществу рекрутироваться не по специфическим политическим каналам (то есть, через выборы), а подбирались вышестоящими властными инстанциями из чиновников, назначавшихся на должности, связанные с принятием политических решений, которые раньше в основном занимали публичные политики. Фактически при этом декларации того или иного уровня безопасности (как правило, высокого) заменили объективную оценку реального состояния безопасности, а также из механизма влияния, воздействия на безопасность автоматически исчезла политическая составляющая.

Стабильные институты, связанные с ними правовые процедуры могли существенно замедлить и затруднить быстрое перераспределение собственности, поэтому новые элиты сделали выбор в пользу персоналистского политического режима, при котором глава государства фактически исполняет роль верховного арбитра при решении внутриэлитных споров. При этом он вовсе не обязательно и далеко не всегда исходит из норм права, поскольку в сознании элит оно не воспринимается как универсальный и всеобщий регулятор общественных отношений. В такой среде доминирование клиентелистских отношений в пространстве власти стало компенсатором слабости институтов и правовых процедур. Очевидно, что и в сфере безопасности право пока не стало основным и универсальным регулятором отношений.

¹²⁷ Петров, С.И. Политика и обеспечение национальной безопасности России. СПб., 2008. С 61.

Следовательно, совпадение двух факторов – восстановления номенклатурного клиентелизма и хронической слабости российских институтов – в результате создало условия для доминирования принципа личной зависимости во властных отношениях. Два фактора – идея служения государству, которое распределяется между различными общественными группами, и снижение уровня социальной мобильности – способствовали популяризации в политических кругах идеи возрождения сословной структуры, которая якобы и должна составлять основу безопасности в обществе. При этом в интересе к такой практике видится стремление извлечь из нее полезный опыт торможения социальной динамики в целях сохранения «удобной» модели управления обществом, при которой правящие элиты фактически самовоспроизводятся, а доступ в высшие слои из непривилегированных групп сильно затруднен¹²⁸.

И вновь наблюдается стагнация системы государственного регулирования как общественных отношений, так и сферы безопасности. В настоящее время подобная политика, вдохновляемая сословными представлениями, уже активно реализуется на практике. Например, сегодня в российском обществе происходит элитизация образования путем фактического закрытия с помощью финансовых барьеров доступа в престижные учебные заведения. Попасть на работу в ведущие компании, в государственный аппарат можно в основном по закрытым каналам отбора кадров, в которых главным критерием является принадлежность соискателя к привилегированным общественным слоям, а значит, закладываются механизмы самовоспроизводства элиты, ее влияния как на общество, так и на безопасность в нем¹²⁹.

Подробная демонстрация фактического материала, анализ стесненности, например, современной российской власти в выборе средств воздействия на общество осуществлена автором отнюдь не с целью бесполезной, но очень модной критики. Конечно, основная проблема вмешательства государства в общественные отношения и в сферу безопасности заключается не в самой архаике. Наоборот, автору монографии хотелось лишь более рельефно обозначить объективную необходимость для любой власти вести поиск средств, позволяющих обеспечить развитие современного общества, стабильность, безопасность, выдвижение российского государства на передовые позиции в мире (на это лидерство существует общественный запрос, который сформулирован достаточно четко¹³⁰). По всей видимости, набор этих средств многие политические лидеры различных государств в настоящее время называют регулированием¹³¹.

Следовательно, объективно должно происходить постепенное внедрение в практику властного воздействия на российский социум не прямых (не жестких, бескомпромиссных, неукоснительно обязательных и т.п.), а более избирательных, более «тонких» средств, форм и методов.

Однако до сих пор в научной литературе проблема регулятивного воздействия со стороны государства и власти на общественный процесс, на сферу безопасности

¹²⁸ Рябов, А.В. Указ соч. С. 13.

¹²⁹ Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.А. Прохожева и С.В. Смульского. М., 2007. Вып. 6. С. 95.

¹³⁰ Юсупов, Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб., 2006. С. 96.

¹³¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.[http:// http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294](http://http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294) (дата обращения 25.12.2008).

практически не разрабатывалась и не нашла своего адекватного отражения в монографических изданиях, учебниках, энциклопедических словарях.

В зарубежной науке проблема государства, как регулятора социально-политических отношений, получила более широкое и особое звучание¹³², так как эффективность государственного регулирования политических отношений детерминирует соответствующий уровень стабильности в сфере безопасности современного общества.

В то же время, обращает на себя внимание тот факт, что в основном государственное регулирование общественных отношений до сих пор изучали экономисты¹³³. Отметим при этом научные труды исследователей И.А. Кардановой, П.Г. Нарукова, И.А. Ролманов, А.С. Ракшня, С.С. Савина и многих других¹³⁴.

Тем не менее, при этом важно ответить на вопрос, насколько регулирующая деятельность государства зависит от степени включенности государственных органов в саму эту сферу? Еще более четко сформулируем вопрос: возможна ли регулирующая деятельность государства там, где непосредственно реализуется государственный интерес?

Размышляя на эту тему, неизбежно напрашивается вывод, что эффективность госрегулирования в значительной степени зависит от меры и форм участия государственных органов в той или иной социально значимой деятельности. Например, исследователь А.Р. Мартиросян подчеркивает, что непосредственное участие государства в банковской системе (которое в настоящее время является преобладающим) может быть эффективным только в краткосрочной перспективе.

Причиной этого является отсутствие системы нормально работающих современных коммерческих (частных) банков¹³⁵. Даже в условиях финансового кризиса, полагает исследователь А.Р. Мартиросян, государство должно поддерживать банковскую систему, но не переходить грань тотального огосударствления, когда чиновники и некоторые государственные структуры смогут использовать банковскую систему в собственных интересах.

Как эту идею можно применить к сфере безопасности? Целесообразно ли вообще размышлять об огосударствлении сферы безопасности или этот вопрос не имеет смысла? Проблема вмешательства в общественные процессы применительно к сфере безопасности определенно существует. Вместе с тем, автор монографии настаивает на том, что

¹³²Трейсон Дж. (мл.), О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991; Джонсон Р., Кап Ф., Розенцвейг Д. Система и руководство. Теория систем и руководство системами. М., 1971; Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. М., 1982; Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? М., 1993; Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М., 1991; Токвиль, А. Демократия в Америке. М., 1992 и др.

¹³³ Рыбалкин, Н.Н. Указ соч. С. 36.

¹³⁴ Карданова, И.А. Формирование эффективной системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на новом этапе интеграции России в мировую экономику: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Р/н/Д, 2005. С. 16; Наруков, П.В. Государственно-регулирующее экспортной деятельности малого бизнеса в мировой экономике: автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2006. С. 23; Ракшня, А.С. Эффективность государственного регулирования экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. С. 8; Романов, И.А. Государственно-регулирующее миграционных процессов в современной России: автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2006. С. 13; Савин, С.С. Повышение эффективности деятельности государственного аппарата: методологические проблемы // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2007. № 2. С. 67.

¹³⁵ Мартиросян, А.Р. Государственные меры воздействия на активизацию участия банковского сектора в финансировании реального сектора экономики // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2007. № 3. С. 46.

регулирование общественных отношений задает некие общие «правила игры» для процесса воздействия на сферу безопасности. Сущность и специфика регулирования общественных отношений понимается различными исследователями в разных ракурсах.

Во-первых, этот феномен рассматривается тождественным механизму взаимодействия современной рыночной экономики с государством, как средство для минимизации стихийности в обществе, в сфере его безопасности, как способ придания тому или иному социально-политическому процессу направленного развития. При этом целью данного процесса является приоритетная реализация социальных и частных (а не государственных) интересов.

Во-вторых, регулирование понимается как мера участия непосредственно самих государственных органов в той или иной социально значимой деятельности (конечно же, приводящей к тому или иному состоянию сферы безопасности). При этом мера определяется взаимозависимостью государственных и частных интересов, но не проводится четкого разделения, детализации между регулированием и управлением. В этом случае процесс вмешательства в экономику оправдан для решения тех задач, с которыми общество само справиться не может, что актуально и применимо и к сфере безопасности современного общества.

В-третьих, государственное регулирование в динамике приравнивается к определенной совокупности и последовательности действий органов госвласти – выработка концепции → формирование стратегии → реализация политики в той или иной сфере общественной жизни. По всей видимости, можно предположить, что нарушение данного алгоритма, либо не учет каких-либо его элементов автоматически приводит к снижению степени стабильности и безопасности.

В-четвертых, регулирование безопасности (как и общественных отношений) понимается как процесс выработки, применения государственными органами заранее законодательно закрепленных «правил игры» по отношению к участникам тех или иных отношений, влияющих на сферу безопасности. При этом рядом исследователей регулирование безопасности понимается как тождественное «политике безопасности» («политике обеспечения безопасности»). Эффективность регулирования безопасности обеспечивается соблюдением на практике органами госвласти и другими социально-политическими акторами важнейших требований – а именно, принципов регулирования. Принципы регулирования – это основные правила, определяющие построение и функционирования системы регулирования. Так, американский промышленник Г. Эмерсон отмечал: «правильные принципы в руках посредственных людей, оказываются сильнее бессистемных и случайных попыток гения. Дайте самому Наполеону ложные принципы – и результаты, которых он достигнет, в лучшем случае окажутся посредственными»¹³⁶.

В научной литературе приводится множество самых разнообразных принципов регулирования¹³⁷, причем достаточно часто эти принципы не системны и могут противоречить друг другу.

Основные принципы государственного регулирования безопасности – это принципы демократизма, объективности, правовой упорядоченности, саморегулирования,

¹³⁶Файоль, А., Эмерсон, Г., Тейлор Ф., Форд, Г. Управление – это наука и искусство. М., 1992. С. 112.

¹³⁷Атаманчук, Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. С. 124-142.

вероятности. Именно эти принципы присущи регулированию общественных отношений в целом, но поскольку ранее автор уже исследовала в своей монографии принципы госрегулирования общественных отношений, то далее необходимо выявить: насколько данные положения являются принципиальными для воздействия на сферу безопасности современного общества.

Так, принцип демократизациирегулирования (несмотря на кажущуюся противоречивость употребления термина «демократия» применительно к безопасности) на практике дает возможность привлечь к активной политической жизни разнородные общественные структуры, сопоставить их интересы, найти возможные общие подходы к решению проблем безопасности. Это сложный и многогранный принцип, требующий, прежде всего, установления глубоких и постоянных взаимозависимостей между органами госвласти и обществом.

Не случайно известный российский политик Д.А. Медведев подчеркивал, что «зрелость демократических институтов и процедур – это источник нашего дальнейшего подъема»¹³⁸. Но как эта мысль соотносится со сферой безопасности? Демократизм в полной мере должен быть характерен системе государственного управления безопасностью.

Так, исследователь С.В. Кортунов уточняет: «для реализации политики безопасности необходимо создать механизмы «демократии участия», которые существуют и действуют в разных странах»¹³⁹.

Принцип демократизации в регулировании менее всего относится к проведению государственными органами референдумов или избирательных кампаний (в первую очередь, к их пиаровской составляющей), но предполагает своеобразное «пронизывание» потребностями, интересами и целями жизнедеятельности людей (своих граждан) всех элементов, направлений деятельности органов государственной власти (политики, целей, функций и т.д.)¹⁴⁰.

Данный принцип предполагает при этом конструктивное сотрудничество государства и гражданского общества в сфере безопасности¹⁴¹ практически по любому социально значимому вопросу или проблеме, то есть при осуществлении т.н. социального регулирования¹⁴².

Кроме того, существует неразрывная взаимосвязь между демократизмом и централизмом регулирования. Это означает, что необоснованный крен в сторону централизма ограничивает общественные инициативы и приводит к жестким управленческим воздействиям со стороны государственной власти. А что касается другой крайности, связанной с перекосом в сторону неограниченного демократизма, то она способна породить анархические и другие отрицательные тенденции в социуме и его

¹³⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294 (датаобращения 25.12.2008).

¹³⁹ Кортунов, С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: автореф. дис. ... докт. полит.наук. М., 2005. С. 24.

¹⁴⁰ Атаманчук, Г.В. Указ.соч. С. 133.

¹⁴¹ Рыбалкин, Н.Н. Указ.соч. С. 260.

¹⁴² Не собираясь обсуждать здесь суть нового (для нашей работы) термина, все же подчеркнем, что социальное регулирование включает в себя все виды вмешательства как государства, так общества и граждан в общественные отношения.

безопасности. В силу этих причин установление правильного соотношения между демократизмом и централизмом является одной из основных проблем при организации, совершенствовании системы регулирования.

На практике соотношение между демократизмом и централизмом в жизни российского общества складывается постепенно, постоянно корректируется как со стороны власти, так и со стороны общественных институтов.

При этом следует зафиксировать следующую тенденцию в современном российском обществе: определенное снижение уровня демократизма в деятельности органов госвласти в период после 2000 года, а что касается централизма, то он, в основном, находит выражение в индикативном планировании¹⁴³.

В результате, демократизм регулирования безопасности предполагает постоянный поиск, реализацию меры между централизацией и децентрализацией государственного вмешательства в сфере безопасности современного общества.

Следующим общим принципом регулирования сферы безопасности является принцип объективности. Он обуславливает необходимость следования во всех регулируемых процессах требованиям объективных закономерностей (естественно-природных и общественно-исторических) и реальным возможностям общественных сил, а не субъективным желаниям государственного аппарата.

Этот принцип выражает зависимость системы государственного регулирования от конкретных характеристик:

- а) характера, уровня развития, закономерностей общества и его безопасности, прежде всего тех его компонентов, которые выступают регулируемыми объектами;
- б) общественных целей, поставленных и решаемых в данный исторический отрезок времени;
- в) наличных средств, ресурсов, подлежащих вовлечению в регулирование;
- г) внутренних закономерностей функционирования и развития регулирования как системного общественного явления¹⁴⁴.

Очевидно, что при любых действиях в сфере безопасности всем силам, осуществляющим госрегулирование, следует постоянно сверять свои действия с объективными законами и закономерностями общественного развития, о чем также постоянно пишут профессор Н.Н. Рыбалкин¹⁴⁵, Р.М. Юсупов¹⁴⁶.

Размышляя о международной безопасности, профессор С.В. Кортунов полагает, что она зависит от ряда объективных факторов¹⁴⁷.

¹⁴³ Нередко индикативные планы трактуются как совокупность показателей, которые никого ни к чему не обязывают и трактуются как «планы-прогнозы», «планы-догадки». В большинстве стран, разработавших индикативные планы, они выполнялись в целом лучше, чем директивные в бывшем СССР (где «выполнение» достигалось в большей мере за счет многократной «корректировки» показателей). Высокая эффективность индикативных планов определяется рядом факторов и, прежде всего тем, что каждый раз для их реализации приводится в действие мощный экономический, правовой, административный инструментарий. См. подробнее: Общая теория управления. М., 1994. С. 176-177.

¹⁴⁴ Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. С. 193-194.

¹⁴⁵ Рыбалкин, Н.Н. Указ.соч. С. 51.

¹⁴⁶ Юсупов, Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб., 2006. С. 192-193.

¹⁴⁷ Кортунов, С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2005. С. 32-33.

Исследователь С.Н. Сильвестров, анализируя обстоятельства глобального развития, объективно подводит к тому, что слабое – то есть не вполне самостоятельное государство – это именно то, что нужно для укрепления нового мирового порядка. Дело в том, что в настоящее время очевидна связь между глобализацией и стремлением к национальной закрытости государства¹⁴⁸.

Но при этом соблюдение на практике принципа объективности в регулировании позволяет адаптировать результаты глобализации к реализации интересов сферы безопасности современного общества¹⁴⁹.

В толковании принципа объективности встречаются две точки зрения. Первая – субъективистская, когда объективные законы общества отождествляются с волей и желаниями отдельных руководителей. Нельзя не согласиться с профессором В.А. Персиановым, критично оценивающим итоги госрегулирования в постсоветской России. Но это оценка, пишет он далее, не прибавляет оптимизма, поскольку за монетизацией льгот грядут реформы системы образования, ЖКХ, здравоохранения и другие, проводимые зачастую наощупь и бюрократическими методами¹⁵⁰. Именно бюрократический подход (предполагающий, что социальной опорой регулирования является только государственный аппарат) не позволяет создать оптимальную систему госрегулирования безопасности. Кроме того, из этой мысли В.А. Персианова следует, что повысит эффективность регулирования сферы безопасности можно за счет инициирования деятельности экспертного сообщества.

Другая точка зрения на сущность принципа объективности сводится к толкованию объективных закономерностей. Сторонники такой позиции считают, что поскольку закономерности объективны, следовательно, они фатальны, действуют стихийно, и люди бессильны перед лицом этих закономерностей. Если бы все развивалось лишь необходимым образом, то развитие приобрело бы действительно заранее детерминированный и совершенно фатальный характер.

Достижения синергетики позволяют по-новому взглянуть на необходимое и случайное в развитии, понять, что случайность – это не побочное, второстепенное а, наоборот, вполне устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития системы. На эмпирическом уровне человечество уже давно догадалось о включенности случая в цепь закономерных событий, о том, что подчас случай порождает веер различных возможностей. Искусство регулирования, таким образом, заключается в умении использовать на практике объективные закономерности. Одновременно необходимо научиться регулировать и случайности, которыми наполнена объективная реальность и социальное пространство.

Однако остается нерешенным вопрос: насколько от случайностей должны быть зависимы действия в отношении сферы безопасности современного общества? Или наоборот, всё, что связано с безопасностью, должно быть раз и навсегда учтено и спланировано? Философ, конечно, может дать уклончивый ответ на этот вопрос, и как бы нам ни хотелось, надеяться на случайности в области безопасности нельзя, но и надежда

¹⁴⁸ Сильвестров, С.Н. Индикативное планирование в стратегии развития // Проблемы современного государственного управления: Труды научного семинара / Науч. рук. В.И. Якунин. М., 2008. Вып. 8. С. 8-9.

¹⁴⁹ Делягин, М.Г. Россия после Путина. М., 2005. С. 36-37.

¹⁵⁰ Персианов, В.А. Проблемы современного государственного управления в России // Материалы научного семинара: «Государственное управление в постсоветской России: цели, ценности и результаты» / Под ред. В.И. Якунина. М., 2007. Вып. 1. С. 96.

на возможность управлять полностью и контролировать сферу безопасности является иллюзией.

Следующий принцип – правовой упорядоченности государственного регулирования безопасности, который объективно обуславливает необходимость главным образом законодательного определения основных аспектов, целей, функций, структур и самого процесса регулирующего воздействия, а такие вопросы должны решаться в правовых рамках, содержащих в себе идеи справедливости, гуманности, сотрудничества, обеспечения прав, свобод, обязанностей людей¹⁵¹.

В истории, например, российского государства принцип правовой упорядоченности регулирования редко воспроизводился на практике. Так, чаще всего вместо правовой нормы, принятой в демократической правовой процедуре, упор в первую очередь в действиях власти обычно делался на руководящую волю, к тому же харизматически обррамленную, способную якобы решить все проблемы¹⁵².

Если экстраполировать эти рассуждения на современную ситуацию, то современный политик Д.А. Медведев придает определяющее значение формированию качественно новой правовой системы и независимого суда (для избавления страны от коррупции и правового нигилизма).

И действительно, пятнадцать лет – это слишком малый срок для преодоления столь укоренившихся традиций. Однако справедливо и то, что этой проблемой – проблемой пренебрежения к праву – власть и общество еще системно и глубоко не занимались¹⁵³. В результате исследователи и политики мало продвинулись по пути осознания, использования огромных возможностей права в регулировании как общественных отношений, так и в сфере безопасности современного общества.

Особое значение в регулировании сферы безопасности имеет принцип саморегулирования, позволяющий любой системе противостоять воздействию извне, перестраиваться в целях ее самосохранения. В истории человечества механизм саморегулирования и выживания играет важнейшую роль. Он находится в основе многих фундаментальных общественных институтов, прежде всего механизма рынка, а становление рыночной экономики во всем мире привело, как известно, к расширению самоорганизационных процессов в обществе. Так, исследователь Д.С. Ванин полагает, что регулирование заключается в установлении допустимого оптимума свободы и максимально возможном использовании инструментов рыночного саморегулирования¹⁵⁴.

Современный исследователь А.А. Прохожев утверждает, что применительно к сфере безопасности основой нормального развития общества является «саморазвитие и самодеятельность личности». Но при этом, чтобы обеспечить возможности для саморазвития личности, необходимо вмешательство государства¹⁵⁵.

¹⁵¹ Новикова, М.А. Безопасность личности в российском обществе в условиях становления правового государства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 12-13.

¹⁵² Атаманчук, Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. С. 132.

¹⁵³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294> (дата обращения 25.12.2008).

¹⁵⁴ Ванин, Д.С. Роль государства в развитии ресурсно-производственного потенциала национальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2005. С. 8.

¹⁵⁵ Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006 С. 232.

Позволим себе полемизировать с последним утверждением, так как подобные мысли неоднократно высказывались другими учеными, экспертами. Видимо, при этом считалось, что саморегулирующие действия граждан, общественности в сфере безопасности должны контролироваться государством. Именно такую роль, например, советское государство и выполняло (во всяком случае, декларировало), но при этом на практике явно не были созданы возможности для саморазвития личности в советском обществе. Можно частично согласиться с мнением Д.С. Ванина о том, что обеспечить саморегулирование общества, индивидов (в том числе и в сфере безопасности) можно, если будут созданы условия (нормальный уровень свободы, максимально часто будут использоваться инструменты рыночного, т.е. демократического саморегулирования).

В настоящее время в научном сообществе формируется обновленная картина многомерного и транспорентного социального пространства. Сущность ее составляет переход от рассмотрения мира как несовершенной системы, которую можно и необходимо строить, перестраивать, улучшать, ускорять, к представлению о мироздании как самоорганизующемся, саморегулирующемся организме (об этом писали в своих работах В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, А.И. Пригожин). Поиск и учет самоорганизационных начал, таким образом, становится чрезвычайно важным в государственном регулировании, особенно в сфере безопасности.

Актуализируя сферу безопасности, необходимо отметить, что современная «мировая экономическая «турбулентность» не приведет к новому огосударствлению нашей промышленности и наших финансов»¹⁵⁶. Остается надеяться, что данная методологическая установка относится в полной мере и к сфере безопасности (то есть, в ней останется достаточно мощный импульс саморегулирования и креативности).

В этой связи рассматриваемый принцип саморегулирования позволяет уйти от упрощенного представления о регулировании (характерного для менталитета тоталитарного общества) и рассматривать это понятие во всей его сложности, многомерности, многофакторности с учетом сложных механизмов саморегулирования и саморазвития. При этом сам термин «государственное регулирование» должен быть расширен, переосмыслен, поскольку оно должно предполагать не навязывание волевых решений «сверху», а опору на естественные процессы саморегулирования общества.

Как утверждает эксперт А. Садчиков, Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации предложил перевернуть модель взаимоотношений партий, власти и общества сверху вниз¹⁵⁷.

В реальной жизни, конечно, в регулировании самым различным образом сочетаются разнообразные начала. С одной стороны – это закономерные, необходимые, устойчивые, линейные, равновесные, организованные, сознательно-предсказуемые начала, а с другой стороны – это случайные, неустойчивые, нелинейные, неравновесные, схоластические, стихийные, самопроизвольные, саморегулируемые, иррациональные, вероятностные, непредсказуемые начала. На практике эти два противоположных начала не только сосуществуют, но и взаимодополняют друг друга. В полной мере эти

¹⁵⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года // QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294 (дата обращения 25.12.2008).

¹⁵⁷ Садчиков, А. Демократию отправляют на места // Известия. 2008, 6 ноября.

противоположные начала проявляются и во всем комплексе действий различных социально-политических субъектов (акторов) в отношении сферы безопасности.

Еще одним принципом регулирования сферы безопасности является принцип вероятности. Это означает, во-первых, что исторический процесс не предопределен, не запрограммирован, так как он вероятностен и его вероятностная природа проявляется в эклектике, и многовариантности развития. Например, в настоящее время в условиях системного экономического кризиса возможны самые разнообразные стратегии, варианты развития общества, сферы безопасности, консервации сложившихся отношений, свертывания или, наоборот, увеличения, усиления институтов развития.

В сложившихся условиях для многих специалистов в сфере безопасности актуальным является стремление работать на опережение, создавать основы национальной конкурентоспособности там, где, например, Россия может получить будущие выгоды и преимущества¹⁵⁸. Так трактуются в Послании 2008 года приоритетные направления регулирования в соответствии с принципом вероятности. Экстраполируя эту мысль на сферу безопасности, можно еще раз подчеркнуть и выделить мысль, что, только развивая конкуренцию в политике, экономике, можно со временем создать конкурентную (а не тоталитарную) систему регулирования и более эффективного воздействия на сферу безопасности. Аналогичная идея применима к международным отношениям при выстраивании систем региональной и международной безопасности, особенно биобезопасности.

Во-вторых, результаты регулирования отношений в сфере безопасности всегда носят вероятностный характер в связи с невозможностью точного прогнозирования последствий воздействия на современное общество и его сферу безопасности. В этой связи органы регулирования часто становятся перед выбором нескольких вариантов. Это обуславливает творческий, альтернативно-креативный характер самого процесса регулирования.

При этом ошибка в выборе направления развития системы регулирования может привести к потере перспективы, отвлечению общественных ресурсов на решение эфемерных задач, а в сфере безопасности постулируется немало задач, которые могут быть виртуальными (вывод денежных средств из-под контроля общества, официальных государственных органов). Всемирная история предлагает немало примеров, подтверждающих этот тезис. Например, миф об энергетической сверхдержаве был частью общих рассуждений о растущей мощи «России, поднимающейся с колен». Сторонники этого мифа считают, что современная Россия способна быть ведущей энергетической державой, и выступают в регулировании за приоритеты в наращивании инвестиций в нефте- и газодобычу, прокладку новых трубопроводов, монополию на транзит нефти и газа в Европу. На деле же за этим мифом скрывается ужасающая неэффективность нефтегазового сектора, которую предлагается «подправить» за счет общества¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.[http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294) (датаобращения 25.12.2008).

¹⁵⁹ В отличие от Саудовской Аравии, где добыча нефти в 2005-2007 гг. достигала исторических максимумов, в нашей стране в те же годы нефти добывалось на 15% меньше, чем в РФ, когда она входила в состав СССР. В последнее десятилетие прирост добычи обеспечивался расконсервацией тех месторождений, на которых в 1992-1998 гг. добыча была прекращена. См. подробнее: Сулакшин, С.С. Планирование в стране необходимо возродить // Проблемы современного государственного управления: Труды научного семинара / Под ред.

Очевидно, что в масштабах всего общества невозможно планировать «всё и вся», как это делалось в советский период истории. Пожалуй, самая большая ошибка разветвленного административного аппарата в то время заключалась в игнорировании (а может быть, в попытке тотального планирования) прав, свобод, личных интересов и проблем каждого человека (который все же воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества¹⁶⁰). Для эффективного воздействия, регулирования неприемлемы командно-административные методы работы «сверху», всегда следует учитывать, что члены общества, нижние иерархические этажи регулирования всегда вырабатывают контрстратегию, позволяющую не выполнять или неким образом «извращать» эти указания и распоряжения. Следовательно, тоталитаризм обрекает современное общество на саморазрушение, когда распадаются естественные информационные связи, а искусственные поддерживаются в режиме так называемого «ручного управления». При этом естественные социальные связи подменяются вертикалью команд, уничтожается автономность общественных структур, подавляется свобода личности, что исключает творческий выбор и вообще процесс творчества¹⁶¹.

Современной науке еще предстоит создать полноценную теорию государственного регулирования общественных отношений и сферы безопасности, что позволяет в представленной работе актуализировать феноменологию безопасности современного общества.

В результате автором выявлены несколько теоретических проблем, принципов регулирования общественных отношений и специфики сферы безопасности. Среди основных вопросов проанализированы такие, как недостаточная осмысленность научным сообществом, общественно-политической элитой необходимости перехода к формированию полноценной системы регулирования; продолжающийся поиск наиболее эффективных методов, форм государственного регулирования; зависимость государственного вмешательства в общественную жизнь от характера демократических преобразований; зависимость вмешательства государства в общественную жизнь от форм собственности и характера экономической системы.

Резюмируя, можно предположить, что результатом эффективного регулирования является соответствующий уровень безопасности, а влияние государственной власти на сферу безопасности есть объективная социально-философская потребность, в настоящее время осмысленная, артикулированная ученым сообществом, экспертами и политическими лидерами.

В итоге, сформулированы несколько основных принципов регулирования общественных отношений сферы безопасности: демократизма, объективности, правовой упорядоченности, саморегулирования, вероятности, соблюдение которых позволит

В.И. Якунина. М., 2008. С. 88.

¹⁶⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.http// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294 (датаобращения 25.12.2008).

¹⁶¹ Хрипков, М.П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2004. С. 32-34.

повлиять на эффективность вмешательства государства в общественные процессы и, что самое важное, в сферу безопасности.

Привлечение научного сообщества, экспертов, общественности, бизнеса в качестве контрагентов государства позволит им найти свое место в формирующейся системе регулирования на правах полноценного партнера органов государственной власти. Основные теоретические проблемы, принципы регулирования общественных отношений и эффективность воздействия на сферу безопасности, позволяют сегодня поставить вопрос о структуре и функциях государственного регулирования, специфике сферы безопасности современного общества.

1.4. Социальное предназначение регулирования: структура и функции безопасности

Государственное регулирование сферы безопасности – это вид действий в конкретной сфере жизнедеятельности людей, общества, государства, активности власти в политико-государственном процессе, представляющий собой сложный процесс макросоциальной регуляции (воздействия на все общество и его сферу безопасности). Роль власти и государства в этом процессе состоит преимущественно в определении способов удовлетворения потребностей, реализации интересов в безопасности разных социальных субъектов (акторов). Естественно, что формироваться эти социальные интересы должны не внутри государственного аппарата, а в результате широкой общественной дискуссии.

Ретроспективный анализ показывает, что, например, тоталитарное государство в крайнем его проявлении пыталось вмешиваться во все поступки и действия людей, управлять всеми их взаимоотношениями¹⁶². Иногда считается, что именно тоталитарное государство гарантирует максимально возможную безопасность всем: государственной власти, обществу и гражданам. Но отечественный опыт функционирования советского государства опровергает такой вывод. Например, в 1920-е–1930-е годы основная угроза безопасности граждан и общественному устройству исходила от государственной власти¹⁶³.

Современный вариант взаимосвязей государства и общества (в условиях политической демократизации общества, становления рыночной и смешанной экономики) предполагает большой объем не управления общественной деятельностью людей, а ее регулирования, поскольку последнее имманентно предполагает и требует для обеспечения общественного развития большой объем свободы, самостоятельности и саморегуляции.

Как справедливо считает профессор Н.В. Овчинникова, «отдельные индивиды и социальные группы выполняют неодинаковую роль в процессе саморегуляции общества»¹⁶⁴. И к сфере безопасности также следует применять эту «неодинаковую роль», а именно, каждый субъект (государственная власть, общество, граждане) наряду с функциями, обязанностями должны иметь возможность саморегулирования, то есть немалый объем социальной свободы.

¹⁶² Лукин, А.В. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // ProetContra. 2008. № 4. С. 81-104.

¹⁶³ Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 107-124.

¹⁶⁴ Овчинникова, Н.В. История развития теории и практики управления в России в XX веке. М., 2005. С. 132.

Общественный организм всегда, на любом этапе своего развития, создавался и создается особыми органами, которые направляют социальные процессы, руководят ими. То есть, границы управленческо-регулирующих качеств жизни современного общества (свободы, самостоятельности, саморегуляции) определяются политической и государственной властью, общественно-политическими институтами. Именно высшая власть с помощью формирования социально значимых проектов и государство, посредством законодательства, устанавливают основные общие, типовые нормы и правила, которые помогают органам власти (в первую очередь, исполнительной) регулировать основные сферы жизни общества¹⁶⁵, что относится и к сфере безопасности.

В настоящее время практически всеми признано, что командно-административные методы управления советским обществом в первой половине XX века реально обеспечили СССР место среди великих держав. На фоне подверженной кризисам и спадам экономики Европы каждая пятилетка была реальным движением: в индустриализации, электрификации, строительстве каналов, дорог, в технике, в науке. Но после Второй мировой войны советская модель управления обществом была навязана странам Восточной Европы, а экономика социализма последовательно стала проигрывать свободному рынку и конкуренции.

Итогом эффективности командно-административного метода управления обществом стал 1991 г., а его ценой – распад СССР, который второй Президент России определил как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века¹⁶⁶.

Следовательно, существовавшая в СССР система управления в результате не смогла обеспечить безопасность. Командно-административный метод управления в сфере безопасности фактически сводился к рассмотрению сферы безопасности как моносферы. Основным субъектом в таком обществе является государственная власть, создающая для обеспечения безопасности специальные органы и подразделения. Основным объектом этой сферы является, как известно, государственная безопасность или, стабильность и защищенность самой государственной власти.

Известно, что в мировой финансовой системе политика финансовой дерегуляции, последовательно проводившаяся с 1980-х годов, привела к тому, что центры рыночного финансового планирования оказались вне государственных аппаратов. Однако периодически возникавшие кризисные ситуации объективно требовали экстренного вмешательства правительств. В результате политические лидеры благополучных и преуспевающих государств садились за стол переговоров с лидерами крупнейших развивающихся современных социумов, чтобы обсудить будущее мировой финансовой системы, а банкиры, еще недавно требовавшие невмешательства государства, в настоящее время требуют этого самого вмешательства, причем неотложного и, по возможности, наиболее масштабного¹⁶⁷.

То есть, доминировавшая в течение десятилетий идеология финансового либерализма в условиях кризиса демонстрирует свою полную несостоятельность. Но в то

¹⁶⁵ При этом проблема эффективности госрегулирования состоит в соразмерности учета: 1) состояния самого общества; 2) уровня его способности к саморегуляции; 3) состояния его фактического саморегулирования. Если эти три параметра не будут учтены, то государственное воздействие неизменно будет реализовываться управленческими методами. См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. С. 37.

¹⁶⁶ Костиков, В. Прикурить у тов. Сталина ... Почему Россия плохо усваивает уроки истории? // Аргументы и факты. 2008. № 27. С. 7.

¹⁶⁷ Без кризисов никак (редакционная статья) // Эксперт. 2008. № 46. С. 21.

же время сами эти социумы и их экономики даже в условиях кризиса не прекращают свое функционирование. Хотя при этом следует признать, что ставшие популярными в 2008 г. рецепты ужесточения государственного вмешательства в экономику ничего не гарантируют. В истории существует немало примеров того, как неграмотное государственное вмешательство привело к экономическим кризисам и катастрофам. Да и современный мировой финансово-экономический кризис возник не сам по себе, а в среде, регулируемой банками, комиссиями по ценным бумагам и другими регуляторами.

Если это положение экстраполировать на сферу безопасности, то получается, что при обеспечении экономической безопасности в стабильное время роль государственной власти носит, скорее, нормативно-регулирующий характер, но в условиях кризиса государство для обеспечения различных видов безопасности естественным образом вынуждено вмешиваться в общественные отношения. Именно таким образом можно обеспечить социальную безопасность и стабильность в современном обществе и, уже через нее, другие виды безопасности, например, биобезопасности. Впрочем, мера государственного вмешательства в общественные отношения бывает самой различной и многоплановой. Как отмечают современные ученые В. Серебрянников, А. Хлопьев, слабость безопасности оборачивается большими бедами: разрушением и гибелью государств, войнами и смутами, большими кровопролитиями. Из этого они делают вывод о том, что различные государства, не проявляющие должной заботы о своей безопасности, как правило, оказываются нежизнеспособны¹⁶⁸.

Но нельзя забывать, что периодически возникающие экономические кризисы – это норма так называемого общества с рыночной, смешанной экономикой и ограниченным государственным вмешательством.

Следовательно, никакое государственное регулирование никогда не избавит современную экономику от кризисов, потому что вера в гарантии безопасности, предоставляемые государством, мешает рыночным игрокам адекватно оценивать современные риски. В результате, некоторые крупные кампании отказываются от государственных кредитов «ловушек», которые будет очень сложно отдавать в будущем¹⁶⁹.

Например, в современной России мнение о целесообразности государственной поддержки бизнеса также далеко не однозначно. Ряд специалистов утверждает, что в условиях кризиса должны выжить самостоятельно сильные социально-экономические структуры и тогда экономика пойдет на подъем¹⁷⁰.

В экстремальных условиях кризиса вырабатываются особые механизмы безопасности, которые в ходе своей трансформации учитывают многомерную и сложную динамику государственной защиты. При этом многие специалисты и эксперты справедливо полагают, что современный век – это время демократических преобразований в политике, свободной конкуренции и рыночных отношений. Взаимоотношения высшей власти, государства и современного общества должны строиться на разумной регулирующей основе, особенно это касается биобезопасности.

¹⁶⁸ Серебрянников, В., Хлопьев, А. Социальная безопасность России. М., 1996. – С. 14.

¹⁶⁹ Государственные кредиты «ловушки»//QRL.RU:сервер новостей.2009.URL. <http://www.news.km.ru> (дата обращения 15.12.2009)

¹⁷⁰ Как выйти из кризиса//QRL.RU:сервер РЕН ТВ.2008.URL. <http://www.ren-tv.com/telecasting/news-and-analytics> (дата обращения 15.12.2009).

По своей структуре система государственного регулирования общественных отношений – это достаточно противоречивый и сложный социально-политический феномен и, как показывает изучение соответствующей литературы, пока не слишком успешно разработанный (в отличие от экономических отношений) современной наукой. Так, авторы работы «Общая теория управления» поделили общество на две крупные подсистемы: объект и субъект, между которыми устанавливается разветвленная система прямых и обратных связей¹⁷¹, а структуру государственного регулирования составляет совокупность ее субъектов и объектов, находящихся в сложных, не однозначных отношениях между собой.

В данной монографии представлены две группы субъектов государственного регулирования: внутренние и внешние. Необходимо рассмотреть подробнее каждую из этих групп, акцентируя внимание на возможностях их влияния на сферу безопасности современного общества.

К внешним субъектам государственного регулирования следует отнести международные органы проведения международной политики, которые оказывают влияние на систему государственного регулирования.

Например, российский политик Д.А. Медведев, фиксируя качественно новую геополитическую ситуацию, обозначил ряд международных субъектов в эффективной регулирующей работе по вопросам безопасности, в которых заинтересована не только Россия. Он акцентировал внимание отечественной политической элиты на «интегративном ядре» в лице Союзного государства, ЕврАзЭС, указал на важность наращивания диверсифицированных связей с другими странами Содружества и Евросоюзом. В настоящее время, когда романтические иллюзии в отношении политики Запада развеялись, подходы сторон относительно мироустройства в XXI веке и модели управления им значительно сблизились¹⁷².

В связи с переходом большинства государств к действительно прагматичной многовекторной и транспарентной политике возникла необходимость укрепления международных институтов, которые должны способствовать эффективной безопасности и биобезопасности.

С этих позиций, по мнению современных ученых, экспертов, политиков, рассматривается участие, например, России в таких форматах, как «Группа восьми», Шанхайская организация сотрудничества, БРИК, АТЭС и в других объединениях¹⁷³. Наверное, следует отметить и такие международные субъекты регулирования, как МВФ, Всемирный банк, Форум по финансовой стабильности, саммит G20 или «Группа двадцати»¹⁷⁴.

¹⁷¹ Общая теория управления. М., 1994. С. 146.

¹⁷² Кортунов, С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. С. 31.

¹⁷³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294 (датаобращения 25.12.2008).

¹⁷⁴ В Предложениях России к саммиту «двадцатки» 2008 г. предполагалось, чтобы новые принципы регулирования не привели к избыточной зарегулированности и торможению экономического роста. В декларацию саммита предложение России вошло в следующей редакции: укрепление качественного регулирования, в том числе это касается и рейтинговых агентств. См. подробнее: Леонидов, И. Мирполучает кредит. В минувшие выходные в Вашингтоне прошел антикризисный саммит «двадцатки» // Российская газета. – 2008, 20 ноября.

Современное общество само может стать эффективным субъектом (актором) международной безопасности. Каждое государство должно продолжать деятельность по урегулированию международных конфликтов, обеспечить прочную, долговременную безопасность, например, народов Южной Осетии и Абхазии¹⁷⁵.

К внутренним субъектам регулирования в современном обществе относятся высшая власть и государство, но они не являются единственными регуляторами сферы безопасности. К числу неформальных регуляторов в сфере безопасности относятся, например, моральные нормы, правовые предписания, обычаи¹⁷⁶. Отношения высшей власти и государства в организации влияния на общество – это чрезвычайно важный вопрос для выяснения сущности государственного регулирования и воздействия на общественные отношения. У политической власти и государства есть свои функции в современном обществе, из которых вытекает многообразие их проявления и взаимодействия. Главное состоит в том, что без высшей власти государство не станет рассматривать общество в качестве своего партнера¹⁷⁷ (контрагента). В этом случае на основе стимулирующих сигналов о потребностях, интересах, идущих от основных слоев и больших социальных групп в обществе, высшая власть с помощью законодательства, изменением финансовых потоков регулирует параметры деятельности государственных органов по обеспечению безопасности.

Государство – это основной регулятивный институт в обществе при условии наличия в социуме конкурентных отношений (а они возможны только в демократической системе). По мнению профессора В.Е. Чиркина, государство функционально через систему регулирования удовлетворяет потребности общества в интегрированности и организованности, воздействуя (прежде всего, путем издания законов, иных правовых актов) на различные стороны жизни общества (те, которые целесообразно регулировать и которые поддаются регулированию). Именно таким образом достаточно гибко обеспечивается безопасность современного общества, поскольку «безопасность есть деятельность, направленная на противодействие нанесению неприемлемого ущерба и закрытию пути для выживания и развития»¹⁷⁸.

При этом государство выполняет «общие дела», действует как арбитр, но вместе с тем оно представляет интересы тех слоев, которые обладают наибольшими возможностями давления на государственную власть, экономически, политически доминирующие силы¹⁷⁹. Но возникает вопрос: является ли сфера безопасности неограниченной для государственного вмешательства, или, как считает польский ученый Л. Бальцерович, государственная власть должна быть ограничена во всем¹⁸⁰, например, правами, свободами граждан, то есть, нет, и не может быть общественных сфер, где государство было бы полностью свободным в своих действиях? При этом уточню, что социально-политический арбитраж государства действительно не идеален. О том, какие силы доминируют в обществе, видно по отношению государства к жизненно важным вопросам разных слоев населения, а не только к вопросам безопасности. По этому поводу

¹⁷⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294> (дата обращения 25.12.2008).

¹⁷⁶ Чиркин, В.Е. Государственное управление. М., 2001. С. 22.

¹⁷⁷ Аузан, А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М., 2006. С. 18-28.

¹⁷⁸ Серебрянников, В., Хлопьев, А. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 16.

¹⁷⁹ Чиркин, В.Е. Указ.соч. С. 28.

¹⁸⁰ Бальцерович, Л. Навстречу ограниченному государству. М., 2007.С. 25-26.

замечательно написал французский философ М. Фуко: «Государство, гарантирующее безопасность, обязано вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной жизни нарушается каким-либо исключительным событием»¹⁸¹.

Бизнес также является субъектом государственного регулирования. В экономике, например, бизнес выступает уже несколько веков в роли основного контрагента государства. Его роль в общественной жизни сегодня выполняет во многих странах гражданское общество. В настоящее время высшая власть и государство, например, в России делают многое для оформления субъектности бизнес-структур. Однако в условиях развития мирового экономического кризиса государство вынуждено вмешиваться в бизнес-процессы. Известный политик В.В. Путин в ходе «Прямой линии» в ноябре 2008 г. сказал буквально следующее: «Государство будет входить в капиталы крупных компаний там, где государству и налогоплательщикам это будет выгодно. Но государство не собирается пользоваться ситуацией, чтобы перейти к национализации и огосударствлению»¹⁸².

Означает ли это, что бизнес-структуры являются субъектами только экономической безопасности или они могут и должны влиять на безопасность общества, граждан?

Очевидно, что объективно в современных социумах существует второй вариант субъектности бизнес-структур. В этом случае данные структуры являются частью общественности, которая в демократическом обществе, как отмечают американский философ М. Хардт, итальянский политик А. Негри, должна активно участвовать в управлении¹⁸³, так как в современном обществе не получится отделить «политическое» от «хозяйственного», из чего, по всей видимости, можно сделать вывод о том, что далеко не все явления, процессы в сфере безопасности носят политический характер (что, собственно, позволяет хотя бы предположить объективность участия в этой сфере граждан, общественности и бизнеса, а не только государственной власти).

Между государством и обществом существуют связи, идет взаимообмен информацией и деятельностью, поэтому когда речь идет о государстве как субъекте регулирования безопасности, то имеются в виду не все проявления, свойства, аспекты государства, а только те из них, которые связаны с целеполаганием, воздействием определенного типа на социум и на сферу безопасности. Однако не исключаются ситуации, при которых один и тот же орган государственной власти может и должен функционировать одновременно в системах регулирования и управления безопасностью. Например, когда во всем мире (октябрь 2008 г.) снизились цены на нефть более чем в два раза и до 30% упала стоимость бензина, в России цены на бензин не снижались¹⁸⁴.

В то же время нет ответа на вопрос: готова ли система власти к постоянной деятельности в отношении многочисленных негосударственных субъектов? Но есть и другие весьма актуальные вопросы: является ли, например, система бюджетного государственного регулирования приоритетной в сфере безопасности? Или, может быть, в

¹⁸¹ Мишель, Фуко // QRL.RU: сервер википедия.2008.URL. <http://www.wikipedia.org/wiki/Фуко,Мишель> (дата обращения 18.02.2008).

¹⁸² Разговор с премьер-министром В. Путиным//QRL.RU: сервер новостей.2009.URL. <http://www.news.km.ru> (дата обращения 15.11.2008).

¹⁸³ Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. – С. 247.

¹⁸⁴ Президент РФ о работе ФАС//QRL.RU:сервер Президента Российской Федерации.2008.URL. <http://www.kremlin.ru/transcripts> (дата обращения 10.11.2008).

ней важнее политическая воля властного руководства, подготовленность специальных служб или что-то еще? И оказывается, что в общефилософском ключе ответить на эти вопросы очень непросто. Конечно, государству методами регулирования приходится проводить в жизнь, главным образом, общий интерес и общую волю, поскольку иначе нельзя добиться удовлетворения интересов общества и человека, обеспечить их безопасность. Для этих целей и необходима в системе государственная власть, а ее главным объектом является современное общество и его безопасность.

Содержательная часть системы государственного регулирования в значительной степени связана с целеполаганием. Долгие годы в России не обсуждалась проблема о том, какое общество будет отражать интересы большинства граждан, как обезопасить электорат от опасностей, угроз и рисков, в чем реальные интересы, как добиться их практической реализации.

Цели перед обществом и государством обычно постулировала власть. Например, современный политик Д.А. Медведев обозначил свое понимание целей, ценностей общества, прямо влияющих на все аспекты внутренней и внешней политики: «следует крайне осторожно наращивать доверие общества к государству»¹⁸⁵. Для этих основополагающих целей (целеполагания) и предложена современная серия внутривнутриполитических мер повышения доверия.

Применительно к сфере безопасности данный подход конструктивен, так как очевидно, что без доверия общества к власти (а также – к спецслужбам, другим силовым структурам) безопасность не может быть гарантирована никем, о чем в своей работе написал профессор В.В. Чебан: «политика безопасности есть всего лишь реакция государства и общества на возможные или реальные угрозы»¹⁸⁶.

Но в России доверие между властью и гражданами достигалось далеко не всегда, а народ по существу крайне редко выступал инициатором формирования целей госполитики¹⁸⁷. Обычно ему отводилась роль средства реализации политических целей, причем в условиях, когда о цене применяемых средств особо не беспокоились. Между тем выдвижение целей перед системой государственного регулирования, с одной стороны, касающихся всего общества, а с другой, опирающихся на государственную власть – трудный интеллектуальный процесс. В нем можно выделить следующие системообразующие моменты, особенно актуальные для современного общества.

Во-первых, необходимы общественные источники возникновения и фиксирования целей государственного регулирования. Надо сразу и четко отметить, что в отличие от сложившихся стереотипов, по которым «сверху» виднее, объективно цели государственного регулирования возникают и должны появляться «внизу», т.е. идти от потребностей, интересов граждан. Смысл и цели современного государства состоят в том и только в том, чтобы благоприятствовать материальному и духовному развитию граждан. Для целей безопасности также крайне важны общественные источники как формулирования целей, так и определения опасностей, угроз и вызовов.

¹⁸⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.[http:// http://base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294) (датаобращения 25.12.2008).

¹⁸⁶ Чебан, В.В. Геополитическое положение и военная политика России. Размышления публициста о настоящей и будущей военной политике. М., 2001. С. 67.

¹⁸⁷ Атаманчук, Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. С. 46.

Анализ показывает, что цели государственного регулирования в современной России либо формулирует сама политическая власть, либо их никто не формулирует. Причем, как представляется, очень многие эксперты с таким подходом в принципе согласны. Исследователь В.Н. Якимец утверждает, что в системе государственного регулирования «сформировалась схема безапелляционного, квази-альтернативного, односекторного (власть), «сверху-вниз», а не наоборот, бездискуссионного, но ускоренного продавливания неподготовленных (без широкого привлечения экспертов из среды ученых и общественности) реформ, выполняемых сразу в масштабе всей страны без пилотной обкатки хотя бы на уровне регионов»¹⁸⁸.

Например, в городе Смоленске власть фактически никого не слушает. Так, накануне выборов мэра Смоленска (1 марта 2009 года) весь город был наводнен плакатами со специальным кандидатом в мэры от «Единой России», председателем кооператива «Лаваш» В.А. Разуваевым (всего было 12 кандидатов). При этом практически все граждане были уверены, что победит, как планировалось в Москве, В.А. Разуваев. Но еще одного кандидата, Э.А. Коченовского, исключили из «Единой России» за то, что он пошел на выборы без одобрения Политсовета партии. Интересно, но случилось так, что именно Э.А. Коченовский и победил на выборах мэра Смоленска в 2009 году. И самое любопытное заключалось в том, что в ночь после выборов победителя срочно повторно принимали в «Единую Россию»¹⁸⁹.

В.И. Якунин полагает, что в настоящее время цели развития в России в большинстве своем неизвестны, поскольку они носят, как правило, институциональный характер¹⁹⁰.

По всей видимости, глава РАО «Российские железные дороги» имеет в виду то, что цели государственного регулирования определяются самими социально-политическими институтами, их руководством, а не наоборот, когда институты создаются под уже определенные цели, предлагаемые обществом «снизу». Соглашаясь в целом с этой оценкой процесса целеполагания, тем не менее, существует противоречие, которое стало заметным именно в последние годы в сфере безопасности. Ведь если принимать без конструктивно-критического анализа официальные заявления руководства государства, а также целого ряда руководителей российских министерств, ведомств, то для пессимизма, особенно в связи с развитием отечественной экономики, просто не должно быть места¹⁹¹.

Однако если статистические данные дополнить некоторыми фактами, то можно сделать и несколько другие выводы о состоянии сферы безопасности. Например, из того факта, что население продолжает неуклонно уменьшаться, можно сделать вывод о

¹⁸⁸ Якимец, В.Н. О необходимости нового формата разработки и реализации реформ в социальной сфере // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ: Тез. Всерос. конф. М., 2007. С. 23.

¹⁸⁹ Партийность мэра//QRL.RU:сервер новостей.2009.URL. http://www.kprf.ru/rus_soc/64595.html (дата обращения 15.04.2009).

¹⁹⁰ Якунин, В.И. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М., 2008. Вып. 11. С. 14.

¹⁹¹ Например, официальные доклады до 2008 года отмечали большие социальные успехи: профицитность бюджета; рост ВВП на 5-7% в последние годы; третье место в мире по объему накопленных золотовалютных резервов; рост инвестиций около 10% в год; снижение потребительской инфляции до 9-10%.

неэффективности системы государственного регулирования в России по сохранению людских ресурсов.

Аналогичный вывод можно сделать и из продолжающегося роста социального и регионального расслоения российского населения. Конечно, важно в качестве причины этого положения назвать и сырьевую ориентацию экономики, но ведь цель получения основных доходов за счет добычи, транспортировки углеводородного сырья могли поставить только институты государственной власти, так как в современной России больше никто этого сделать просто не мог.

Следовательно, общественные источники артикулирования социально значимых целей позволяют сформулировать объективные цели государственного регулирования сферы безопасности. При этом важно понимать, что только после постановки целей с учетом общественных источников можно сформулировать проблемное поле регулирования сферы безопасности, так как оно релятивно¹⁹² и рефлексивно именно к общественному выбору.

Во-вторых, выделим субъективную сторону целеполагания. Известно, что цель той или иной социальной деятельности представляет собой «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»¹⁹³, а поскольку «любое новое творение разума направлено на грядущие времена, близкие или отдаленные перспективы»¹⁹⁴, то цель выступает направляющим, регулирующим началом по отношению к человеческим действиям и их защищенности.

В сфере безопасности общества роль целеполагания, представляющего волевой акт, проявляется более отчетливо, чем в любой другой в силу того, что речь идет о безопасности государства, общества и человека.

Одновременно с этим целеполагание в политике – это «исходный пункт в политической технологии, заключающийся в формулировании основных задач, установок, конечных результатов, ради достижения которых предпринимаются те или иные действия»¹⁹⁵. Без начертания будущего сложно обезопасить даже частную жизнь, не говоря уже о прогнозировании эффективности сферы безопасности¹⁹⁶.

Например, еще в 20-х годах XX столетия исследователь Н.Д. Кондратьев говорил о социальном предвидении, причем о предвидении: а) стихийного хода событий; б) определенного эффекта осуществляемых людьми действий и мероприятий; в) возможных средств нашего воздействия на события; г) предполагаемых результатов от выполнения намеченных действий, мероприятий и их влияния на жизнь¹⁹⁷.

Субъективный фактор играет значительную роль в государственном регулировании, и это утверждение в полной мере распространяется на сферу безопасности, поскольку, очевидно, что, например, в России очень многое, если не всё, в

¹⁹²Релятивный (лат. *relativus*) – относительный. См.: Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 2003. С. 528.

¹⁹³ Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1972. С. 452.

¹⁹⁴Ли, В.Ф. Теория международного прогнозирования. М., 2002. С. 10.

¹⁹⁵ Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь-справочник/ Отв. ред. Ю.С. Борцов. Ростов-на-Дону, 1997. С. 553.

¹⁹⁶ Холод, А.В. Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 2004. С. 3.

¹⁹⁷Кондратьев, Н.Д. План и предвидение. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 91-134.

сфере безопасности зависит от президента (то есть, абсолютизируется альтернатива: либо единоличное правление, либо хаос¹⁹⁸).

В связи с этим возникает вопрос: можно ли в этих условиях вообще практически организовать систему регулирования или она неизменно будет трансформироваться в систему государственного управления (в том числе и в сфере безопасности)?

В-третьих, следует рассмотреть подробнее объективно существующую иерархию целей государственного регулирования безопасности. Думается, что главным для общества и системы государственного регулирования является создание, поддержание и улучшение условий для свободной, спокойной, творческой жизнедеятельности людей, налаживание рациональных взаимоотношений между личностью, обществом и государством. Отсюда можно сделать вывод о том, что при построении иерархии целей регулирования следует постоянно учитывать потребности, интересы безопасности, сложившиеся в современном обществе. Но тогда в очередной раз возникает вопрос о приоритетности сферы безопасности. Понятно, что в разных социумах на этот вопрос отвечают по-разному. Так, в современных экономически развитых странах сфера безопасности, безусловно, важна, но она в принципе не может стать «тормозом» для социального развития. Например, в СССР было иначе, а вопросы защиты социалистического строя доминировали над экономической целесообразностью и даже зачастую над здравым смыслом¹⁹⁹.

В-четвертых, при организации государственного регулирования общественных отношений в осмыслении нуждается построение самого «стержня» целей. Центральными являются стратегические цели, связанные с качеством общества, его сохранением или преобразованием. По своему характеру эти цели американский экономист и дипломат Д.К. Гэлбрейт называет «защитными и положительными»²⁰⁰.

Собственно, в такой интерпретации защитные цели и есть синоним влияния на сферу безопасности, а положительные цели, ценности безопасности, артикулируемые в современном обществе, должны обеспечивать социальное развитие. Построение «стержня» целей регулирования на базе и с учетом их иерархии предполагает сложную процедуру. Необходимо иметь продуманное и конкретное определение стратегических целей, а затем произвести их «разветвление» по всем другим видам. Особое значение принадлежит согласованию целей с тем, чтобы они поддерживали и взаимообуславливали друг друга. Приоритетность целей усиливает механизм целеполагания в государственном регулировании.

И, конечно, первостепенная проблема заключается в достижении адекватности целей государственного воздействия и регулирования потребностям, интересам современного общества. Соблюдение таких требований может действительно превратить социальные цели в мощную движущую силу функционирования государства и развития общества.

Существует два основных типа регулирующих отношений: альтернативно-конкурирующие и координационные. Основной тип отношений в системе государственного регулирования – альтернативно-конкурирующие, которые

¹⁹⁸ Хардт, М., Негри, А. Указ.соч. С. 396.

¹⁹⁹ Цыгичко, В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М., 2005. С. 18-19.

²⁰⁰ Гэлбрейт, Джон К. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 126.

представляют связи между субъектами регулирования по поводу возможности выбора из многообразия вариантов решения, способов и средств его осуществления.

Альтернативно-конкурирующие отношения и есть сердцевина, если угодно, ядро системы регулирования. Государство при этом не просто должно формировать эти отношения, их отслеживать, но и потом выбирать и поддерживать наиболее успешные и перспективные (для развития общества) из них, а политическая власть должна мотивировать (инициировать) государство этим заниматься²⁰¹.

Однако применить альтернативно-конкурирующий тип отношений к регулированию сферы безопасности оказывается не просто. И действительно, на первый взгляд сложно понять, кто и с кем должен конкурировать в сфере безопасности? Например, одно государство конкурирует с другим или другими государствами? А может быть, государственная власть должна конкурировать с гражданским обществом, бизнес-структурами, гражданами в сфере безопасности? При этом важно подчеркнуть, что отсутствие альтернативно-конкурирующих отношений в современном обществе является достаточно объективным показателем отсутствия и системы государственного регулирования. Доказывая этот тезис, поясню, что исследователь А.И. Басов полагает, что приоритеты альтернативные направления государственного регулирования должны оптимизироваться в рамках общей (видимо, государственно-общественной) стратегии²⁰².

Фактически, в своей работе А.И. Басов размышляет о необходимости поиска и реализации альтернатив в системе государственного регулирования. В то же время автору монографии не просто представить себе, как должен вестись поиск альтернатив в сфере безопасности? Вряд ли уместно вести в этой сфере поиск альтернативных целей, но тогда альтернативными могут быть субъекты (акторы) этой сферы, а также применяемые ими средства и методы. Важно, что воздействие альтернативно-конкурирующих отношений на современное общество государственная власть побуждает к росту инициативы, творчества, созидает и создает стимулы для полного раскрытия профессиональных, организаторских способностей участников регулирующего процесса.

В условиях многообразия форм собственности, политического и духовного плюрализма увеличиваются альтернативность, конкурентность между различными субъектами регулирования. Это способствует преодолению монополизма отдельных отраслей, предприятий, научных школ, политических партий, общественно-политических движений, создает условия для транспарентности и конгруэнтности. Это также способствует преодолению монополизма в сфере безопасности, но только в условиях разветвленной политической системы.

Целесообразно выделить и такой тип регулирующих отношений, как координация. Такие отношения устанавливаются между гражданами, структурами, занятыми в различных звеньях политической власти, государственного аппарата по горизонтали, между субъектами федерации, отраслевыми ведомствами, но могут устанавливаться также и по вертикали. Так, исследователь С.Н. Сильвестров полагает, что отношения координации предполагают согласованность действий властных органов, сопоставление

²⁰¹ Мельков, С.А. Государство и общество//QRL.RU:сервер АВП.2009.URL. [http: www.milpol.ru](http://www.milpol.ru) (дата обращения 17.10.2008).

²⁰² Басов, А.И. Финансово-кредитное регулирование инвестиционного процесса в России. М., 2002. С. 57.

целей, ресурсов, форм и методов деятельности во имя достижения общих положительных результатов²⁰³.

Сущность явлений и отношений координации, таким образом, заключается в обмене информацией между участниками общественных отношений о состоянии работы по выполнению общих задач (в том числе и задач в сфере безопасности современного общества). Регулирующие отношения выступают при этом как интегрирующий фактор многообразных социальных интересов, взаимодействующих в процессе политической деятельности отдельных личностей, элитных групп, государственного аппарата в целом, социальных групп и национальных общностей, других субъектов (акторов) регулирования. Но главное заключается в соблюдении меры вмешательства, при котором бы не нарушалась естественная саморегуляция общественных отношений (в тех сферах, где это целесообразно), вместе с тем позволяло бы исправлять недостатки стихийного развития (в тех сферах, где это возможно и необходимо)²⁰⁴.

Однако этот общий теоретический рецепт может быть применен по-разному в сфере безопасности. Дело в том, что государственное регулирование по качественным характеристикам делится на эффективное или неэффективное. Современному обществу необходимы не периодические изменения в системе государственной власти, а такое состояние, при котором совершенствование регулирования безопасности носило бы постоянный, профилактический, предупредительный характер, когда каждый данный исторический момент гарантировал эффективность общественного развития в условиях роста количества, эволюционного перехода в обновленное качественное состояние социального пространства. Так, исследователь С.С. Савин считает, что результатом эффективного государственного правления являются качественные государственные слуги²⁰⁵ (представленные в явном виде функции государственных организаций, а также результаты и продукты их деятельности). С этим следует полностью согласиться, хотя на первый взгляд непросто понять следующее утверждение: в сфере безопасности качество услуг является критерием эффективности государственного воздействия.

Действительно, результатом эффективного государственного регулирования является высокая степень удовлетворения интересов общества, социальных групп, граждан, в том числе и в сфере безопасности. Следовательно, измерять качество государственного воздействия следует не по отчетам, докладам государственных органов, а по социальному самочувствию, удовлетворенности интересов и запросов граждан. В данном случае граждане вступают клиентами, а не подчиненными для властных структур, что особенно актуально для современного общества. Эффективное регулирование (на примере безопасности) способно сбалансировать разнонаправленные интересы, прививать навыки сотрудничества и согласования, координировать, направлять групповую и корпоративную деятельность²⁰⁶.

Особого внимания в системе регулирования требует рассмотрение качественных характеристик: централизации и децентрализации. Так, мы определяем период, когда,

²⁰³ Сильвестров, С.Н. Индикативное планирование в стратегии развития // Проблема современного государственного управления в России: Труды научного семинара. М., 2008. Вып. 8. С. 6.

²⁰⁴ Чиркин, В. Е. Указ соч. С. 115.

²⁰⁵ Савин, С.С. Повышение эффективности деятельности государственного аппарата: методологические проблемы // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2007. № 2. С. 69-70.

²⁰⁶ Соколова, С.Н. Безопасность российского общества: генезис и перспективы. Смоленск, 2008. С. 54.

например, в российском обществе Центр выработывал специальные решения для органов власти большинства регионов²⁰⁷.

Преимущество централизации состоит в том, что субъектам регулирования в целом проще выполнять свои функции. При этом облегчается координация и лучше используется специализация, ускоряется принятие приоритетного решения, но тогда есть опасность незаметной трансформации госрегулирования в управление. Достоинство децентрализации в регулировании (в отличие от госуправления) заключается в том, что решения приближаются к исполнителям. Это стимулирует их мотивацию, обеспечивает готовность реагировать на сигналы окружающей среды. Децентрализация подрывает бюрократизм, усиливает подотчетность и ответственность административных учреждений. Социальное предназначение регулирования общественных отношений в первую очередь определяется теми функциями, которые она выполняет для человека, общества и государства в сфере безопасности. Многие специалисты предлагают произвести ревизию функций не только государственного управления.

Современный исследователь С.С. Савин констатирует факт, что сегодня происходит прекращение избыточного государственного регулирования применительно к малому бизнесу²⁰⁸, о чем было записано в Концепции административной реформы, одобренной постановлением Правительства РФ 25 октября 2005 года. В целом, можно согласиться с таким критическим подходом, когда высшая власть должна произвести перераспределение функций внутри системы регулирования применительно ко всему обществу, а не только, допустим, к малому бизнесу.

Выявлено несколько основных функций, характеризующих государственное регулирование как социальную систему, способствующую повышению эффективности безопасности современного общества.

1. Функция социального прогнозирования безопасности. Действительно, органы государственного регулирования обязаны участвовать в выработке стратегии общественного развития, достижения необходимого состояния безопасности²⁰⁹ (ее обязана выработать высшая власть и предложить ее государственным органам для выполнения), а заниматься реализацией доктринальных установок должны органы, занимающиеся управлением.

Совершенно неслучайно исследователи Р. Кучуков, А. Савка отмечают, что в основу эффективного регулирования должна быть заложена целевая стратегия. И еще один важный момент заключается в том, что субъектам регулирования следует постоянно изучать закономерности общественной жизни и ее безопасности, с тем чтобы выстраивать эффективную политику, а иначе, как полагают исследователи, «государство будет проводить политику реагирования на конъюнктурный ход событий, не думая о том, как развивать экономику страны»²¹⁰.

²⁰⁷ Соколова, С.Н. Философское осмысление государственного регулирования безопасности общества. Смоленск, 2007. С. 188.

²⁰⁸ Савин, С.С. Повышение эффективности деятельности государственного аппарата: методологические проблемы // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2007. № 2. С. 67.

²⁰⁹ Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.А. Прохожева и С.В. Смутьского. М., 2007. Вып. 6. С. 79.

²¹⁰ Кучуков, Р., Савка, А. Государственное регулирование – нацеленность на результат // Экономист. 2006. № 9. С. 4.

В условиях отсутствия стратегии и комплексной безопасности неизменно будет нарастать социальная напряженность, вызываться апатия и другие негативные явления²¹¹.

Важно также отметить, что в системе регулирования приходится прогнозировать как минимум пять целей: осознание и достижение индивидуальной безопасности; осознание и достижение безопасности своих близких; осознание и стремление обеспечить безопасность других; осознание и стремление к обеспечению безопасности личности и государства; осознание и стремление к обеспечению безопасности современного общества.

Следовательно, регулированию, выполняя функцию социально прогнозирования безопасности, предпочтительнее использовать принцип интеграционного взаимодействия высшей власти и государственных органов в сфере безопасности, что приведет к увеличению совокупной эффективности технологий, труда, материальных и финансовых ресурсов.

2. Функция формулирования приоритетов развития сферы безопасности современного общества. Совместно с общественностью власть постоянно выбирает приоритеты развития общества в целом, и в сфере безопасности в частности, которые затем реализуется в той или иной политике²¹². Так, например, в связи со сменой общественных ориентиров в 1990-х годах в российское массовое сознание, сознание политической элиты была предложена идея о том, что экономику не надо регулировать, а следует предоставить ей простор для свободной, а точнее, для стихийной саморегуляции. Эти не обоснованные с научной точки зрения действия нанесли серьезный ущерб безопасности²¹³.

Так, например, профессор В.В. Серебрянников предупреждал, что «опасность нынешней «социальной инженерии» усиливается стремлением определенных политических группировок, не имеющих массовой поддержки, переделывать социальные структуры, не опираясь на социальные знания, опыт, надежные и проверенные средства научной социальной инженерии»²¹⁴ и далее, «менеджмент душит взаимоотношения, моральные ценности и мотивацию»²¹⁵.

Вряд ли конец менеджмента на самом деле наступил, и в то же время очевидно, что в 1990-е годы в России был предан забвению весь мировой опыт развития в течение XX столетия, ибо ни в одной стране, в том числе и в США, рыночная экономика никогда не приобретала системные свойства вне регулирующих действий государства. В рамках регулирования должен быть обеспечен баланс между государственным управлением, саморегуляцией, что в полной мере укладывается в конечную цель регулирования, выделяемую исследователем Ю. Князевым, а именно, обеспечение общественных интересов²¹⁶. Таким образом, для развития современного общества и его сферы безопасности вредны как излишние контроль, управляемость, так и полный отказ от них, равнозначный анархии.

²¹¹ Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. М., 2008. С. 505-513.

²¹² Возжеников, А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения. автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. С. 40.

²¹³ Петров, С.И. Политика и обеспечение национальной безопасности России. СПб., 2008. С. 59.

²¹⁴ Серебрянников, В., Хлопьев, А. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 61.

²¹⁵ Клок, К., Голдсмит, Дж. Конец менеджмента. СПб., 2004. С. 70.

²¹⁶ Князев, Ю. Социальная деятельность современного государства в сфере экономики, или всё хорошо в меру // Общество и экономика. 2008. № 6.С. 56.

Следовательно, для более плавного, эффективного развития современного общества ему объективно необходима система регулирования с четко сформулированными приоритетами развития (общая стратегия) и его безопасности (частная стратегия воздействия на сферу безопасности). Например, в современной России мера воздействия на любые процессы весьма специфична, что детерминируется действием многих условий, факторов, важнейшими из которых являются характер государственной власти, особенности политической культуры граждан и политической элиты. На практике для власти ключевой проблемой может оказаться выбор форм, средств регулирования, в том числе и воздействия на сферу безопасности.

3. Функция синхронизации усилий высшей власти и государства в их комплексном воздействии на безопасность современного общества. К сожалению, эта функция регулирования менее всего раскрыта в научной литературе, ведь государству то предписывают постоянно вмешиваться в социальные процессы и диктовать, навязывать людям нормы, правила на каждый случай жизни в целях эффективной безопасности, то стремятся вообще исключить его из общества, свести к некоему «макрорегулированию». При этом высшая власть зачастую может устраняться от реализации своего сущностного предназначения: обеспечения гармонизации взаимоотношений человека, общества и государства как основного условия для достижения стабильного уровня безопасности²¹⁷. В рамках этой функции необходимо повлиять на эффективность, гуманность, результативность, предсказуемость, прозрачность, устойчивость государственной политики²¹⁸.

Политическая власть, безусловно, не должна регулировать технологические и производственные процессы: это функции соответствующих специалистов-управленцев (также и в сфере безопасности – конкретно специалистов по безопасности). Политическая власть не должна самостоятельно непосредственно «выстраивать» экономические отношения, так как это дело собственников, производителей и потребителей. Здесь ее функции ограничены выработкой и поддержанием общих правил «экономического» поведения. Не стоит политической власти глубоко вникать в социальную и культурную жизнь граждан, их коллективов, поскольку последние в большинстве сами знают, что им необходимо, они способны в этих сферах саморегулировать общественное бытие.

Для успешной синхронизации усилий высшей власти и государства в их комплексном воздействии на сферу безопасности политической элите необходимо поддерживать достаточно развитый уровень каждой из сфер и одновременно обеспечивать взаимосвязь, известное равновесие между различными сферами общественного бытия в многомерном социальном пространстве. При этом комплексный подход в регулировании означает приведение общественных связей в новое качество, отвечающее запросам современного общества и его безопасности. Мировой опыт показывает, что там, где комплексный подход в регулировании практически реализуется, социумы лучше, своевременнее и с меньшими издержками решают свои проблемы и автоматически существуют в более безопасных условиях.

²¹⁷ Холод, А.В. Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 2004. С. 15.

²¹⁸ Сулакшин, С.С. Научные подходы к формированию Экономической доктрины РФ // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М., 2008. Вып. 10. С. 4.

4. Функция содействия общесоциальным преобразованиям, обеспечивающим стабильный уровень безопасности. Данная функция по-разному осуществляется при разных политических режимах. При тоталитарном режиме идет неравноценный процесс регулирования в интересах госаппарата, что сказывается однобоко на безопасности. В современном обществе эта функция регулирования имеет общесоциальные цели, обеспечивающие соответствующий уровень безопасности.

Во-первых, это регулирование отношений между различными социальными, этническими и другими общностями в государстве в целях поддержания стабильности и безопасности²¹⁹. Есть много других направлений, где регулирование осуществляется в соответствии с принципами социальной справедливости, солидарности и защищенности. Например, в сфере пенсионного обеспечения регулируется соотношение среднего размера социальной пенсии и прожиточного минимума пенсионера²²⁰.

Во-вторых, регулирование сферы безопасности содействует оказанию социальных услуг населению и актуализации здорового образа жизни: создание сети образовательных учреждений, медицинского обслуживания, систем транспорта, связи, путей сообщения. В частности, в медицине отдается приоритет реализации мер, направленных на пропаганду, финансирование здорового образа жизни и государство целенаправленно выделяет дополнительные средства для оказания бесплатной медицинской помощи и контролирует качество производимых продуктов питания. В образовании приоритетными направлениями развития являются: создание сети национальных исследовательских университетов, разработка новых образовательных стандартов, а также развитие системы независимой оценки качества образовательных услуг. В жилищном комплексе, например, в современной России с помощью регулирования решается сложная проблема между застройщиками и обманутыми «дольщиками», а контроль государственными органами процесса приобретения у застройщиков недостроенных домов эконом класса даст гражданам гарантию благополучного завершения строительства.

5. Функция постоянного инициирования демократических преобразований в сфере безопасности связана, прежде всего, с регулированием политических отношений, обязательным совершенствованием политической безопасности²²¹. Очевидно, что современной власти необходимо эффективно, оперативно отрегулировать диалог с обществом и его политическими институтами по вопросам безопасности политической системы²²².

В регулировании политических отношений с политическими партиями, другими объединениями необходим политический профессионализм. Современная ситуация, например, в России свидетельствует о том, что стержень формирующейся политической системы «Единая Россия» пока что выглядит тенденциозно и не слишком убедительно. Для сохранения политической стабильности, и особенно эффективной безопасности, в условиях кризисной ситуации необходима реальная политическая оппозиция. Именно с

²¹⁹ Хрипков, М.П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: дис. ... докт. социол. наук. М., 2004. С. 37.

²²⁰ Никитина, В., Шейкина, Г., Карнова, Н. На людях – не экономить! Владимир Путин обнародовал экономический план развития России // Аргументы и факты. 2008. № 48. С. 4.

²²¹ Хрипков, М.П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: дис. ... докт. социол. наук. М., 2004. С. 25-27.

²²² Холод, А.В. Указ. соч. С. 17-18.

ней предстоит власти выстроить такие отношения, которые позволят конструктивно искать пути выхода из охватившего не так давно экономического кризиса²²³.

Высшая власть и государство регулирует безопасность по определенным правилам «политической игры» (недопущение насильственных действий, запрет создания тайных и вооруженных объединений, правила проведения политических демонстраций, установление порядка проведения выборов государственных органов, референдума, реализации политических прав граждан)²²⁴.

Следовательно, функция постоянного поддержания демократических преобразований в сфере безопасности преследует цели политической состоятельности и участия в реализации властных отношений, давления на власть в интересах обеспечения эффективной безопасности современного общества.

6. Функция интеграции и координации международного сотрудничества по вопросам безопасности в решении глобальных проблем современности. Данная функция регулирования заключается в том, что государство должно стремиться к интеграции сферы безопасности. Например, в России после 1985 года во всех основных сферах жизнедеятельности постепенно происходил рост влияния регулирующих действий, и, соответственно, оказалось: общество нуждается в другой безопасности, а также в мировом опыте развития научной мысли и в практической помощи со стороны мирового сообщества в целом и со стороны отдельных стран²²⁵. В рамках основных международных процессов современная Россия достаточно активно участвует в поддержании международной безопасности и устойчивого миропорядка. Она активно взаимодействует с ООН, участниками которой являются почти все государства планеты, и другими международными организациями. Однако необходимо моделирование и внедрение в политическую практику новых способов регулирования международных отношений в регионах. Эта проблема представляет собой серьезный вызов международным институтам, которые должны разрабатывать эффективную стратегию по разрешению политических кризисов, предотвращению и урегулированию конфликтов, а также механизмы для реализации этой стратегии²²⁶. При этом отечественная система регулирования сферы безопасности способствует тому, чтобы поддерживать сложившийся миропорядок, выступать против агрессии и дестабилизирующих акций. Так, например, предстоящее пятилетие для России связано с организацией и проведением крупномасштабных мероприятий, имеющих международную значимость²²⁷.

Подготовка и проведение подобного рода мероприятий – достойный вклад России в поддержание биобезопасности и международной безопасности в целом. Функция интеграции, координации международного сотрудничества в вопросах безопасности эффективно способствует международному сотрудничеству в решении глобальных проблем, поскольку предполагает существование различных центров силы, конкуренции

²²³ Андреев, В. Рецепты борьбы с кризисом // Аргументы и факты. 2008. № 48. С. 4.

²²⁴ Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 3-13.

²²⁵ Каптарь, Д. Россия потеснила США в Латинской Америке // QRL.RU:сервер новостей.2009.URL. <http://www.news.km.ru> (дата обращения 15.12.2009).

²²⁶ Климов, О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит.наук. М., 2003. С. 15.

²²⁷ В 2014 г. Россия будет принимать Олимпийские игры в Сочи, в 2012-м – Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, в 2009г. в Екатеринбурге – саммит государств Шанхайской организации сотрудничества.

на международной арене, вовлечение в международную деятельность большого количества негосударственных субъектов (акторов). И в результате методами регулирования в сфере безопасности решаются вопросы охраны мировой экосистемы, освоения космоса, защиты прав человека.

В итоге следует признать, что во всех сферах общественной жизни есть определенные области саморегулирования, есть они и в сфере безопасности. Субъектами государственного регулирования безопасности современного общества являются политическая власть, органы госвласти, гражданское общество и бизнес-структуры. Основным объектом регулирования выступает состояние сферы безопасности. Политическая власть и государство регулируют уровень и воздействуют на эффективность безопасности, стимулируя одни общественные отношения, ограничивая другие и запрещая третьи. Эффективность регулирования сферы безопасности в значительной степени зависит от профессионализма политической власти, государственных органов в успешном воздействии на саморегулирующие социально-политические структуры. Занимаясь регулирующей деятельностью, политическая власть и государство могут принципиально повлиять на безопасность современного общества. Социальное предназначение регулирования сферы безопасности описано шестью основными функциями в авторской редакции. Это такие функции регулирования, как социальное прогнозирование, формулирование приоритетов, синхронизация усилий политической власти и государства в их комплексном воздействии на безопасность, содействие общесоциальным преобразованиям, постоянное поддержание демократических преобразований в сфере безопасности, интеграция и координация международного сотрудничества по вопросам безопасности в решении глобальных проблем.

ГЛАВА 2. СФЕРА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Среди объектов государственного регулирования сфера безопасности современного общества занимает свое, вполне определенное место, которое в значительной степени детерминировано ее социальными функциями в многомерном социальном пространстве. Вопросы безопасности были актуальными для общества практически всегда и решались в различных государствах по-разному, однако общие проблемы обеспечения безопасности, защиты, отражения угроз, снижения опасностей всегда волновали граждан, общество и государственную власть.

Кроме того, следует подчеркнуть относительно небольшой срок специализированной научной деятельности, когда сфера безопасности стала изучаться методами научного анализа. Однако эта констатация фактически ничего не меняет, поскольку представленная монография как раз и актуализирует необходимость исследования сферы безопасности как самостоятельной области познания. Фактически все трудности, с которыми сталкивается исследователь, поставивший себе целью определить место и роль сферы безопасности среди других сфер общественной жизни, замыкаются на понимании процессов, протекающих в сфере безопасности современного общества.

Приоритет именно этих затруднений и обусловил логику изложения материала в данной главе. Вначале планируется рассмотреть динамические изменения концептуальных

основ национальной безопасности (на примере России), а затем необходимо осмыслить специфические особенности сферы безопасности и в конце главы важно выявить основные тенденции регулирования безопасности. В таком контексте можно выявить феноменологический аспект и заложить теоретические основы для последующего формулирования обновленных подходов к регулированию сферы безопасности современного общества.

2.1. Специфика сферы безопасности современного общества

После распада Советского Союза Российская Федерация около десяти лет находилась в состоянии постоянного цейтнота (поскольку стремилась занять достойное место в мировом сообществе) и дефицита людских ресурсов (способных существовать в условиях рыночной или смешанной экономики), что в значительной степени актуализирует проблему выбора вектора своего дальнейшего развития. Выйдя примерно к началу 2000 года из затяжного социально-экономического кризиса, российское государство, как и белорусское общество, постепенно стало наращивать экономический потенциал, проводя назревшие преобразования системы социального обеспечения, здравоохранения, высшей и средней школы²²⁸.

Практически параллельно с социальными преобразованиями весьма энергично в начале третьего тысячелетия стали решаться вопросы обеспечения гарантированной безопасности национальных интересов России. Это зафиксировано многими учеными и специалистами, которые полагают, что фактически сфера безопасности российского общества стала расширяться и приобретать иное качественное состояние²²⁹.

Размышляя над крупными социально-философскими вопросами трансформации и развития сферы безопасности российского общества в конце 90-х – начале 2000-х годов, автор акцентирует внимание на необходимость дальнейшей научной разработки ряда теоретических проблем. Очевидно, что их постановка и последующее разрешение будет способствовать объективному рассмотрению состояния сферы безопасности и выявлению ее специфики²³⁰. Уместна также и обратная диалектика, поскольку анализ реального состояния сферы безопасности современного общества поможет последовательно обозначить и в дальнейшем разрешить как теоретические, так и практические вопросы обеспечения гарантированной безопасности.

В самом общем приближении можно выделить несколько глобальных проблем, пока только обозначенных в некоторых научных источниках.

Во-первых, в настоящее время не слишком понятно, как сфера безопасности зависит от активности государства, деятельности гражданского общества и бизнес-структур. Фактически, в рамках предложенной концепции государственного регулирования, целесообразно данную проблему трансформировать таким образом: какова должна быть степень вмешательства, воздействия (участия) государства, общественности, бизнеса и граждан в сферу безопасности? Насколько деятельность

²²⁸ Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М., 2007. С. 3.

²²⁹ Безопасность России в XXI веке / Науч. рук. проекта В.Н. Кузнецов. М., 2006. С. 3-5.

²³⁰ Объективность существования самостоятельной сферы безопасности современного общества доказана автором в первой главе.

различных социально-политических субъектов (акторов) должна координироваться и кто должен быть координатором в данной сфере²³¹?

Во-вторых, до сих пор нет четкого ответа на вопрос, каким должно быть соотношение внутренних и внешних (по отношению к конкретному социуму) аспектов безопасности в данной сфере?

Несколько иначе проблему видит исследователь С.В. Картунов, когда обосновывает необходимость выработки концептуальных рамок для определения приоритетов внутренней и внешней политики государства²³². Он обстоятельно подчеркивает их неразрывное единство как важнейший методологический принцип функционирования этой сферы, но при этом, например, для России выделяет приоритетность внутренней политики²³³ (в обеспечении защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства). Здесь же следует отметить, что многие исследователи на первое место по значимости в сфере безопасности ставят внешние аспекты.

В-третьих, в дальнейшей теоретической проработке нуждается определение соразмерности военных аспектов безопасности (военной безопасности, биобезопасности) с другими видами безопасности.

Важность именно такой постановки проблемы органично следует из советского опыта, поскольку, как отмечает исследователь В.Н. Цыгичко, «не только военная доктрина и стратегия, но и все решения, касающиеся жизнедеятельности советского государства всегда ориентировались на психологию круговой обороны»²³⁴.

Исследователь В.В. Чебан в своей работе рекомендует решить противоречие между потребностями обороны и реальными возможностями государства по обеспечению этих потребностей²³⁵. Специалисты института социально-политических исследований РАН В.В. Серебрянников, А.Н. Хлопьев пишут о том, что политика безопасности в нашей стране перестала быть синонимом военных мер²³⁶.

Следовательно, необходимы вдумчивые и последовательные государственные усилия по регулированию финансирования, расходования других (в первую очередь, не военных) ресурсов на обеспечение различных видов безопасности.

В-четвертых, в обстоятельном анализе нуждается диалектика взаимодействия сферы безопасности с другими сферами общественной жизни. Диалектика этого взаимодействия до сих пор не разрешена ни в теоретическом, ни в практическом аспектах. Так, например, академик В.Н. Кузнецов в своих многочисленных трудах рассматривает сферу безопасности как предельно широкую, по объему фактически совпадающую с социумом, со всеми его сферами²³⁷. Но есть и принципиально иные точки зрения. Академик АН Молдавии А.Д. Урсул полагает, что безопасность, в первую

²³¹ Гончаренко, Л.П. Управление безопасностью. М., 2005. С. 23-24; Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 69-73.

²³² Картунов, С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 180.

²³³ См.: Картунов, С.В. Указ.соч. С. 180.

²³⁴ Цыгичко, В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М., 2005. С. 7.

²³⁵ Чебан, В.В. Геополитическое положение и военная политика России. Размышления публициста о настоящей и будущей военной политике России. М., 2001. С. 67.

²³⁶ Серебрянников, В.В., Хлопьев А.Н. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 12.

²³⁷ Кузнецов, В.Н. Социология безопасности. М., 2006. С. 14-17.

очередь, обеспечивает устойчивое развитие общества²³⁸ и в этом смысле в сфере безопасности (и только в ней) формируются условия развития социума (то есть, без гарантированной безопасности это развитие не может быть обеспечено в принципе).

В-пятых, в дальнейшем систематизированном изучении нуждается непоследовательность действий различных субъектов (в первую очередь, государственной власти) в сфере безопасности. Очевидно, что эта проблема является проблемой более высокого порядка, поскольку в нашей стране реформаторские действия всегда являлись неэффективным результатом проводившейся так называемой «консервативной» политики (например, преобразования в военной области всегда следовали за проигранной войной²³⁹).

Согласимся с исследователем В.Э. Багдасаряном о необходимости формирования целостной модели исторического и перспективного развития сферы безопасности²⁴⁰. Конечно, вышеуказанными теоретическими проблемами сферы безопасности их полный список далеко не исчерпывается. Однако даже вышеперечисленных позиций достаточно для того, чтобы убедиться в многогранности, многофункциональности и внутренней сложности этой сферы, неоднозначности ее состояний и влияния на современное общество. Кроме того, важно ответить на вопрос: имеет ли сфера безопасности собственную предметную область? И ответ на этот вопрос поможет сформулировать важнейшую особенность сферы безопасности.

В самом первом приближении необходимо подчеркнуть, что данная сфера не имеет собственной предметной области. Именно поэтому автор монографии предлагает свою концепцию, позволяющую раскрыть состояние сферы безопасности современного общества через анализ специфики ее проявления в других основных сферах общественной жизни (экономической, политической, социальной и духовной). Такой анализ позволит в дальнейшем выявить и систематизировать составляющие сферы безопасности, которые возможно и необходимо подвергать воздействию методами государственного регулирования со стороны широкого круга социально-политических субъектов (акторов).

Рассмотрим специфику проявления сферы безопасности в экономике. Очевидно, что рассмотрение совместной проблематики экономики и безопасности является весьма актуальным для науки и современной общественной практики в нашей стране. Как совершенно справедливо отмечает исследователь Н.А. Ломакин, «экономизация всех сторон жизни российского общества привела к тому, что число потенциальных угроз невоенного характера, возникших уже после распада СССР, существенно возросло»²⁴¹.

Спектр взглядов на эту проблему оказался весьма широким. Так, исследователи С.Л. Чернышев, Л.С. Чернышевасчитают, что особой спецификой проявления сферы безопасности в экономике является «возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и военно-

²³⁸ Урсул, А.Д. Безопасность и развитие: концептуально-методологические аспекты // *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2007. С. 467.

²³⁹ Осипова, М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. С. 291-292.

²⁴⁰ Багдасарян, В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариативности общественного развития. М., 2008. С. 5.

²⁴¹ Ломакин, Н.А. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральных и региональных элит (на примере северо-западных областей России) // *Международные процессы*. 2003. № 2. С. 113.

политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз»²⁴².

Исследователи М.И. Гвардейцев, П.Г. Кузнецов, В.А. Розенберг утверждают, что определяющая специфика сферы безопасности заключается в том, чтобы экономика «поддерживала нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов России»²⁴³.

Следовательно, в первом приближении специфика сферы безопасности в экономике состоит в обеспечении экономического развития современного общества с целью удовлетворения социальных и экономических потребностей его граждан при оптимальных затратах труда, природоохранном использовании сырьевых ресурсов, окружающей среды. Специфичность проявления сферы безопасности в экономике заключается не только в защищенности национальных (экономических) интересов, но и в готовности (способности) институтов власти создавать механизмы реализации защиты национальных интересов развития экономики, поддержания социально-политической стабильности. Уместно сказать и об обратном влиянии. Так, как отмечают в своей книге исследователи Л.И. Гончаренко, Е.С. Куценко, от состояния экономики страны напрямую зависят состояние вооруженных сил; качество и уровень жизни граждан; научно-технический и технологический потенциал страны; возможности МЧС по ликвидации последствий техногенных и природных катастроф; экологическая ситуация в стране, истощение ее природных ресурсов; демографическая ситуация²⁴⁴.

Специфичность сферы безопасности в экономике также проявляется и в нейтрализации или сведении к минимуму неблагоприятных внешних и внутренних воздействий на национальную экономику (в условиях ее интеграции в мировое хозяйство, мирового разделения труда, сохранение социально-экономической и политической стабильности в обществе, устойчивости функционирования всех секторов экономики, целостности внутриэкономического пространства). Даже в целевых установках государства на развитие экономики проявляется и специфичность самой сферы безопасности.

Так, например, в содержании Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации заложена необходимость обеспечения такого развития экономики, при котором были бы созданы необходимые и достаточные условия для жизни и всестороннего развития личности граждан Российской Федерации²⁴⁵.

В результате, специфика сферы безопасности в экономике на современном этапе социально-экономического развития общества (в условиях ускорения процессов глобализации и информатизации в мире, усиления конкуренции на мировых рынках, вступления России в ВТО) требует не только гражданского согласия, но и системных, скоординированных действий всех ветвей власти на всех уровнях, предпринимателей. Специфика сферы безопасности довольно обстоятельно проявляется в объекте, субъекте и

²⁴²Чернышев, С.Л., Чернышева Л. С. Логика окружающей среды. М., 1999. С. 74.

²⁴³Гвардейцев, М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.А. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества. М., 2004. С. 33-34.

²⁴⁴Гончаренко, Л.И., Куценко Е.С. Управление безопасностью. М., 2005. С. 8.

²⁴⁵Это также такие цели: повышение уровня и качества жизни населения, сохранение демографической, социально-экономической и политической стабильности общества, социально-экономической и военно-политической стабильности государства в целом.

предмете экономики, а также в методах обеспечения экономической безопасности. Так, известно, что объект экономики находится на пересечении и взаимном проникновении (влиянии) с другими возможными сферами безопасности²⁴⁶ (политической, социальной, информационной, биобезопасностью).

Поэтому специфичными для сферы безопасности в экономике будут те ее проявления, которые детерминированы внутриэкономическим и внешнеэкономическим развитием государства, а также так называемыми «стыковыми» проблемами (в областях пересечения экономики со смежными внеэкономическими сферами). К ним относятся военно-экономическая сфера; сфера защиты научно-технического и интеллектуального потенциала; сфера обеспечения общественной безопасности; сфера взаимодействия экономики и природы и биобезопасность. Не принижая важности решения проблемы сферы безопасности во всех областях и сферах деятельности, необходимо еще раз подчеркнуть базисную роль экономики, так как производство, распределение и потребление материальных благ первичны для общества, определяют жизнедеятельность и жизнеспособность каждого гражданина в отдельности²⁴⁷.

Специфичной для экономической сферы является деятельность государства, являющегося, как известно, основным субъектом сферы безопасности. Ведь очевидно, что в различных типах экономики (рыночной, смешанной и государственной) роль, которую она играет, бывает принципиально разной. Если в рыночной экономике роль государства в основном заключается в выработке общих «правил игры», контроле за их соблюдением, то в государственной экономике государство является основным субъектом в связи с тем, что ему принадлежит основная часть собственности. По всей видимости, в различных типах экономики влияние государства на сферу безопасности будет различным, поскольку на практике доминирование в экономике неизбежно приводит к доминированию и в сфере безопасности²⁴⁸.

Перечислим далее ряд специфических особенностей сферы безопасности, которые объективно проявляются в экономике:

- именно в сфере безопасности определяются факторы, негативные для устойчивости социально-экономической системы;
- вырабатываются меры, позволяющие устранять или смягчать последствия для граждан и общества реализации той или иной экономической политики и проводимых институциональных преобразований;
- определяются общенациональные интересы в экономике;
- идентифицируются наиболее вероятные внешние и внутренние угрозы экономической безопасности как совокупности.

В государственной стратегии экономического развития специфическими проявлениями сферы безопасности в экономике являются:

- сфера влияет на процесс выработки целевых установок социально-экономической политики развития;

²⁴⁶ Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 133.

²⁴⁷ Никипелов, А.Д. О некоторых теоретических и практических проблемах обеспечения экономической безопасности // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М., 2007. С. 140.

²⁴⁸ Афонцев, С.А. От борьбы к рынку: экономическая кооперативность в мирополитическом взаимодействии // Международные процессы. 2003. № 2. С. 18-19.

- в сфере безопасности в определенной мере формируются критерии и параметры должного состояния экономики, отвечающего требованиям экономической безопасности и защиты жизненно важных интересов;
- именно в сфере безопасности создается система и механизмы обеспечения экономической безопасности современного общества, защиты жизненно важных интересов на основе применения всеми государственными и другими институтами правовых, экономических и административных мер.

Очевидно, что очень важной для данного исследования является функция прогнозирования экономического развития, которую призвано осуществлять, в первую очередь, государство.

Специфическими проявлениями сферы безопасности в прогнозной деятельности в экономике являются: прогнозирование мер, способствующих самостоятельному и эффективному решению различными субъектами широкого круга экономических задач, в том числе и в сфере безопасности; без влияния сферы безопасности сложно обеспечивать тот уровень и такое качество жизни населения, которые обеспечивают стабильность в обществе; сфера безопасности позволяет социуму своевременно адаптироваться к динамичным изменениям, происходящим в мировом хозяйстве, нарастающим ресурсным ограничениям и условиям глобальной конкуренции, адекватно отвечать на внутренние и внешние вызовы; сфера безопасности влияет на экономические, политические и военные процессы в современном обществе.

Практическая реализация ряда особенностей сферы безопасности в экономике происходит через ее влияние на формирование экономической политики и направлена на обеспечение национальной безопасности в целом. Она осуществляется в виде системы конкретных мер, механизмов, реализуемых на основе качественных индикаторов и количественных показателей (макроэкономических, демографических, внешнеэкономических, экологических и др.). Такая система конкретных мер и механизмов представляет собой основу и содержание экономической политики государства.

Следовательно, специфика проявления сферы безопасности в экономике обеспечивается как чисто экономическими методами, так и средствами неэкономического характера: политическими, военными и иными, включая защиту секретов. Безопасность в смежных внеэкономических сферах обеспечивается не только специфичными для них методами, но в значительной мере и экономическими средствами, в том числе всегда с привлечением денежных и иных ресурсов экономического характера. Кроме того, экономическая оценка последствий угроз в любых сферах, как правило, обеспечивает универсальный подход, давая возможность количественно оценить ущерб и на этой основе определить систему приоритетов для эффективного регулирования безопасностью современного общества.

Далее рассмотрим специфику проявления сферы безопасности в политике. Важнейшим проявлением рассматриваемой нами сферы в политике является то обстоятельство, что сфера безопасности, как и политика, распространяется на все общество, оказывает влияние практически на любые вопросы жизнедеятельности людей.

Так, профессор С.В. Кортунов под политикой национальной безопасности понимает «совокупность установок программного характера, направленных на желаемое улучшение состояния национальной безопасности»²⁴⁹. Тогда возникает закономерный вопрос, зачем современному обществу нужна соответствующая специализированная политика, направленная на сферу безопасности? Ответ на него можно найти в многогранности и сложности самой сферы безопасности²⁵⁰ и ее социально значимых функциях.

Важно, как утверждает профессор С.В. Кортунов, что состояние безопасности (в том числе национальной) не может быть исчерпывающим образом выражено никаким набором количественных или вообще объективных показателей²⁵¹.

Сами по себе статистика преступлений, сопоставительные характеристики вооруженных сил разных стран и т.п. – все это играет большую роль, однако окончательная квалификация состояния как «опасного» или «безопасного» осуществляется субъективно – теми субъектами (акторами), которых это состояние затрагивает и которые выходят по этому поводу в так называемую позицию рефлексии. Обратим внимание, что и политика всегда носила и носит не только весьма субъективный, но даже и в весьма значительной степени иррациональный характер²⁵².

Продолжая далее исследовать некую конгруэнтность, «схожесть» сфер безопасности и политики, необходимо уточнить, что политика обеспечения того или иного уровня (того или иного вида) безопасности имеет как минимум двойственный характер. Дело в том, что политика предполагает как принятие конкретных решений, так и проведение этих решений в жизнь, что, собственно говоря, отражает некую объективную сторону процессов обеспечения безопасности. В то же время эти объективные процессы должны быть дополнены субъективной линией – процессами рефлексивного отслеживания всеми заинтересованными сторонами состояния сферы безопасности (чаще, как пишут специалисты – состояния национальной безопасности).

Многие специалисты эту субъективную направленность считают определяющей, поскольку зачастую случаются ситуации, когда по объективным показателям может показаться, что мы уже добились или вот-вот добьемся поставленных заранее целей. Но при этом экспертиза (особенно, независимая) ситуации может показать, что желаемого улучшения состояния безопасности не наступает.

Так, если принимать на веру многочисленные заявления, например, руководства российского государства и спецслужб, то можно сделать вывод о полной победе над террористами в регионе Северного Кавказа (для этого выделялись и выделяются многочисленные финансовые и материальные средства, спецслужбами уничтожались ведущие лидеры террористов и т.д.).

На практике же террористические акты продолжают совершаться в этом регионе (терракт в Беслане в 2004 году, в культурном центре на Дубровке в 2003 году). Кроме того, постоянно встречаясь с жителями этого проблемного региона Российской Федерации, автор убедился, что для многих из них гарантии личной безопасности не обеспечены до сих пор (хотя порядка в регионе, действительно, стало намного больше).

²⁴⁹ Кортунов, С.В. Указ.соч. С. 125.

²⁵⁰ Об этом см., подробнее: Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М., 2007. С. 33.

²⁵¹ Кортунов, С.В. Указ.соч. С. 126.

²⁵² Кола, Доминик. Политическая социология. М., 2001. С. 53-76.

Пожалуй, стоит согласиться с мнением исследователей А.В. Малашенко и Д.В. Тренина, полагающих, что в политике обеспечения безопасности в этом регионе доминирующее положение занимает информационная война, которая ведется постоянно, не прекращаясь ни на минуту²⁵³.

Следовательно, желание (проявляемое со стороны власти, так называемых силовиков и спецслужб) убедить общественность и граждан в достижении полной безопасности в регионе вполне понятно. Но оно не в полной мере адекватно реальной ситуации²⁵⁴. Вообще, проблема выработки единого подхода к методологии оценки состояния безопасности, например, в России только сформулирована, но пока не решена. Среди других причин следует отметить политический (а не технический или специальный) характер этой проблемы.

Так, специалисты Совета безопасности Российской Федерации В.П. Назаров, Д.А. Афиногенов и И.И. Беляев среди причин нерешенности в российском обществе отмечают слишком малый срок, прошедший со времени появления в России методических разработок теории национальной безопасности²⁵⁵.

При этом является очевидным, что появление теории по такой важнейшей функции государства, как национальная безопасность, может быть инициировано только политической элитой, государственным руководством.

Указанные выше специалисты Совета безопасности Российской Федерации выделяют в качестве методологически необходимых для национальной безопасности такие понятия, как «показатели безопасности» и «пороговые значения». В качестве отличительного свойства показателей называются высокая чувствительность и изменчивость, а понятие «пороговые значения» применительно к социально-экономической сфере трактуется как предельно допустимые величины, за которыми следует ожидать реализацию угроз и соответствующего ущерба. Фактически специалисты Совета безопасности описывают методологию инструментального измерения состояния национальной безопасности, когда предлагают предусмотреть формирование набора количественных показателей по каждой угрозе национальной безопасности и отдельно для личности, общества и государства²⁵⁶.

Соглашаясь в целом с таким подходом, достаточно эффективным для государственной оценки (либо оценки со стороны спецслужб) эффективности действий по обеспечению национальной безопасности, все же следует подчеркнуть, что применительно к сфере безопасности современного общества такой подход вряд ли может быть применен на практике.

²⁵³ Малашенко, А.В., Тренин Д.В. *Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России*. М., 2002. С. 157.

²⁵⁴ Аналогично следует оценить субъективную линию в действиях руководства США, которое после террористического акта 11 сентября 2001 года решило бороться с международным терроризмом, в первую очередь, на территории других стран. После нескольких лет (прошедших с момента ввода войск США и блока НАТО на территорию Ирака и Афганистана) вряд ли кто-то решится утверждать, что таким образом проблема предотвращения террористической угрозы для граждан США решена.

²⁵⁵ *Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации*. М., 2007. С. 34.

²⁵⁶ Целью данной методологии является количественная оценка жизненно важных интересов личности, общества и государства, которая должна содержать примерно 10-20 количественных показателей каждого отдельно взятого жизненного интереса. Измерение этих показателей должно проводиться на базе развитой системы сбора статистических данных, либо предлагается использовать в ходе сравнительного анализа и экспертной оценки значения уже фактически реализованных показателей. Такой подход широко практикуется в ряде зарубежных стран в форме так называемого индикативного планирования. См.: там же. С. 34-35.

Наиболее важными и существенными являются такие проявления данной сферы в политике, политической жизни, как вовлеченность общественных структур (институтов гражданского общества) в деятельность по обеспечению общественной безопасности. Рассуждая аналогичным образом, приходим к выводу о том, что в обеспечении личной безопасности ведущую роль должны играть сами граждане.

При этом автор ни в коем случае не призывает изолировать друг от друга различных субъектов безопасности в зависимости от степени их вовлеченности в политику. В идеальном варианте сфера безопасности должна носить государственно-общественный характер. Это означает, что не только государство, но и общество должны взять на себя ответственность за решение задач безопасности (личной и общей безопасности). И, конечно, различные государственные органы, общественные структуры и граждане по-разному вовлечены в эту сферу, имеют в ней различные интересы, но при этом, безусловно, должны действовать в ней совместно на основе выработанной стратегии и доктринальных документов.

Самая главная проблема для данной сферы заключается в наличии возможности ее «приватизации» со стороны государственной власти или спецслужб (такая возможность была реализована в СССР, где был обеспечен примат государственной безопасности идеологически и на практике)²⁵⁷. Ведь еще немецкий экономист К. Маркс отмечал: «Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть»²⁵⁸. Кроме того, в теории и в наши дни еще не прекратилась определенная путаница, так как во многих исследованиях, книгах и даже в учебниках и учебных пособиях всерьез и весьма обстоятельно анализируется термин «национальная безопасность государства»²⁵⁹.

Оказывается, в современном обществе немало исследователей, которые «приравнивают» сферу безопасности к действиям государства. Что же касается социально значимых функций сферы безопасности в политике, то следует признать, что в их реализации заинтересованы основные субъекты безопасности, то есть институты политической системы общества. Почему сделан такой вывод?

В первую очередь, исходя из устоявшегося в российской науке институционального понимания политической безопасности как безопасности политической системы общества²⁶⁰. Впрочем, следует также признать, что политическая безопасность понимается и в более широком контексте, как безопасность политической жизни каждой личности, общества (политических структур, отношений, деятельности), а также ее строгое соответствие как конституционным нормам, так и принятым законам²⁶¹. Но, независимо от выбранной трактовки сущности политической безопасности²⁶²,

Серебрянников, В.В., Хлопьев А.Н. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 15, 37-40.

²⁵⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. М.: Политиздат, 1972. Т. 21. С. 311.

²⁵⁹ Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 13-73 и др.

²⁶⁰ Под политической безопасностью понимается способность политической системы (в первую очередь, государственной власти) противостоять негативным для себя и общества тенденциям (опасностям, рискам, вызовам и угрозам) и при этом активно расширять и реализовывать позитивные тенденции в развитии социума. См.: Грищенко, Д.Ю. Политическая безопасность современного Российского государства: состояние и механизм обеспечения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 19.

²⁶¹ Жуковский, М.В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации // Безопасность. 2002. № 1-2. С. 35.

²⁶² Политическая безопасность означает: 1) устойчивость политической системы; 2) выражение и реализацию политической системой базовых интересов основных социальных групп с одновременным обеспечением социально-политической стабильности; 3) отсутствие в обществе жестких социально-

необходимо подчеркнуть, что у граждан, общества и государства всегда объективно есть такие интересы безопасности, которые могут реализовываться только в политическом процессе и политическими средствами. Это интересы защиты политической системы, интересы стабильности и связанной с этим ее эффективности, интересы повышения эффективности действий органов государственной власти (как основного института политической системы). По всей видимости, можно утверждать, что сфера безопасности современного общества во многих аспектах объективно носит ярко выраженный политический характер (хотя здесь же сразу оговоримся, что это имеет место далеко не во всех аспектах сферы безопасности).

Проанализируем специфику проявления безопасности в социальной сфере. Социальная сфера некоторыми исследователями относится к стратегическим факторам мощи государства наряду с его территорией, природными богатствами, экономическими, научно-техническими, оборонными возможностями²⁶³. «Жизнестойкость, созидательная энергия и разносторонность американского общества являются важными источниками национальной мощи», – записано в Стратегии национальной безопасности США²⁶⁴. И действительно, если жизнь граждан ухудшается, если отсутствуют большие идеи, цели, мотивы, порождающие огромную энергию, креативность и активность, то, соответственно, эти социальные факторы способны значительно ухудшить и стратегическую мощь, жизнестойкость, жизнеспособность страны. Если в социальной структуре нарастают деструктивные тенденции, то усиление негативного влияния социальных факторов на безопасность общественной жизни очевидна²⁶⁵.

В таком ключе сфера безопасности проявляется в социальной сфере (иногда специалисты пишут о социальной безопасности):

- в поддержке (или отсутствии таковой) большинством населения социальной системы и государственного устройства;
- в характере отношений между большими социальными группами, когда эти отношения не создают новых опасностей и не наносят ущерба друг другу;
- в устойчивости систем обеспечения жизнедеятельности и основных потребностей людей и групп;
- в состоянии и развитии социальной сферы, исключающей социальную перенапряженность и опасность взрывов массового недовольства;
- защищенность личности от любых опасностей, которые могут быть в обществе²⁶⁶.

Изначально запрос на безопасность продуцируется в самой социальной сфере. Полностью можно согласиться со специалистами из Екатеринбурга, которые утверждают, что безопасность является важнейшим социальным императивом²⁶⁷.

политических конфликтов, либо постоянные и одновременно эффективные действия, в первую очередь политической власти, по минимизации деструктивного воздействия на социум таких конфликтов. См.: XXI век: новые вызовы национальной безопасности России / Под ред. А.Б. Макушкина. М., 2003. С. 17-18.

²⁶³ См.: Серебрянников, В.В., Хлопьев А.Н. Указ.соч. С. 20.

²⁶⁴ Стратегии национальной безопасности США//QRL.RU:сервер АВП.2008.URL. [http: www.milpol.ru](http://www.milpol.ru) (дата обращения 15.11.2009).

²⁶⁵ В узком смысле социальная сфера приравнивается к структурным отношениям, состояниям и возможностям внутри социума. В широком смысле социальная сфера охватывает все весь социум, все его сферы. В представленной монографии социальная сфера рассматривается в узком смысле.

²⁶⁶ Ковалев, В.Н. Социальная безопасность общества: концепция и технологии системного анализа / Науч. рук.проекта В.Н. Кузнецов. М., 2006. С. 88-100.

Однако из этого утверждения совсем не следует, что проявления безопасности в социальной сфере можно приравнять к обеспечению социальной справедливости, как это делает, например, академик В.Н. Кузнецов²⁶⁸.

Выдвинув в 2008 году идею построения справедливого мира на основе «полной и безоговорочной справедливости, правды и честности», он утверждает буквально следующее: феномен «справедливость» является объединяющим и смысловым в становлении архитектуры фундаментальной теории безопасности XXI века, а справедливые «правила игры» во многом определяют безопасность современного общества.

Это достаточно смелое предположение академика В.Н. Кузнецова нуждается в анализе и дополнительных комментариях.

Во-первых, насколько известно, данное предложение адресовано, в первую очередь, международным институтам и многим национальным государствам, но к России – лишь в последнюю очередь, что не является очевидным, научно выверенным подходом, поскольку практически все специалисты, рассуждающие на социальные темы, обязательно в приоритетном порядке критикуют социальную практику в США, НАТО, ЕС.

Однако в таком случае автору не слишком понятно, почему в этих социумах, где социальная справедливость обеспечивается, видимо, не слишком успешно (если верить анализу В.Н. Кузнецова), все-таки сфера безопасности развивается весьма активно, последовательно, но должно быть наоборот.

Во-вторых, такой подход на практике в принципе отрицает общество массового потребления, кстати сказать, сложившееся и успешно функционирующее во всех так называемых экономически развитых государствах. Поэтому не слишком понятно, почему этим учеными отвергается такая возможность для российского общества. По всей видимости, ученый исходит из позитивной оценки развития социальной сферы в СССР, которая, как известно, была построена на принципе «уровнировки» всех и вся. Но ведь также известно, что при такой социальной системе справедливости в сфере безопасности советского общества как раз и не было. Более того, на практике доминировала безопасность государственной власти, а общественная безопасность и безопасность личности зачастую зависели от государственного произвола (на разных исторических этапах, впрочем, по-разному).

В-третьих, предлагаемые академиком В.Н. Кузнецовым термины справедливости, равенства должны иметь более конкретный и адресный характер. Если экстраполировать его социальные предложения на сферу безопасности, то получится, что и граждане и общественность, и государственная власть должны быть равноправными в этой сфере, но с таким выводом принципиально нельзя согласиться.

Ведь как мы уже указывали выше, государство является социальным институтом, специально создаваемым для обеспечения безопасности и, следовательно, для него сфера безопасности является одной из основных. Для других же социально-политических акторов и граждан данная сфера не является приоритетной, в ней скорее создаются

²⁶⁷ Антошин, В.А., Антошин, А.В., Буртный, К.П., и др. Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург, 2003. С. 67.

²⁶⁸ Кузнецов, В.Н. Безопасность и справедливость как смысл стратегии развития России в XXI веке // Навигут. 2008. № 2. С. 5-69.

оптимальные условия для реализации их многочисленных интересов из других сфер общественной и частной жизни. В таком случае более близкой является позиция профессора В.Ф. Ницевича, полагающего, что каждый из социально-политических акторов (государство) имеют свой объем полномочий в сфере безопасности современного общества. При этом государство является координатором действий других акторов, так как именно оно готовит, принимает и реализует все социально значимые решения²⁶⁹.

Еще одним проявлением сферы безопасности в социальной сфере социума является реальное состояние и ощущение защиты, присущее обеим этим сферам. Ведь в социальной сфере методами социальной политики поддерживается и приумножается социальный капитал (социальный потенциал общества, семьи, личности). И справедливо отмечает профессор В.Н. Ковалев «функцию контроля состояния потенциала, измерения и фиксирования его пороговых значений, указывающую на возникшую угрозу деградации тех или иных групп населения и общества в целом должна осуществлять специально создаваемая государством служба социальной безопасности»²⁷⁰.

Конечно, такое предложение может показаться несколько нереалистичным, и тем не менее очевидно, что в современном обществе, где имеет место низкая производительность труда и затратная экономика, там неизбежны низкие доходы на душу населения и, следовательно, невысокая социальная защита граждан. Таким образом, взаимосвязь социальной сферы и сферы безопасности очевидна, поскольку неэффективность социальной сферы делает десятки миллионов людей фактически незащищенными, особенно это касается биобезопасности.

С другой стороны, не оказывая социальной помощи и поддержки депривированным слоям и группам населения, в первую очередь бедным семьям и молодежи, общество рискует не только сохранить в ближайшей и отдаленной перспективе свою экономическую, технологическую отсталость, но и еще более усугубить. Фактически здесь мы выходим на проблему минимального уровня защищенности, который должен гарантировать жизненный стандарт индивида (семьи) не ниже установленной «черты бедности» и не выше средних уровней оплаты труда в общественном производстве. Очевидно также, что такие пределы должны быть всесторонне научно обоснованы. Кроме того, основные социально-политические акторы (государственная власть, политическая элита) своими активными действиями в социальной сфере могут достаточно эффективно обеспечивать так называемую социальную безопасность²⁷¹.

Однако, размышляя над тем, кто и каким образом может вести учет социальных интересов важно уточнить, что эти интересы в значительной степени зависят от системы агрегирования, артикуляции так называемых национальных интересов, сложившееся в том или ином обществе. Очевидно, что, например, в современной России высшая власть, государственный аппарат пока только постепенно начинают изучать и, самое главное, учатся впоследствии учитывать социальные интересы, запросы, ожидания граждан и основных социальных групп.

²⁶⁹ Ницевич, В.Ф. Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая. Орел, 2000. С. 23-24.

²⁷⁰ Ковалев, В.Н. Социальная безопасность трансформирующегося общества как социологическая проблема / Науч. рук. проекта В.Н. Кузнецов. М., 2006. С. 94.

²⁷¹ Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. С. 223-224.

В качестве примера уместно привести практику подготовки, принятия и реализации так называемого закона «О монетизации льгот» (Федеральный закон 2004 года № 122 ФЗ). Следует признать, что данный закон был подготовлен без учета мнения законодателей и большинства граждан нашей страны, что он был фактически «продавлен» в парламенте и что впоследствии он вызвал волнения граждан и до сих пор подвергается критике со стороны общественности, политиков и журналистов.

Следовательно, подготовленные без учета мнения, интересов граждан, основных социальных групп политические решения автоматически могут привести как к снижению общего уровня безопасности, стабильности в современном обществе, так и к ухудшению социального самочувствия граждан.

Далее кратко рассмотрим специфику проявления безопасности в духовной сфере. По всей видимости, связи этих двух сфер носят достаточно сложный, неоднозначный характер, поскольку сама духовная сфера имеет собственную предметную область, но все же не является инструментальной и удобной для исследования. Духовная сфера абстрактна и неформальна, но в то же время целесообразно отметить ее поистине огромное, хотя чаще и скрытое влияние на общественную жизнь и культуру.

Действительно, как отмечает профессор А.А. Прохожев, «ограниченность духовного мира, недостаток общей культуры ведут к стремлению жить упрощенными чувствами и эмоциями в рамках примитивных интересов без каких-либо попыток преодолеть те обстоятельства, с которыми сталкивается личность»²⁷² и, что в таких условиях невозможно даже какое-либо развитие личности и современного общества.

Если принять за основу логику известного специалиста по безопасности профессора А.А. Прохожева, долгие годы возглавлявшего кафедру национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, то сама по себе возможность развития социального пространства (на основе тех или иных традиций, ценностей, норм, правил и иных составляющих культуры) является одним из важнейших показателей эффективности сферы безопасности.

Так, в 2005 году в своем Послании Федеральному Собранию российский политик В.В. Путин сказал о том, что ресурс стабильности исчерпал себя и необходимо обеспечить ускоренное развитие. При этом он четко обозначил магистральный политический путь решения этой задачи – дальнейшее развитие демократических институтов²⁷³. В этом же Послании В.В. Путин размышлял о ценностных ориентирах, нравственности, был вынужден противоречить сам себе. Так, он сказал о том, что такие ценности, как крепкая дружба, доверие, товарищество, надежность, являются ценностями непреходящими и непреложными. В таком случае необходимо пояснить, что определенное противоречие в такой постановке вопроса наблюдается, но не совсем понятно, способны ли вышеперечисленные ценности обеспечить, в первую очередь, развитие современного общества и затем его безопасность в период, когда это ускоренное развитие, модернизация будут осуществляться.

Обратим внимание на еще один важный момент в вышеуказанном Послании главы государства. Одновременно с традиционными российскими ценностями В.В. Путин призвал власть, общество, бизнес и граждан следовать принятым в так называемом

²⁷² Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. С. 116.

²⁷³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. М., 2005. С. 6-8, 11, 24-27.

цивилизованном обществе нравственным стандартам. Без этого, полагает глава государства, наше общество вряд ли станет уважаемой во всем мире. И здесь становится очевидным еще одно серьезное противоречие, которое заключается в том, что в большинстве так называемых экономически развитых стран преобладают несколько другие ценности (приоритет личного успеха, карьерный рост, либерализм, постановка в политике на первое место интересов граждан, а не государственного аппарата).

Но тогда возникают вопросы: обязательно ли для достижения ускоренного экономического развития должны измениться базовые ценности или современное общество способно обеспечить экономическое развитие на основе традиционных ценностей?

Важность ответов на эти вопросы для сферы безопасности обусловлена последствиями, которые могут потенциально наступить (и уже сегодня реализуются на практике), когда в государственной политике сменяются базовые ценности, пусть даже и на короткий период времени. Например, попытка реализовать в России в 90-е годы прошлого столетия даже отдельные положения либерализма (в первую очередь, в экономике) не привели к их доминированию в духовной сфере, однако оказали очень серьезное влияние на социальную сферу и оказали заметное влияние на сферу безопасности.

В России многими специалистами отмечается, что в духовной сфере общества основными субъектами являются религиозные организации, чего нельзя полностью отрицать, так как роль современных религиозных организаций в духовной сфере достаточно велика.

Однако важно понять, какие ценности предлагают религиозные организации современному обществу (в различных областях человеческой деятельности)? Также важно разобраться в том, можно ли на основании этих ценностей развивать сферу безопасности? Очевидно, что любые религиозные организации предлагают, в первую очередь, консервативные и традиционные (для этой конфессии) ценности. Например, в рамках традиционного для России православия опора делается на коллективизм, соборность и общинность. В исламе вообще запрещено какое-либо деление на нации, и безопасность фактически основана на единстве мусульманского мира.

Даже при первом изучении вопроса понятно, что устоявшийся в законодательстве подход разделения сферы безопасности (на безопасность личности, общества и государства) противоречит позиции двух основных российских конфессий. Развитие же общества, основанного на традиционных ценностях, сложно совместить с модернизацией²⁷⁴.

Размышляя далее, автор пришел к необходимости сделать вывод о возможных негативных последствиях для сферы безопасности неосмотрительно быстрого внедрения в общественное сознание тех или иных, даже традиционных, религиозных (и не только религиозных) норм. Основная проблема заключается в том, что индивидуальное и общественное сознание не способны к резким изменениям, а уж коренные «ломки» ценностей, норм, традиций просто приводят современное общество к своеобразному «ступору» и фрустрации.

²⁷⁴ Багдасарян, В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариативности общественного развития. М., 2008. С. 12-18.

Очевидно, что перенесшие такие преобразования социумы не могут динамично развиваться, поэтому власть вынуждает их к каким-то резким скачкам. В связи с этим можно вспомнить советский период истории, когда в течение буквально нескольких лет в самой большой стране мира базовые ценности сменились чуть ли не на противоположные. Все это свидетельствует о том, что такая ломка общественного сознания, духовной сферы общества вредна для него, а в этих условиях не может быть гарантирована безопасность.

Подводя итоги, обобщим, что сфера безопасности понимается как составная часть общественной жизни, в которой создаются условия для наиболее эффективной реализации, защиты разнообразных интересов граждан, общества и государства. В таком качестве сфера безопасности современного общества органично связана с основными сферами общественной жизни, многочисленными запросами, потребностями различных субъектов (акторов), а также ответными действиями по оптимизации защиты как этих интересов, так и процессов их реализации.

Сфера безопасности современного общества имеет достаточно ярко выраженную специфику, так как носит в большей степени общественно-государственный характер и распространяется на весь социум. Кроме того, данная сфера зависит от сформировавшейся системы агрегирования и артикуляции национальных интересов, имеет политический характер. Специфика сферы безопасности в немалой степени субъективна, поскольку она максимально зависит от действий политической элиты, различных субъектов (акторов) и в максимальной степени связана с другими сферами общественного бытия.

2.2. Основные тенденции развития сферы безопасности

Исследуя феноменологию безопасности современного общества, становится понятно, что эта область в полной мере свойственна всему общественному бытию. И в связи с этим возникает вопрос, как и кто может и должен вмешиваться в сферу безопасности, что стимулирует власть к научно обоснованному поиску вариантов воздействия (регулирования), так как все это требует изучения основных тенденций развития сферы безопасности.

Так, исследователи Л.И. Гончаренко, Е.С. Куценко утверждают, что безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. Они полагают, что в рамках этой единой государственной политики, которую следует проводить на основе устойчивого развития экономики, и можно обеспечить эффективную реализацию национальных интересов²⁷⁵, завершая анализ так называемым имитационным моделированием решения проблем управления безопасностью. Причем, они фактически вначале сводят «управление безопасностью» к системе управления экономической безопасностью, а затем к системе управления, представляющей собой обычную бихевиоральную «двучленку» (угроза и реакция на нее)²⁷⁶.

²⁷⁵ Гончаренко, Л.И., Куценко, Е.С. Управление безопасностью. М., 2005. С.7, 8.

²⁷⁶ Гончаренко, Л.И., Куценко, Е.С. Управление безопасностью. М., 2005. С. 183, 189-195.

Другой исследователь С.В. КОРТУНОВ в своем анализе особое внимание уделяет политике безопасности, однако при этом сразу же формулирует несколько методологических проблем управления безопасностью²⁷⁷.

Так, например, в соответствии с законом Российской Федерации «О безопасности» (ст. 2) основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей. Но при этом в законе также записано, что «граждане, общественные и другие организации, объединения являются субъектами безопасности, обладают правами, обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации»²⁷⁸. Тогда возникает вопрос, как следует понимать реализацию прав, обязанностей в этой области для граждан, их объединений в демократическом государстве?

Размышляя над диалектикой участия межгосударственных объединений, национального государства и так называемой общественности в обеспечении безопасности, С.В. КОРТУНОВ достаточно часто употребляет категорию «управление». В первую очередь, он употребляет его применительно к деятельности государства и отдельно выделяет систему государственного управления национальной безопасностью²⁷⁹.

Аналогичную позицию отстаивает специалист из Совета безопасности Российской Федерации В.П. НАЗАРОВ, который недвусмысленно заявляет, что вопросы обеспечения национальной безопасности должны решаться в рамках государственного управления, а в противном случае принимаемые стратегические решения, например, в экономике, социальной сфере, могут повлечь за собой существенные социально-политические просчеты, вызвать рост протестной активности населения²⁸⁰. Этот исследователь предлагает механизм государственного управления, основанный на принципах стратегического планирования, считать оптимальным в современных условиях.

Несколько иначе проблему воздействия на сферу безопасность видит исследователь М.П. ХРИПКОВ, который предлагает свой механизм государственного и общественного обеспечения национальной безопасности²⁸¹ (компонентами выступают устойчивая рациональная политическая организация общества, эффективная экономическая система, высокие нравственные установки современного общества). По его убеждению, политика безопасности связана с функционированием ряда механизмов, не сводимых к тем или иным ведомствам, учреждениям, а ключевой проблемой для деятельности по обеспечению национальной безопасности является ресурсная проблема (главным ресурсом он считает интеллект, с чем нельзя не согласиться).

Специалисты из Екатеринбурга в механизм обеспечения национальной безопасности включают субъектов, цели, нормы, средства, способы, методы, посредством

²⁷⁷ КОРТУНОВ, С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 85.

²⁷⁸ Закон РФ 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Российская газета. 1992, 6 мая.

²⁷⁹ КОРТУНОВ, С.В. Указ. соч. С. 129.

²⁸⁰ НАЗАРОВ, В.П. Стратегическое планирование развития Российской Федерации с учетом задач обеспечения национальной безопасности – важнейший компонент государственного управления // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М., 2007. С. 17.

²⁸¹ ХРИПКОВ, М.П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия (социологический анализ): автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2004. С. 11.

которых субъекты воздействуют на опасности и угрозы для достижения целей, то есть требуемого состояния безопасности²⁸².

Эти специалисты вполне обоснованно сводят процесс управления безопасностью к механизму обеспечения безопасности, полагая, что управление представляет собой специфический вид деятельности государства, общественно-политических организаций, планомерное, сознательное, целенаправленное воздействие на объект, безопасность в обществе²⁸³.

Рассматривая различные точки зрения, необходимо найти специалистов, которые бы исследовали процесс регулирования, а не только управления процессами, гарантирующими развитие сферы безопасности.

Впервые, пожалуй, принципиально другую (отличную от управленческой) точку зрения высказал исследователь Б.В. Сысоева, который делает вывод о саморегулирующем характере безопасности, так как механизмами общественной саморегуляции являются рынок, государственное регулирование, координация хозяйственной политики²⁸⁴.

Полифония авторских мнений на сущность того, как, каким образом можно воздействовать, управлять и развивать сферу безопасности, или иначе, процессами в сфере безопасности, позволяет сформулировать их суммарную оценку.

Во-первых, часть исследователей приравнивают процесс воздействия на сферу безопасности к определенному виду политики, т.е. политике безопасности.

Во-вторых, ряд экспертов полагают, что воздействие на сферу безопасности равноценно влиянию государства, хотя следует подчеркнуть, что другие специалисты выделяют целый спектр других, негосударственных субъектов (акторов).

В-третьих, некоторые исследователи фактически ставят знак равенства между воздействием и механизмом регулирования на сферу безопасности современного общества. Целесообразно вначале пояснить механизм, внутренне присущий любому воздействию на безопасность, а затем в каждом отдельном компоненте данного механизма выявить и описать присущие ему тенденции. В результате такой интеллектуальной деятельности может появиться достаточно интересное представление об основных тенденциях регулирования сферы безопасности.

На первом этапе потребности различных субъектов и акторов в безопасности после их осознания трансформируются в интересы (осознанные потребности). На втором этапе на основе сформировавшихся интересов различные субъекты, влияющие на безопасность, определяют важные критерии и формулируют цели, которые необходимо достичь. На третьем этапе идет определение норм, средств, способов и методов (если их недостаточно, то вырабатываются новые, а если есть – то происходит их необходимая корректировка), которые будут применяться в процессе реализации поставленных целей. На четвертом этапе осуществляется само практическое воздействие на объект. И на последнем, пятом, этапе осуществляется обратная связь, когда информация о достигнутом результате (то есть, об изменениях в объекте) поступает к субъектам и сравнивается с базовыми интересами.

²⁸² Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича. Екатеринбург, 2003. С. 38-39.

²⁸³ Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича. Екатеринбург, 2003. С. 46.

²⁸⁴ Сысоев, Б.В. Политические проблемы европейской безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1999. С. 12, 14.

В результате авторского анализа удалось выявить ряд тенденций регулирования безопасности на первом этапе (этап формирования потребностей и интересов в безопасности).

Первая выделяемая нами тенденция формирования потребности в безопасности связана с осознанием того факта, что потребности движут человеком, а он формирует и регулирует их содержание в обществе (хотя есть мнение о невозможности формировать потребности). Так, согласно теории («Иерархическая теория потребностей») психолога А. Маслоу, социальные, престижные и духовные потребности сильнее дифференцируют людей и их поведение. С другой стороны, чем выше уровень иерархии потребностей, тем значительнее вклад самого человека в формировании потребностей, и значит, эти потребности контролируемы и регулируются со стороны тех или иных акторов²⁸⁵. Потребности низшего уровня (физиологические и защитные) присущи и животному, и человеку. Первобытный человек в процессе совместного взаимодействия с себе подобными людьми культивировал потребности более высокого уровня (социальные, престижные, духовные)²⁸⁶. Потребности высокого уровня (общественные) востребовали более совершенный уровень безопасности, который можно было сформировать только в обществе. Следовательно, можно выделить первую закономерность: безопасность человека зависит от общественных потребностей в безопасности, которые формируются только в современном обществе, что проявляется в самовопроизводстве потребности в более эффективной безопасности.

Так, например, современная российская молодежь, имеющая более высокий уровень образования, чаще разочаровывается в труде в случае если ей предоставляют однообразную и бессмысленную работу. Ведь чем выше образование, тем выше притязания, и как следствие – более затяжной период выбора профессии по своему характеру, складу ума, запросам. Все чаще молодые люди связывают с выбором профессии выбор фундаментальных ценностей, ищут в ней ответ на главные вопросы жизни²⁸⁷. То есть, рост притязаний и уровня жизни в социуме автоматически требует более тонких механизмов регулирования и большего количества ресурсов (в том числе интеллектуальных) на обеспечение гарантированной безопасности.

Кроме того, подавление потребностей любого уровня деформирует личность и поведение, а человек с подавленными потребностями в безопасности, статусе, самореализации несколько неполноценен (его неполноценность выражается в апатии, стремлении избегать ответственности). Неполноценным индивид зачастую вырастает в силу социальных условий, например, жизни в авторитарном обществе, пребывании в тюрьме или психбольнице, а не по причине дефектов в психике или организме²⁸⁸. Следовательно, подавление или неполная реализация потребности в безопасности объективно деформируют личность и общество.

На базе потребностей формируются интересы, а неудовлетворенные интересы при этом являются основным сигналом для активной деятельности политической и государственной власти и общества в целом. Так, многими исследователями отмечается, что блокирование национальных интересов, их игнорирование со стороны властных

²⁸⁵ Кравченко, А.И. Социология. Екатеринбург, 1999. С. 68-69.

²⁸⁶ См.: там же.

²⁸⁷ Бондаренко, Е., Сикорский, В., Кодзасова, И. 6 100 000 россиян ищут работу // Аргументы и факты. № 11. 2009. С. 14.

²⁸⁸ Кравченко, А.И. Указ.соч. С. 69.

структур или доминирующего этноса, социальной группы ведут к возникновению противоречий, кризисных ситуаций и конфликтов. Следовательно, потребность в политической суверенности, полновласти в решении вопросов исторического развития диктует именно национальный интерес. Он является, как отмечают специалисты из Санкт-Петербурга, первичной «клеточкой», «атомарным» субстратом социального и межнационального противоречия²⁸⁹. Подавление или неполная реализация интереса (безопасного существования) объективно приводит к межличностным и социальным конфликтам.

Кроме того, многие специалисты считают, что базовыми, определяющими все другие интересы являются экономические. И поскольку я с этим в принципе согласна, то думаю, что применительно к безопасности эта тенденция может звучать следующим образом – в основе интереса в безопасности находится экономический интерес.

Изучение профильной литературы позволило также понять, что социальные интересы влияют на функционирование организаций, учреждений и могут входить в противоречие с корпоративными интересами²⁹⁰. Для недопущения обострения этого противоречия и перерастания его во внутриорганизационный конфликт требуется разработка, реализация специальных программ регулирования по формированию защитных механизмов согласования социальных, общеорганизационных, групповых и индивидуальных интересов. Таким образом, интерес в безопасности требует разработки и реализации специальных программ на любом уровне (международном, региональном, национальном, социальном, групповом, корпоративном, межличностном).

На втором этапе механизма влияния на безопасность определенные потребности и интересы объективно вызывают необходимость у соответствующих субъектов формировать ответные, важные критерии для осуществления эффективного целеполагания по воздействию на сферу безопасности.

Так, специалисты полагают, что чем объективнее будут исследованы потребности, интересы гражданина, социальных групп, общества, тем субъект (актор) регулирования в целеполагании достовернее опишет конечную ситуацию, к достижению которой должна стремиться саморегулирующаяся функционирующая система²⁹¹. То есть, разработка плана-образа желаемого состояния с набором параметров, фактов и формулировка группы целей будет отвечать потребностям и интересам²⁹². Применительно к безопасности, очевидна тенденция объективной зависимости эффективного целеполагания безопасности от уровня и качества осмысления национальных интересов.

Формирование эффективного прогноза зависит от способности субъекта регулирования определять характер и направленность предполагаемых действий самоорганизующих социальных структур. Так, не может совершенствоваться безопасность без комплексного мониторинга ее состояния, динамики, без создания алгоритмизированной информационно-аналитической системы развития сферы

²⁸⁹ Анцупов, А.В., Шипилов, А.И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 128.

²⁹⁰ Анцупов, А.В., Шипилов, А.И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 128.

²⁹¹ Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 10.

²⁹² Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 10.

безопасности²⁹³. Важным компонентом этой технологии является анализ традиции народа как объекта регулирования, его состояния, анализ состояния, целей и перспектив конкурентных объектов, анализ состояния связанных (смежных) объектов, анализ ресурсных потенциалов и так далее. Причем, для поиска целей, прогнозирования и государственного регулирования с начала 90-х годов (именно тогда, когда в российском обществе отказались от планирования и прогноза) в наиболее развитых странах начали использоваться самые современные интеллектуальные технологии экспертного типа²⁹⁴ (форсайт-технологии). Для разработки целей, выделения приоритетов стали разрабатываться требования к процедуре и были приняты соответствующие организационно-регулирующие решения²⁹⁵.

Также уточню, что программно-целевое регулирование безопасности (известно, что федеральные и ведомственные целевые программы в настоящее время являются основными инструментами государственной политики) объективно предполагает комплексный учет мировоззренческой, научной и экспертно-аналитической составляющей деятельности по воздействию на сферу безопасности. Например, успехи современного Китая во многом связаны с тем, что там даже адаптация экономики к мировому рынку происходит на основе пятилетних планов. В этой связи формула «адаптация национальной экономики к мировому рынку» выглядит более целесообразным приоритетом реорганизации российской экономики, поскольку ориентация только на рынок, как показывает практика многих стран, обычно разрушает национальные экономики. То есть, как и в экономике, в сфере безопасности необходимо действовать комплексно, сохраняя национальные традиции и те «изюминки», которые способны отличить и создать конкурентные преимущества для сферы безопасности.

Сформулирую тенденцию на третьем этапе воздействия на безопасность – регулирующее влияние на сферу безопасности тогда высокоэффективно, когда оно воплощает в себе продуманно подобранные нормы, средства, способы и методы, которые будут применяться в процессе реализации поставленных целей.

Во-первых, регулирующие действия субъектов обеспечения безопасности, в первую очередь, должны базироваться на правовых актах государства²⁹⁶. Нормы права являются особой разновидностью социальных норм (наряду с нормами морали, нормами каких-то отдельных, не государственных, социальных общностей) и поэтому в полной мере на практике регулируют безопасность. От других норм их отличают всеобщий характер, своего рода обезличенность, распространение на всех участников общественных отношений, независимо от их воли и желания.

²⁹³ Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 10.

²⁹⁴ Шелюбская, Н.В. Предвидение («Форсайт») как новый механизм определения приоритетов государственной научно-технической политики // Промышленное развитие России: ключевые проблемы и решения: тезисы Всерос. конф. М., 2004. С. 118-128.

²⁹⁵ Обычно эта процедура осуществляется с использованием экспертов, выделяющих приоритеты и формирующих краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели и целевые показатели в координации с первыми лицами, принимающими решения. См.: Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 12.

²⁹⁶ Норма права – установленное государством общее правило поведения, регулирующее общественные отношения и охраняемое принудительной силой государства. Формой существования норма права являются нормативно-правовые акты и иные источники права. См. подробнее: Анцупов А.В., Шипилов А.И. Указ.соч. С. 274.

Кроме того, необходимо уточнить и выделить другую группу норм, которые изложены в нормативных документах, уставах организаций и объединений, внутриведомственных инструкциях, приказах и постановлениях силовых структур. С известной долей условности в них устанавливаются нормы и разграничиваются функции, полномочия различных субъектов в защите личности, общества, государства от всевозможных опасностей, угроз. При этом крайне важно согласование их действий, которое выполняют судебные органы власти²⁹⁷ (Конституционный Суд, Верховный Суд и др.). Кроме того, нельзя не учитывать, что на безопасность оказывают немалое влияние так называемые неписаные нормы, выраженные в традициях, обычаях, менталитете граждан.

Во-вторых, модернизация средств, применяемых для регулирования общественных отношений, прямо влияет на состояние общества и безопасность в нем²⁹⁸. Основными средствами обеспечения национальной безопасности, как известно, являются: Совет Безопасности; Вооруженные силы, Федеральные органы безопасности, органы внутренних дел, внешней разведки, правительственной связи и информации, налоговой службы; службы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, формирования гражданской обороны; пограничные и внутренние войска; органы, обеспечивающие безопасное ведение работ в промышленности, на транспорте; службы обеспечения безопасности средств связи, информации, таможни, природоохранные органы, органы охраны здоровья населения.

Их изменение автоматически приводит к изменениям сферы безопасности. Так, например, серьезные модернизационные процессы, (особенно значительное численное сокращение войск, начатое в 2008 году) инициированные в Вооруженных силах Российской Федерации, крайне болезненно влияют на состояние общества и требуют адекватной оптимизации для совершенствования безопасности²⁹⁹.

В-третьих, отметим, что чем эффективнее используются невоенные способы обеспечения безопасности в обществе, тем менее вероятным является использование военной силы в урегулировании конфликтных ситуаций.

Действительно, современная концепция международной безопасности ориентирует мировое сообщество, региональные и национальные субъекты политики на приоритетное использование всего арсенала политических, невоенных средств и методов защиты от опасностей, угроз (при этом всю совокупность способов обеспечения национальной безопасности принято делить на две большие группы: невоенные и военные)³⁰⁰.

Следовательно, максимальное развитие невоенных способов регулирования безопасности обеспечит сохранение жизней граждан и материальных ценностей общества и в целом – способно ускорить развитие общества.

²⁹⁷Ницевич, В.Ф. Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая. Орел, 2000. С. 56.

²⁹⁸Так, под средствами обеспечения национальной безопасности понимаются органы и институты государства и общества, которые непосредственно используются для предотвращения, нейтрализации и устранения опасностей и угроз, а также ликвидации их последствий. См.: там же. С. 57.

²⁹⁹Мельков, С.А. Военная реформа и общество//QRL.RU:сервер АВП.2008.URL. <http://www.milpol.ru> (дата обращения 15.11.2009).

³⁰⁰Невоенные способы различаются на политико-дипломатические и социально-экономические. Так, китайский философ Сунь Цзы неоднократно подчеркивал, что хорошее сражение – это не состоявшееся сражение. См. подробнее: там же.

В-четвертых, выбор метода регулирования безопасности находится с ожидаемым результатом в тесной взаимозависимости. Так, например, метод «баланса интересов» предполагает такую деятельность государства по реализации национальных интересов, которая не ущемляла бы реализацию национальных интересов других социумов. Другими словами, «баланс интересов» требует согласования деятельности многих субъектов безопасности по реализации национальных интересов, достижения компромисса. Этот метод был объявлен основным после распада СССР в системе международной и национальной безопасности. Однако в реальной практике он оказался недостаточно эффективным в силу практической трудности его выполнения. Проблема сводится к тому, что деятельность по реализации национальных интересов одних зачастую оказывается в противоречии с такой же деятельностью других. Тем более что, например, в США национальные интересы определяются как «такие интересы, по которым страна ни в коем случае не пойдет на компромисс, а при необходимости готова будет ради их обеспечения вступить в войну»³⁰¹.

Малая практическая эффективность использования данного метода в обеспечении национальной безопасности потребовала выработки других методов, в частности, метода «общих интересов». Метод «общих интересов» предполагает совместную деятельность многих субъектов безопасности по реализации общих интересов (комплексная безопасность).

Изначально такими общими интересами были глобальные экологические проблемы, нераспространение ядерного и другого оружия массового уничтожения, освоение космического пространства, ликвидация последствий природных катаклизмов. А сегодня в орбиту общих интересов все больше вовлекаются проблемы экономического, социального, военного, демографического и политического характера.

На четвертом этапе обеспечения безопасности осуществляется само практическое воздействие на объект, то есть на сферу безопасности. На этом этапе можно сформулировать следующую тенденцию: эффективность регулирования безопасности тогда возрастает, когда соответственно растет ресурсная база, использование Интернета и институциональный характер этой деятельности.

Так, активность в этой сфере объективно зависит от имеющихся ресурсов, то есть эта сфера должна быть ресурсообеспеченной. Как отмечает исследователь С.В. Картунов, не так просто ответить на вопрос: за счет чего осуществляется деятельность в сфере безопасности?

И, отвечая на него, поясняет, что деятельность по обеспечению безопасности осуществляется «за счет особого круга других систем деятельности, создающих для сферы безопасности возможности «захвата» и употребления практических любых ресурсов»³⁰².

Лучше согласиться с С.В. Картуновым, поскольку сама для себя безопасность не продуцирует новые ресурсы, а только создает состояние безопасности, которое является ресурсом для других сфер жизнедеятельности. То есть, фактически было бы весьма продуктивно, если бы на уровне государства были предусмотрены и артикулированы те

³⁰¹ Косолапов, Н.В. Национальная безопасность в меняющемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 2. С. 6.

³⁰² Картунов, С.В. Указ.соч. С. 99.

ресурсы, которые в каждой из других сфер при необходимости могут быть активно использованы и в сфере безопасности.

В связи с трансформацией современных общественных отношений, эти отношения всё в большей степени приобретают сетевой характер, а сама социальная активность в значительной мере перемещается в информационное пространство³⁰³. Здесь важно подчеркнуть, что деструктивные действия в обществе весьма в значительной мере исходят от молодежи (которая все чаще общается через Интернет), а в сети Интернет, как отмечает исследователь О.Н. Забузов, все чаще формируется социальный протестный потенциал³⁰⁴. Поэтому смело можно утверждать, что использование Интернета в регулировании безопасности должно не отставать от его использования современным обществом.

Институциональный характер современной деятельности в немалой степени определяется демократической характеристикой общественного устройства.

Так, исследователь С.З. Павленко в своей работе убедительно доказывает, что развивать систему влияния на безопасность можно на основе системы политических и социально-политических институтов, предназначенных для выявления признаков, свидетельствующих либо о новых возможностях (новых идеях, стратегиях и путях развития), либо об опасностях, угрозах для интересов государства³⁰⁵.

Входящие в эту систему государственные и общественные органы, информационно-аналитические службы, группы экспертов оценивают концепции, программы, стратегии, политические меры и мероприятия с точки зрения возможного политического ущерба государству и максимального его снижения.

Следовательно, эффективность регулирования безопасности находится в прямой зависимости от институционального характера этой деятельности.

Думаю, что на пятом этапе осуществления обратной связи от объекта к субъекту (когда информация о полученном результате поступает к субъектам и сравнивается с базовыми интересами) в полном объеме проявляется следующая тенденция: степень объективности информации о безопасности напрямую зависит от количества, качества и способа «доставки» источников этой информации к субъекту.

Во-первых, очевидно, что степень объективности информации о безопасности напрямую зависит от количества источников этой информации. Так, по мнению исследователя М.М. Молодцова, опыт СССР обратной связи высшему руководству государства о состоянии советского общества в полной мере свидетельствует о многих неиспользованных (упущенных) в то время возможностях. В своей книге он пишет о том, что в условиях господства тотальной государственной безопасности Политбюро ЦК КПСС вынуждено было создавать альтернативную систему сбора информации (внутри КГБ СССР была создана закрытая от влияния госаппарата аналитическая структура). Причина этого была достаточно банальной: до верха с мест доходила многократно измененная информация, которую никак нельзя было использовать для подготовки и принятия выверенных решений³⁰⁶.

³⁰³ Забузов, О.Н. Интернет как средство реализации военно-информационной политики российского государства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 19.

³⁰⁴ Забузов, О.Н. Там же.

³⁰⁵ Павленко, С.З. Безопасность российского государства как политическая проблема: автореф. ... дис. докт. полит. наук. М., 1998. С. 18.

³⁰⁶ Молодцов, М.М. Проектно-аналитическое обеспечение принятия и реализации государственно-управленческого решения в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 55-56.

Во-вторых, существует прямая зависимость качества информации о состоянии безопасности от вовлеченности в сферу безопасности общественности и средств массовой информации. Фактически, объем и точность информации могут быть получены только при наличии множества заинтересованных в ее получении лиц, органов, институтов. Автор согласен с исследователем С.В. Картуновым, который «общественное мнение» относит к одному из эффективных институтов сферы безопасности³⁰⁷.

В-третьих, выбираемые способы «доставки» высшему руководству о состоянии безопасности зависят от политической системы, демократического характера государственного устройства. Очевидно, что такими способами являются прямые выборы Президента РФ, депутатов Федерального Собрания РФ и местных органов представительной власти; обеспечение участия граждан в существующих институциональных органах, выражающих общественное мнение (политических партиях, профессиональных союзах); референдумы, правозащитная деятельность, то есть, чем в большей степени в реальной политической системе укоренены демократические традиции и процедуры, тем больше вероятности, что из системы безопасности будут поступать сигналы с объективной информацией.

В профильных источниках проявился еще один подход к пониманию регулирующих воздействий на безопасность, который напрямую связывает безопасность с силой и слабостью регулирования, поэтому в последнее время исследователи все больше внимания уделяют так называемым «мягким» стратегиям обеспечения безопасности, в результате которых может быть сформирована так называемая мягкая безопасность (термин американского философа Дж.С. Наю). Например, по мнению ряда специалистов в области безопасности политика односторонних действий и опора на одностороннее военное превосходство – это анахронизм³⁰⁸. Естественно, что жесткая безопасность является следствием достаточно жестких (с опорой на военную силу, в первую очередь) мер в политике.

В дискуссионном плане важно подчеркнуть, что вариант «жесткой» безопасности, скорее всего, является результатом эффективного государственного управления социумом (вызванного стремлением государственной власти управлять всем обществом) и безопасности – в частности, а «мягкая» безопасность – это следствие более точечных действий, в первую очередь, регулирующего характера.

Действительно, как отмечает в своей работе исследователь С.З. Павленко, безопасность государства всегда является политической проблемой и выделяет несколько тенденций «мягких» стратегий в ее обеспечении в России³⁰⁹. Это такие тенденции, по мнению С.З. Павленко, как:

1. Россия как государство необходима всем³¹⁰.

³⁰⁷ Картунов, С.В. Указ.соч. С. 159-160.

³⁰⁸ Так называемая «мягкая мощь» включает в себя культуру, политическую идеологию и внешнюю политику. См.: «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю // Международные процессы. 2005. № 1. С. 117.

³⁰⁹ Павленко, С.З. Безопасность Российского государства как политическая проблема: автореф. ... дис. докт. полит. наук. М., 1998. С. 14.

³¹⁰ Россия – это мирное, справедливое, сильное государство, его процветание и развитие выгодны другим государствам. Никто не заинтересован в его развале и разрушении. Это должно подкрепляться вкладом в мировую культуру, экономику, безопасность. См.: Павленко, С.З. Безопасность Российского государства как политическая проблема: автореф. ... дис. докт. полит. наук. М., 1998. С. 14.

2. России необходимо интеллектуальное лидерство на ключевых направлениях мирового культурного, экономического и социального развития.
3. Безопасность регионов России является безопасностью государства в целом.
4. России нужна инициатива в сфере нововведений в области культуры, искусства, науки и техники, а также поступательность и эволюционность развития всех социально-политических процессов и систем в государстве.
5. В России нужно сохранить жизненно важные процессы и способность государства к развитию в условиях вызовов, изменений и угроз.
6. В России все заинтересованы в безопасности государства (работа по обеспечению безопасности государства – почетная работа в обществе).
7. Нужна чуткая система стимулирования всего, что способствует выживанию, развитию и процветанию, превращению угроз и опасностей в стимулы совершенствования.
8. Следует развивать системы накопления знаний о целостном окружающем мире и системы опережающего отражения (точные прогнозы, выработка стратегий) и своевременное доведение их до граждан.

В этом случае, кратко представив стратегию «мягкой» безопасности, сформулированную С.З. Павленко, важно подчеркнуть большую перспективность применения мер регулирования для достижения необходимого результата, а именно, состояния безопасности и стабильности в обществе. Именно такие меры жизненно необходимы современному демократическому обществу, да и они намного дешевле в прямом (имеем в виду расходы из бюджета на войну) и в переносном смысле (поскольку не приводят к человеческим жертвам и материальным потерям и разрушениям). Для еще большей наглядности предложенного вывода ниже выделю тенденции так называемых «жестких» стратегий обеспечения безопасности (по версии С.З. Павленко³¹¹):

1. Россия – это государство, ввязывание в конфликт с которым – дело весьма рискованное (об этом свидетельствует вся его история).
2. Россия стремится к надежному сокрытию своих стратегических целей, намерений, интересов.
3. Россия постоянно расширяет зоны своего геополитического влияния.
4. Россия оперативно реагирует на любые посягательства на жизненно важные интересы государства, общества, человека.
5. В России усилия государства концентрируются на нескольких проблемах, если этого требуют интересы безопасности.
6. В России поддерживается готовность и качественный уровень отражения любых угроз и опасностей, а также твердость, решительность в отстаивании ценностей, целей и интересов государства.
7. В России осуществляется централизованное и планомерное формирование способности государства к изменениям и самообновлению.
8. В России осуществляется целенаправленное развитие главного потенциала государства (люди, их здоровье, дух, уровень образования, обучаемость и восприятие нового, солидарность с общими ценностями).

Такое восприятие проблемы ни в коем случае не критикует «жесткую» стратегию за что-нибудь, например, за возможную низкую эффективность в современных условиях,

³¹¹ См.: Павленко, С.З. Указ.соч. С. 16-18.

высокую стоимость реализации принятых политических решений. В данном случае необходимо было проиллюстрировать, как в случае субъективного выбора в обществе различной стратегии обеспечения безопасности объективно начинают действовать совершенно другие закономерности и тенденции. Об этом в своей статье достаточно убедительно написал исследователь Н.А. Ломакин, который считает, что даже на основе анализа федерального бюджета (его статей, выделяемых на безопасность) можно понять, какая стратегия действий власти в отношении социума и безопасности в нем выбрана³¹².

В качестве выводов поясню, что в результате рассуждений удалось вычленить ряд тенденций, характерных для регулирования безопасности, а методологией формулирования этих тенденций стала опора на этапы процесса обеспечения национальной безопасности. Потребность в безопасности может формироваться в современном обществе и что подавление или неполная реализация потребности в безопасности объективно деформируют личность и социум. Однако рост притязаний и уровня жизни автоматически требует более тонких механизмов регулирования и большего количества ресурсов на обеспечение гарантированной безопасности. Подавление или неполная реализация интереса безопасности объективно приводит к межличностным и социальным конфликтам, а в основе интереса в безопасности лежит экономический интерес. Кроме того, интерес в безопасности требует разработки и реализации специальных программ на любом уровне.

Очевидно, что существует объективная зависимость эффективного целеполагания безопасности от национальных интересов, что безопасность не может развиваться без комплексного мониторинга состояния, динамики этой сферы и без создания алгоритмизированной информационно-аналитической системы программно-целевое регулирование безопасности. Регулирующие действия субъектов обеспечения национальной безопасности должны базироваться на правовых актах государства, а модернизация средств, применяемых для регулирования общественных отношений, прямо влияет на состояние общества и сферу безопасности.

Эффективность регулирования сферы безопасности находится в прямой зависимости от институционального характера этой деятельности, а степень объективности информации из сферы безопасности напрямую зависит от количества источников этой информации. Кроме того, существует прямая зависимость качества информации о состоянии безопасности от вовлеченности в безопасность общественности и СМИ, а выбираемые способы «доставки» высшему руководству информации о состоянии безопасности зависят от политической системы, демократических преобразований и активности гражданского общества. Реализация направлений движения многомерного социального пространства, развитие современного общества позволит не только повлиять на эффективность, но и с высоким качеством регулировать общественные процессы, в том числе и в сфере безопасности.

³¹² Ломакин, Н.А. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральной и региональных элит (на примере северо-западных областей России) // Международные процессы. 2003. № 2. С. 112.

ГЛАВА 3. ФЕНОМЕН БЕЗОПАСНОСТИ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ

Специфика сферы безопасности иллюстрирует, что безопасность входит в число базовых потребностей человека, интересов общества. Именно в этой сфере формируется одна из фундаментальных человеческих потребностей, и поэтому вполне естественным является положение, при котором государство, другие социально-политические субъекты (акторы) стремятся управлять происходящими в ней процессами, контролировать их. При этом государство объективно вынуждено вмешиваться в сферу безопасности, что в монографии оценивается в целом положительно, но мера вмешательства государства в сферу безопасности может быть совершенно различной. Представляется не слишком разумным как ее полное огосударствление, так и ее «анархизация», при которой государство перестанет контролировать эту сферу или активно действовать в ней (что на практике, конечно, представляется маловероятным). Если полное огосударствление сферы безопасности как бы «выключает» из нее всех негосударственных акторов, то уход из нее государства со всей очевидностью приведет к анархии и может закончиться распадом государства как социально-политической, так и территориальной целостности.

Оптимальная модель государственного регулирования сферы безопасности сегодня объективно требует формулирования новых, зачастую нестандартных подходов. При этом должны быть учтены устоявшиеся в зарубежной и отечественной науке подходы вмешательства государства, других социально-политических субъектов (акторов) в сферу безопасности. Кроме того, в дальнейшей теоретической проработке нуждаются такие достаточно современные направления, как интеллектуализация процесса регулирования сферы безопасности, его инновационность, расширение спектра субъектов воздействия на сферу безопасности и биобезопасности как особенно опасной разновидности биотерроризма.

3.1. Интеллектуальный ресурс как фактор регулирования сферы безопасности. Биобезопасность и биотерроризм

Как отмечается многими учеными мировой опыт экономически развитых стран убедительно свидетельствует о том, что современное общество может обеспечить независимость, устойчивый рост, а также стабильность, безопасность только посредством высокого уровня развития науки, культуры и промышленности, то есть развитой высокоинтеллектуальной индустрии³¹³.

Например, современные российские политики ориентируют отечественную элиту на приоритетность интеллектуального развития всех сфер общественной жизни, самой власти, без которого немислимы безопасность и стабильность. Не менее важным для развития современного общества и его сферы безопасности является использование интеллектуального капитала для эффективного функционирования системы государственного регулирования. Например, исследователь Р.М. Юсупов, при исследовании взаимодействия науки, безопасности сосредотачивается на анализе

³¹³ Филин, С.А. Механизм реализации инновационной политики. М., 2005. С. 4.

нескольких аспектов: безопасности самой науки, опасности, угрозы которые исходят от науки для безопасности и стабильности в социуме, а также – на вкладе науки, как он пишет, в «обеспечение национальной безопасности»³¹⁴.

Эти аспекты выделены Р.М. Юсуповым применительно к диалектике науки и сфере безопасности. Исследовательская задача представляется очень сложной, поскольку интеллектуальный ресурс связан явно не только с развитием и функционированием современной науки.

В таком случае, необходимо сформулировать несколько вопросов, без ответа на которые весьма сложно выявить перспективы развития сферы безопасности и системы регулирования. Например, в чем заключается сущность интеллектуального развития? Может ли интеллект служить индикатором общественного развития и, следовательно, стать фактором национальной безопасности? И, наконец, есть ли смысл в таком термине, как «интеллектуальная безопасность»?

Изучая литературу по проблеме интеллекта, интеллектуального развития, приходишь к выводу, что чаще всего все эти термины использовались в психологическом либо в технологическом аспектах. При этом психологи, как правило, изучали психологические и другие аспекты творчества (как функцию и результат мышления), а технические специалисты исследовали проявления интеллекта при конструировании и использовании различных технических систем. Так, мышление в качестве интеллектуальной системы понимается как умение анализировать проблемы, устанавливая системные связи, выявлять противоречия, находить для них решения на уровне идеальных, прогнозировать варианты развития таких решений³¹⁵.

В словаре С.И. Ожегова интеллект определяется также как мыслительная способность, умственное начало у человека, определяющее его деятельность³¹⁶. Представитель технического направления А.Г. Кругликов полагает, что интеллектуальные, а сегодня инновационные процессы – это процессы приобретения, накопления, распространения знаний, воплощаемых в созданных человеком (искусственных) средствах и способах его деятельности, органично связанных с возникновением, развитием, распространением научно-технических новшеств³¹⁷.

Исследователь А.А. Гордиенко считает, что наука и образование в современных социумах все больше ориентируются на потребности материального производства (при этом техника выступает фактором, детерминирующим процесс постоянного продуцирования научного знания и его трансляции в систему образования). Следовательно, отношения «наука – техника» играют ведущую (системообразующую) роль в развитии связей между производством, наукой и образованием³¹⁸.

В современных социальных исследованиях взаимосвязь интеллекта и общества рассмотрена пока явно недостаточно. При этом иногда творчество как разновидность интеллектуальных задач приравнивают к процессу поиска и реализации сложных, запутанных проблем³¹⁹ (к которым можно отнести любые социально-политические

³¹⁴ Юсупов, Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб., 2006. С. 155-231.

³¹⁵ Меерович, М.И., Шрагина, Л.И. Технология творческого мышления. Мн., 2003. С. 15.

³¹⁶ Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М., 2004. С. 322.

³¹⁷ Кругликов, А.Г. Системный анализ научно-технических нововведений. М., 1991. С. 6.

³¹⁸ Гордиенко, А.А. Человек и наука в региональной общности. Новосибирск, 1992. С. 19.

³¹⁹ Кузнецов, О.Л., Кузнецов, П.Г., Большаков, Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие. М., 2000. С. 7.

проблемы). В рамках такого подхода сложно применить интеллект при решении практических задач социального развития, возникающих постоянно. Причина заключается в том, что пока не ясно, как это сделать практически в условиях реальной экономики или уже сложившейся системы национальной безопасности³²⁰.

И, действительно, уже сегодня корректируются цели, содержание, формы образовательной деятельности, а традиционные воспитательные и просветительные функции берут на себя СМИ. Этот социум зачастую называют «информационным» или «обществом знания». С такой трактовкой можно было бы согласиться и, тем не менее необходимо подчеркнуть, что между обществом знания и информационным обществом существуют различия. Все же следует признать, что информационное общество – это скорее совокупность путей, способов, средств массовой информации, а не самих знаний, это общество новых возможностей приобрести эти знания, а не наличие знаний у человека. Пожалуй, общество знания – это все же более всеобъемлющее понятие, включающее и информационные качества, и сами знания.

Исследуя безопасность как особое, специфическое явление, важно адекватно отреагировать на работу исследователя Т.А. Стюарта, который изучает феномен интеллекта исключительно в социально-гуманитарном аспекте. Он предлагает и обосновывает идею о том, что знания в настоящее время являются основным производственным фактором³²¹. Фактически, отмечает ученый, во многих странах мира уже сформировалась экономика знаний, а это означает, что при производстве любого товара, продукта постоянно возрастает его науко-, информационно- и интеллектуальная ёмкость. Видимо, признание постоянного роста интеллектуальной емкости сферы безопасности необходимо для понимания современной сущности этого явления³²².

Развивая такое понимание проблемы Т.А. Стюарта, можно прийти к выводу о том, что идеи в современном обществе не обязательно должны быть высоконаучными, сверхсложными или высокотехнологичными.

Формализованное, фиксированное и активно используемое знание – это изобретения, которое можно запатентовать, или подборка статистических данных. Например, директор Института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса Б. Леонтьев оценивает интеллектуальную собственность как сбалансированную систему знаний³²³. Следовательно, содержание интеллектуального капитала составляют не сиюминутные сведения, а способность в любой момент получить необходимую информацию³²⁴.

Остановимся еще на одном сюжете, который связан с осмыслением причин, побудивших Японию, США во второй половине XX столетия сделать научно-техническое

³²⁰ Кортунов, С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М., 2007. С. 8.

³²¹ Автор книги объясняет: как идеи, знания, информация становятся стратегическим товаром и основой новых рынков и превращаются в интеллектуальный капитал (приносящий реальные прибыли) и предлагает методики правильной оценки его стоимости и эффективности. См., подробнее: Стюарт, Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М., 2007. С. 91-238.

³²² Демченко, С.В. Насколько инновационноёмка сфера безопасности России? // Власть. 2008. № 10. С. 21-25.

³²³ Леонтьев, Б.В. Форма, содержание и назначение интеллектуальной собственности как сбалансированной системы знаний // Интеллектуальная собственность. 2007. № 12. С. 96-97.

³²⁴ Результаты интеллектуальной деятельности включают в себя произведения науки, литературы и различных видов искусства, программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, технические решения в виде изобретений или полезных моделей, художественно-конструкторские решения в виде промышленных образцов, а также секреты производства (ноу-хау). См. Соловьева, Г.В. Государство и интеллектуальная собственность // там же. С. 32.

(а не экономическое, минерально-сырьевое или энергетическое) лидерство гарантией процветания. Как пишет в своей книге американец японского происхождения Ш. Тацуно, в условиях резко ограниченных природных ресурсов и малой территории Япония была вынуждена выработать стратегию интеллектуализации всего японского хозяйства³²⁵ (создав затем 19 технополисов³²⁶ и связав их единой информационной сетью). Но ведь в США в тот период таких (например, территориальных) проблем не было и, тем не менее в Силикон-Вэлли было сосредоточено значительное количество исследовательских центров, предприятий, консультативных фирм и венчурных компаний, сыгравших выдающуюся роль в развитии электронно-компьютерной отрасли США. Своим путем пошли в Китае, создав специальные экономические зоны (СЭЗ), где фактически с момента создания и до настоящего времени сосредоточено более 60% финансового капитала и созданы максимально комфортные условия для капитала интеллектуального³²⁷.

Современной России от СССР осталось «своеобразно структурированное интеллектуальное наследие». В качестве дополнительных комментариев следует подчеркнуть, что это наследие динамично изменяется и не слишком эффективно используется в настоящее время. Кроме того, следует конструктивно-критически и адекватно оценить состояние и качество интеллектуального наследия СССР (которое используется не только Россией, но и рядом других государств и не только на постсоветском пространстве).

Так, известно, что в свое время большевики стремились «разрушить все до основания, а затем построить новый мир», но быстро убедились в том, что без человеческого интеллектуального ресурса, накопленного предшествующими поколениями, серьезных позитивных преобразований в экономике, политике, социальной сфере не добиться. Тогда и появилась практика привлечения высокоинтеллектуальных «специалистов прежней формации» в основных сферах жизнедеятельности. Даже на фронтах гражданской войны использовались так называемые военспецы³²⁸.

В дальнейшем привлекались банкиры, преподаватели, инженеры, деятели науки и искусства, но весьма дозировано (считалось, что в СССР должны быть подготовлены свои кадры специалистов, не только ни в чем не уступающие прежним, либо зарубежным, но и качественно их превосходящие). Человеческий ресурс в советский период, конечно, периодически обновлялся, зачастую пополняясь идеологически ангажированными кадрами.

Как отмечает исследователь В.Н. Цыгичко, «способные, преданные делу, принципиальные работники, как правило, не поднимались по служебной лестнице до высоких должностей, поскольку не вписывались в эту систему». Быстро шли вверх «беспринципные карьеристы, большинство из которых были профессиональными посредственностями или дилетантами»³²⁹.

Однако руководство СССР убедилось, что в сфере безопасности жизненно необходимо использовать интеллектуальный ресурс «прежнего» общества, но востребованность интеллектуального потенциала особенно остро ощущалась в сложных

³²⁵ Тацуно, Ш. Стратегия – технополисы. М., 1989. С. 21.

³²⁶ Технополисы – города передовых технологий, научных исследований и проектно-конструкторских разработок в соответствующих отраслях.

³²⁷ Цзыцэ, С., Жэньцзюнь, Ц. Специальные экономические зоны Китая. Новосибирск, 1993. С. 7, 38.

³²⁸ Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 327.

³²⁹ Цыгичко, В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М., 2005. С. 12, 13.

условиях и конфликтных ситуациях, когда высшее руководство было вынуждено обращаться к «носителям» интеллекта, способным вывести социум «из кризиса».

Так опыт Великой Отечественной войны ясно показал, что нахождение многих талантливых военачальников в местах заключения (когда на фронтах были огромные потери) может привести к военному поражению³³⁰.

В результате часть из них была выпущена из мест заключения и даже вошла в состав военной элиты (например, будущий маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский). Опыт послевоенного развития СССР оценим аналогично, поскольку даже репрессированным, но талантливым техническим специалистам в местах их заключения создавались некоторые условия для творчества (например, авиаконструктор А.Н. Туполев в свое время работал в так называемой «шарашке»).

При этом в представленной монографии не ставится цель критиковать существовавшую в СССР систему подготовки научных специалистов и эффективность деятельности отечественных научных организаций. Важно учитывать мнение исследователя в военной области В.Н. Цыгичко, который на примере 50-60-х годов XX века достаточно убедительно доказал, что высшее партийное и государственное руководство СССР понимало, что решать сложнейшие задачи управления, особенно в сфере обеспечения безопасности, невозможно без серьезного научного обоснования. В этот период внутри министерств и ведомств была создана разветвленная сеть научно-исследовательских организаций, призванных вести научные разработки для Минобороны в интересах подготовки и принятия стратегических решений³³¹.

Интересен тот факт, что созданная система научной и научно-исследовательской работы формально просуществовала до распада СССР, однако, как отмечает В.Н. Цыгичко, качество деятельности различных НИИ и общий уровень научных исследований неуклонно снижались³³².

Аналогично оценивает состояние научной деятельности в СССР исследователь М.М. Молодцов, который убежден, что в 60-е годы XX века в нашей стране (как и в иных промышленно развитых странах) в сфере управления был отмечен так называемый научно-исследовательский бум³³³. Однако в отличие от многих других стран, в СССР отсутствовали рыночные отношения, что являлось важнейшей сущностной чертой, присущей советской системе научно-интеллектуальной деятельности. Исследователь А.И. Селиванов³³⁴ в своих работах и еще ряд ученых указывают, что в СССР наибольший опыт научно обоснованного управления был накоплен и применялся преимущественно в связи с развитием военно-промышленного комплекса и силовых структур³³⁵.

По всей видимости, господствовавший в СССР подход к воздействию на сферу безопасности в некоторой степени проецируется и на современное общество. Политолог Л.А. Радзиховский написал в своей статье: «Чтобы поднять страну к вершинам научно-

³³⁰ См. об этом подробнее: Реабилитация: Полит. процессы 30-50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 280-310.

³³¹ Цыгичко, В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М., 2005. С. 13-23.

³³² Цыгичко, В.Н. Указ.соч. С. 16.

³³³ Молодцов, М.М. Проектно-аналитическое обеспечение принятия и реализации государственно-управленческого решения в современной России: дис. ... канд. полит.наук. М., 2007. С. 40.

³³⁴ Селиванов, А.И. Процедура целеполагания в стратегическом управлении: мировоззренческое, научное и экспертно-аналитическое обеспечение // Информационно-аналитическое обеспечение стратегического управления: теория и практика: Тез. Второй Всерос. конф. М., 2006. С. 13-14.

³³⁵ Молодцов, М.М. Указ.соч. С. 41.

технического прогресса можно собрать в кулак финансовые, технические, интеллектуальные ресурсы – и этим кулаком пробивать стены»³³⁶. Однако существует другой путь, когда общество признается первичным, а экономика – вторичной. При этом свободное развитие каждого человека является условием свободного развития всех и всего общества.

Иногда считается, что политические лидеры, взявшиеся за преобразования в российском обществе в конце XX века, автоматически являются интеллектуальной элитой³³⁷. Необходимо лишь предложить программы сохранения интеллектуального наследия СССР с «пристройкой» рыночных и демократических механизмов, что особенно актуально в связи с проблемами развития Союзного государства (интеграционный потенциал российской и белорусской науки).

Анализ опыта модернизации почти двух российских десятилетий свидетельствует о том, что далеко не все, что нам досталось в наследство от СССР, является работоспособным и может быть использовано в интеллектуальном развитии, в том числе и сферы безопасности. То есть, далеко не весь интеллектуальный капитал, принадлежащий государству, – это самый лучший, и не весь он может работать на сферу безопасности.

Видимо, в настоящее время необходимо адаптировать, перестраивать, а во многих случаях и создавать новый механизм функционирования и воспроизводства интеллектуального ресурса. Все усилия органов власти и общественности должны быть направлены на улучшение жизни и деятельности человека, так как только всемерно обеспеченный гражданин будет совершенствовать свое общество и государство в интересах своего благополучия, а когда человеку есть что терять, то он приложит все силы для совершенствования своей безопасности, общества и государства. Следовательно, основным заказчиком и потребителем интеллектуального продукта является гражданин, основным интересом которого является устойчивая система безопасности. При этом власть должна формировать позитивные и понятные населению условия его свободного творческого роста.

Однако тогда госвласти также необходимо функционировать в рамках произведенного интеллектуального продукта (распространяемого и на сферу политического управления), а это трудоемко и во многих случаях не выгодно. Существует одно противоречие – власть, используя административный ресурс, сама становится потребителем интеллектуального продукта, но далеко не всегда в современном обществе хочет его производить. В СССР государство было единственным собственником, именно оно и являлось основным заказчиком интеллектуальной продукции, но сегодня ситуация кардинально изменилась. Налицо конфликт интересов между властью и другими социальными субъектами в сфере развития интеллектуального капитала и производства интеллектуальной продукции.

Считается, что интеллектуальный ресурс существует в двух видах. Прежде всего, это полупостоянная совокупность знаний, компетентность, относящаяся к некоему заданию, человеку или организации. И второй вид информационных средств производства

³³⁶ Радзиховский, Л.А. Первая инновация // Независимая газета. 2008, 18 февраля.

³³⁷ Например, профессор М.Ю. Барщевский оценивает существующий в России режим как меритократию, то есть власть достойных, власть интеллектуалов. См. об этом подробнее: На пороге меритократии // Независимая газета. 2008, 12 марта.

– это инструменты, при помощи которых можно увеличить объем знаний, добывая новые факты. В данной классификации первый вид – это содержание знаний, а второй вид – скорее, их технологическая составляющая, то есть новые технологии.

Действительно, новейшие достижения в области науки, литературы, искусства, в развитии наукоемких и высокотехнологичных производств представляют собой результат творческой деятельности человека и являются объектом интеллектуальной собственности. Однако считается, что практически вся интеллектуальная собственность, по крайней мере, в научно-технической сфере, принадлежала в СССР государству. Известно, что гарантируемый патентом монополизм является мощным инструментом в конкурентной борьбе, которая фактически отсутствовала в социалистической экономике. Уточню, что в СССР вполне логичным был распространенный монополизм предприятий, а спускаемые сверху предприятиям разрядки на изобретения поддерживали искусственно завышенные показатели изобретательства. Поэтому в связи с переходом России от плановой экономики к смешанной опыт защиты интеллектуальной собственности, накопленный в СССР, оказался непригоден³³⁸.

Результаты интеллектуальной, творческой деятельности, конечно, используются постоянно и многими субъектами, но редко кто вспоминает о праве на них. Изучение зарубежного опыта позволяет утверждать, что система сбалансированных знаний должна выстраиваться вокруг каждого ценного объекта собственности. В процессе технической реализации объекта наиболее важно назначение и качество объекта собственности. Юридическая оболочка обеспечивает статус объекта и соответствующий режим его охраны. Экономическую оболочку можно назвать реализующей, поскольку именно здесь сполна реализуется данный объект техники и его права собственности как некий капитал. Аналогичным образом мы можем определить субъекта интеллектуального продукта, инновации. Для защиты прав автору высококачественного продукта необходимы юристы. Экономисты, менеджеры в инновационных процессах выполняют множество задач, начиная с управления этим процессом, но используется инновационный продукт потребителем и его роль является определяющей.

Дело в том, что в современной России количество объектов интеллектуальной собственности постоянно уменьшается³³⁹. В ее экономике доминируют только крупные кампании, и те из них, что связаны с добычей природных ресурсов, обладают доступом к иностранным технологическим ресурсам (используя практику стратегических альянсов и международной научно-технической кооперации). При этом большая часть российского бизнеса не имеет четкой инновационной стратегии и не привыкла к инвестированию в собственные исследования и разработки (ИР). Система же государственных НИИ, как считают специалисты, практически изолирована от рынка и потребителей³⁴⁰.

³³⁸ Если Конституция США еще в XVIII веке закрепила права граждан этой страны на интеллектуальную собственность, то в нашей стране, пожалуй, только ныне действующая Конституция (ст. 44) впервые реально гарантировала охрану интеллектуальной собственности в разделе, касающемся прав и свобод человека и гражданина. См.: Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 14.

³³⁹ В СССР большинство инновационных предприятий работали в оборонно-промышленном комплексе. В Российской Федерации они не смогли приспособиться к рынку. См. подробнее: Материалы круглого стола «Нормативно-правовое обеспечение интеллектуальной деятельности» (Стенограмма). М., 2004. С. 2.

³⁴⁰ Анализ инновационной политики России и Украины по методологии Европейского сообщества / Отв. ред. Н. Иванова, И. Егоров, С. Радошевич. М., 2008. С. 10.

Следовательно, оказывается, непросто понять: для кого сегодня вообще в российском обществе существует интеллектуальная собственность. Декларативно интеллектуальная собственность существует для граждан и власть прекрасно понимает, почему интеллектуальный ресурс является мощнейшей материальной, социальной силой. Для власти выгоднее тиражировать больше интеллектуальной собственности, принадлежащей государству, поскольку ее легче контролировать. В этом случае власть будет стоять у истоков распределения интеллектуального продукта, контролировать вектор его воспроизводства, а бизнес в этих сложных условиях производит и пользуется интеллектуальным продуктом с оглядкой на власть (что, собственно, в настоящее время и имеет место в российском обществе). Каково состояние и эффективность использования интеллектуального ресурса в сравнении с экономически развитыми странами мира? Согласно официальному прогнозу, за 10-15 лет объем мировых рынков высокотехнологичной продукции и услуг может возрасти с 2 до 10 триллионов долларов и в 10 раз превысит емкость топливно-энергетического рынка³⁴¹.

Доля российского общества на мировом рынке высокотехнологичной продукции составляет всего 0,3% (от 2 трлн. долларов) видимо потому, что в России практически никогда, по мнению участников прошедшего в Государственной Думе круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий», проводимые исследования не завершаются практическим внедрением результатов³⁴².

Еще одна проблема интеллектуального развития современного общества связана с состоянием его технологических потенциала и базы. Важность этой проблемы заключается в том, что до сих пор нет определенности как по субъектам создания, так и по потребителям современных технологий. Так, специалисты А.А. Дынкин, Н.И. Иванова зафиксировали следующую тенденцию, когда разработчики технологий считают эффективными методы прямой господдержки приоритетных направлений, а ее потребители склоняются к стимулированию государством рыночных форм разработки инноваций через налоговые льготы, поддержку венчурных фирм³⁴³.

Известно, что большую часть бюджета исследований и разработок, например, в российском обществе, контролируют четыре организации: РАН, федеральное Космическое агентство, федеральное Агентство по промышленности и федеральное Агентство по науке и инновациям. Незначительная часть госбюджета исследований и разработок также распределяется на конкурсной основе через три фонда: российский фонд фундаментальных исследований; российский гуманитарный научный фонд и фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере³⁴⁴. Вместе с тем, российская экономика не ограничивается каким-либо одним сектором. Впрочем,

³⁴¹ В 2005 г. в РФ количество промышленных предприятий, использующих объекты интеллектуальной собственности (по данным Росстата) составляет менее 30% от их общего количества. При этом в год в США регистрируется примерно 50 тыс. изобретений, в РФ – 500 (то есть, в сто раз меньше). Зарубежные примеры резкого экономического роста обеспечиваются интеллектуальной составляющей экономики. США инвестируют в науку 2,67% ВВП, Япония – 3,12%, Ю. Корея – 2,9%. См. подробнее: Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (Стенограмма). М., 2006. С. 1, 19.

³⁴² См.: Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий» (Стенограмма). М., 2005. С. 1, 2.

³⁴³ Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М., 2005. С. 73.

³⁴⁴ Анализ инновационной политики России и Украины по методологии Европейского сообщества / Отв. ред. Н. Ивановой, И. Егорова, С. Радошевич. М., 2008. С. 17, 27.

такого ограничения нет ни в одном экономически развитом государстве, но дело в том, что в бывшем СССР, как и сегодня в российском обществе, отсутствует аналогичный США госсектор исследований и разработок (при этом академический сектор РФ примерно равен американскому госсектору по объему).

Еще одна проблема заключается в том, что российские отраслевые НИИ и КБ ни организационно, ни экономически не связаны с производством, а в США научно-технические центры фирм и корпораций работают непосредственно для производства. Американская университетская наука также выполняет фундаментальные и прикладные функции на достаточно высоком уровне и качестве.

Как отмечают ученые, специалисты самого различного профиля, исследовательский бизнес в США при затратах в 5% от общих затрат на научно-техническую сферу очень эффективен: его предприятия выдают более 50% научно-технических результатов³⁴⁵. Причин такого положения немало, но полагаю, что сама рыночная экономика с ее конкурентной средой создает хорошие условия для успешного исследовательского бизнеса. При этом любые вложения оправданы, когда обеспечивается их востребованность как внутри страны, так и вне ее. Если же востребованности интеллектуального продукта нет и соответственно оптимальные условия для его производства не созданы, то в результате складывается ситуация, как в нашей стране. То есть, России в настоящее время приходится платить дважды: сначала – за разработку новой технологии, а потом – за покупку конечных продуктов, созданных с ее использованием (расплачиваясь за это нефтью, газом и другими не возобновляемыми природными ресурсами).

Приведем еще один пример, подтверждающий различную нацеленность экономик разных государств на создание для себя интеллектуальных ресурсов. В США в настоящее время 65% ВВП определяется промышленностью, связанной с электроникой (производство на душу населения электронной техники в США и Канаде составляет 1,260 тыс. долл.). В современном российском обществе эта цифра составляет сумму, эквивалентную 14 долл.³⁴⁶, что даже не требует дополнительных комментариев.

Осмысливая высказывание Президента России об интеллекте как о пятом «и» в развитии российского общества, можно предположить, что глава государства имел в виду создание, развитие и использование отечественных технологий³⁴⁷. При этом известно, что любое современное общество характеризуется быстрым моральным старением традиционных технологий и распространением новых.

Считается, что завтрашний день мирового рынка определяется 50-55 макротехнологиями в авиации, космосе, судостроении, ядерной энергетике, специальной химии, металлургии, специальном машиностроении, телекоммуникации и связи, автомобилестроении, микроэлектронике и биотехнологиях. В настоящее время 6-7 экономически наиболее развитых государств удерживают первенство по 50

³⁴⁵ Денисова, И.П., Клиновенко, П.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Ростов-на-Дону, 2006. С. 34.

³⁴⁶ Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий» (Стенограмма). М., 2005. С. 8.

³⁴⁷ Приходько В. «Президент России Владимир Дмитрий Анатольевич!» Медведев стал жестче // Московский комсомолец. 2008, 9 июня.

макротехнологиям, на их долю также приходится 92% мирового объема наукоемкой продукции³⁴⁸.

Для обеспечения гарантированной безопасности высшая власть в разных странах идет по пути создания списка так называемых «критических» (наиболее важных для экономики, а также сферы безопасности и обороны) технологий, что было сделано и в российском обществе. Понятно, что эти технологии важны для тех, кто занимается обеспечением безопасности.

Но что эти технологии практически дают тем, кто должен регулировать сферу безопасности? Ведь власть и экономическая система вынуждены инициировать, либо тормозить интеллектуальную деятельность и формировать интеллектуальные ресурсы. При этом имеется в виду, что система сама по себе (на «автомате»), а не только и не столько в «ручном режиме», должна быть нацелена на поиск готовых, создание и использование новых интеллектуальных продуктов, ресурсов (объективно назрел переход от управления к госрегулированию). Следовательно, роль субъективного фактора в политике должна быть минимальной, а максимально полно должны быть учтены интересы различных экономических субъектов, но в российском обществе, как известно, субъективный фактор всегда играл огромную, если не решающую, роль. На сегодняшний день существуют различные оценки уровня интеллектуального развития.

Так, профессор Нью-Йоркского университета Р. Кэнкро оптимистически оценивает интеллектуальные возможности российского общества, полагая, что «в России – огромный интеллектуальный потенциал гораздо более мощный, чем в других европейских странах»³⁴⁹. Действительно, в настоящее время по официальным данным функционируют более 60 интеллектуальных технологических центров, 40 технопарков, 30 центров трансферотехнологий, 2 территориальных отраслевых высокотехнологических кластера в области микро- и оптоэлектроники³⁵⁰. Вместе с тем, пока очень сложно понять степень продуктивности и отдачи от деятельности этих структур для экономики и сферы безопасности.

В связи с этим, для современного общества интересна позиция исследователя А.Д. Артамонова, полагающего, что есть значительные фундаментальные, технологические заделы, уникальная научно-производственная база, высококвалифицированные кадры, но одновременно в России «слаба ориентация этого инновационного потенциала на реализацию научных достижений в производстве и других сферах деятельности»³⁵¹.

Обобщая содержание многочисленных дискуссий в научном сообществе и органах государственной власти, сформулирую ряд проблем в связи с необходимостью совершенствования регулирования сферы безопасности посредством применения интеллектуальных ресурсов.

1. В сферу безопасности пока не достаточно вовлечен бизнес-сектор. Государству необходимо сделать вложения в исследования и разработку менее рискованных для

³⁴⁸ Филин С.А. Механизм реализации инновационной политики. М., 2005. С. 3.

³⁴⁹ Барабаш, Е. Как сохранить европейский интеллект. Молодое население Старого света не хочет нормально размножаться // НГ-Наука. 2008, 11 июня.

³⁵⁰ Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (Стенограмма). М., 2006. С. 20.

³⁵¹ Артамонов, А.Д. Инновационная политика в России: механизм реализации. СПб., 2005. С. 21.

частных инвесторов проектов (как во многих государствах мира). Шире использовать разнообразные стимулы, которые были бы прозрачны и понятны всем предпринимателям.

2. В реформировании и модернизации нуждается вся сфера безопасности (государства и всего мирового сообщества). Важны и очень актуальны инновационные пилотные проекты по подготовке кадров, разработки новых информационных технологий и технических устройств для сферы безопасности.

3. Не сформированы инновационные институты для согласования интересов государства и гражданского общества в сфере безопасности, особенно, биобезопасности.

4. Интеллектуальная собственность пока не стала системообразующим фактором инновационного регулирования сферы безопасности. Без дальнейшего развития интеллектуальной собственности сложно надеяться на вовлечение в сферу безопасности серьезных исследователей и ученых.

5. Коррупция продолжает оставаться основной угрозой национальной безопасности и препятствует инновационному развитию современного общества.

Данные проблемы не являются новыми, большинство их исследователей пишут о технологическом отставании от экономически развитых стран мира. Поясню, что для социального философа гораздо важнее констатации и артикулирования проблем является понимание, что технологии – это всего лишь средство достижения цели, а не сама цель и не самоцель для власти.

Для сферы безопасности важно вести речь не столько о технологиях технического характера, сколько о социальных (социально-политических) технологиях. Дело в том, что социальная сфера является основным объектом высшей власти в любом обществе. В современном социуме обеспечить гарантированную безопасность невозможно без развития национального интеллектуального ресурса.

Однако интеллектуальный ресурс сам по себе не сможет повысить качество безопасности, и в добавление к нему необходимы механизмы применения социально-политических технологий в сфере безопасности.

Важной составляющей политических технологий являются информационные технологии, хотя до сих пор нет ясности в понимании и применении этого термина³⁵². В российской науке под информационными технологиями понимаются технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи, представления данных, текстов, образов и звука»³⁵³.

В такой интерпретации целесообразно рассматривать информационные технологии как совокупность разнообразных приемов, средств в информационной сфере, используемых социально-политическими субъектами (актерами) для достижения поставленных ими целей³⁵⁴.

Информационные технологии органически взаимосвязаны и обычно рассматриваются не только в качестве инструментария в информационном обмене, но и

³⁵² В ряде стран информационные технологии определяются как «комбинация трех ключевых технологий: числовое вычисление, хранение информации и трансляция числовых сигналов по телекоммуникационным сетям». См. например: Абдулов, А.Н., Кулькин, А.М. Контуры информационного общества. М., 2005. С. 32.

³⁵³ Гасликова, И.Р., Гохбер, Л.М. Информационные технологии в России. М., 2001. С. 114.

³⁵⁴ Технологиями считаются: принятие решений, проведение избирательных кампаний, урегулирование международных и внутривнутриполитических кризисов и т.д.

³⁵⁵ Кухарев, В.Н. Новые информационные технологии. М., 2005. С. 7-8.

представляют собой способ управления процессом коммуникации в обществе. Именно в этом качестве они важны для сферы безопасности.

Проблемы развития интернет-технологий чаще всего связывают с вопросами компьютеризации и развития технико-технологической базы информатизации, с развитием автоматизированных систем для госуправления, с созданием интегрированных корпоративных информационных систем³⁵⁶.

Считаю, что не случайно на прошедшем в Петрозаводске заседании президиума Госсовета (июль 2008 года) Д.А. Медведев пообещал уволить всех госслужащих, не владеющих компьютером,³⁵⁷ призвал уже к 2010 г. ввести электронный документооборот, так как это повышает прозрачность государственных услуг, снижает уровень коррупции.

Таким образом, предполагается, что любой гражданин в ближайшее время сможет общаться с представителями власти через Интернет, а что касается иностранного опыта, то в настоящее время в 30 регионах России бюро образования и культурных программ Государственного департамента США открыло свои учебные центры «Открытый мир информтехнологий». «Ничего плохого в этом нет, – сказал Д.А. Медведев. – Но не Госдеп же должен этим заниматься. Мы же не банановая республика, которой предлагают приобщиться к благам цивилизации!»³⁵⁸.

Действительно, число пользователей Интернетом в России к 2008 г. выросло до 26% взрослого населения (в 2002 г. было 8%), число персональных компьютеров с 2000 по 2007 г. увеличилось с 6 до 33 на 100 домохозяйств.

Такое применение информационных технологий имеет место в регулирующей деятельности в сфере безопасности, когда в так называемых силовых структурах создаются корпоративные информационные сети и базы данных, а также налаживается система электронной коммуникации между различными министерствами, ведомствами. Активно внедряясь в социальную сферу и сферу политики, новые информационные и интернет-технологии качественно изменили многие старые представления, установки, стереотипы, формы поведения, модели взаимоотношений между индивидами и группами, политическими институтами и органами госвласти. Это пока далеко не всегда учитывается в деятельности госорганов и спецслужб по совершенствованию безопасности граждан, общества и государства.

В стабильном обществе граждане, как правило, обеспокоены сохранением внешних благополучных условий для реализации внутреннего потенциала развития. Эти условия характеризуются исключением военной угрозы как наиболее опасной, так и менее опасных, но весьма раздражительных для демократического социума – потоков беженцев, терроризма, наплыва мигрантов, обострения криминогенной обстановки, стимулируемой извне, экологических проблем и других. В современном мире государства направляют свой интеллектуальный ресурс на осмысление опасностей, угроз и вызовов, а также на разработку и совершенствование политических и других технологий по нейтрализации существующих угроз, эффективно обеспечивая тем самым эффективность сферы безопасности.

³⁵⁶ Информационно-технологическое обеспечение законотворческого процесса / Под ред. С.Н. Бабурина. Екатеринбург, 2004. С. 54-56.

³⁵⁷ Сварцевич, В. Дашь «электронных министров»? // Аргументы и факты. 2008, 23-29 июля.

³⁵⁸ Открытый мир информтехнологий // QRL.RU: сервер АВП.2008.URL. <http://www.milpol.ru> (дата обращения 19.11.2009).

Просматривается определенная закономерность, а точнее, чем выше благосостояние общества, уровень интеллектуального ресурса, тем острее в нем воспринимаются именно не военные угрозы. Например, известные специалисты С. Хантингтон, С. Файнер, П. Фивер полагали, что основная задача для демократического общества состоит в разработке соответствующих технологий для удержания военных под контролем общества. Это выражается в том, что задачи военным ставят политики и осуществляют политическое руководство армией только гражданские люди. Одновременно во всех современных политических документах по безопасности западных государств и США природа угроз современному обществу определяется как все более разнообразная и непредсказуемая. Следовательно, очевидна зависимость сферы безопасности от интеллектуального ресурса, задействованного для выработки соответствующих технологий защиты³⁵⁹.

Госвласть в современном обществе является стержневой составляющей безопасности, что обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, эффективное функционирование механизмов госвласти обеспечивает необходимую степень устойчивости как политической сферы, так и всей общественной системы.

Во-вторых, через властные структуры осуществляется регулирование политических процессов.

В-третьих, органы госвласти осуществляют руководство и направляют деятельность специальных организаций и учреждений, которые занимаются локализацией и нейтрализацией возникающих угроз для общества³⁶⁰.

Актуальной является и проблема контроля действий самой власти как источника опасностей для общества и его граждан. Сегодня остро встает вопрос выработки определенных политических технологий и доступа к ним со стороны гражданского общества по обеспечению безопасности общества и граждан от произвола власти.

Однако не получится ли так, что с развитием современных технологий безопасности, действия госвласти в целом, либо ее отдельных ветвей или институтов, в частности, окажутся полностью неподконтрольными обществу? Всеобщее нагнетание страхов вокруг жизни граждан, их материального и социального благополучия порождает спрос на услуги в безопасности во всех видах жизнедеятельности. Тем самым создаются объективные условия для развития и процветания индустрии безопасности. Вслед за целым рядом стран в России такая индустрия постепенно создается.

Например, в настоящее время во всех метрополитенах и в большинстве фирм (независимо от формы собственности) устанавливаются системы видеонаблюдения.

Директор по маркетингу компании «Информзащита» А. Степаненко считает, что весь объем российского рынка интернет-технологий безопасности достигает 260-275 млн. долларов. Его росту способствуют госпрограммы по развитию интернет-технологий, крупные проекты в государственных органах³⁶¹.

Если в западных странах, как отмечают специалисты, в развитии средств специального наблюдения и контроля заинтересованы госструктуры и часть бизнес-

³⁵⁹ Белозеров, В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 121-122.

³⁶⁰ Жуковский, М.В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации // Безопасность. 2002. № 1-2. С. 39.

³⁶¹ Голицына, А., Цуканов, И. Сколько стоит безопасность // Ведомости. 2006, 22 декабря.

сообщества, то в российском обществе это, в первую очередь, спецслужбы и лишь затем – органы государственной власти.

Биобезопасность и перспективы современного общества зависят от различных составляющих: природной и социокультурной среды, которая динамично меняется от финансово-экономических кризисов и политических интриг на международной арене. Так, например, если вспомнить современную историю, то последние события в Европе и Северной Африке доказывают, что деструктивные политические явления, разрушающие социальное пространство, дестабилизирующие финансово-экономическую систему, были связаны с социально-экономическими процессами, культурно-историческими традициями и менталитетом граждан конкретного государства. Современный мусульманский мир и политическая элита Европы в своем стремлении быть конкурентоспособными, преодолеть экономические проблемы, социальное недовольство не может противостоять доминирующим государствам, практикующим конкурентоспособную финансовую политику. Геополитические интриги, спровоцировавшие беспорядки в Ливии и Тунисе, привели к историческому парадоксу: в результате «обнуления Европы», как финансово-экономической единицы, произошла социальная дестабилизация, локальное военное столкновение группировок и военизированных формирований, что спровоцировало информационный вакуум, бесконтрольность со стороны властных структур, общественных международных организаций, насилие и международный терроризм.

Эксперты считают, что подобные события, к сожалению, могут развиваться не всегда предсказуемо, и может так случиться, что в скором будущем не будет долгожданного социального спокойствия, а стабильность станет отдаленной перспективой для современного общества. Напомню, что в основе любого социального конфликта находится финансово-экономическая деятельность государства, что актуализирует политику биобезопасности.

Широкий диапазон событий в современном обществе, попытки журналистов найти сенсацию, обречены сегодня на успех в связи с происходящими недавно событиями в Европе и в Северной Африке, Японии, Афганистане, Иране. Со всей ясностью в современном обществе проявился принципиальный подход в решении вопросов международного сотрудничества, касающегося Ближневосточных процессов в формате преобладания финансово-экономических интересов, территориальных притязаний, идеологических дискуссий и геополитических споров.

Особенно важно, что терминология, или исследование проблем современного общества, предполагает акцентуацию на вопросах биобезопасности, ценностных детерминантах генетики и выявления соотношения логико-языковых средств познания с чувственным опытом человека в контексте социального пространства.

Деструктивно влияющий на современное общество субъектоцентризм предполагает, что человек создает модель поведения не только на основе объективной реальности. С учетом внутреннего императива человек взаимодействует с социальным пространством, проявляет себя как креативно мыслящий, но не всегда позитивно действующий субъект и, в таком случае, «внешний мир предстает как опредмеченное бытие»³⁶².

³⁶² Букреев, В.И. Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма) / В.И. Букреев. – М. : Флинта : МПСИ, 2007. 336 с.

Современное общество характеризуется инновационными тенденциями в экономике, динамичным наращиванием коммуникационной архитектуры, взаимной интеграцией культур, изменением геополитических и биотических факторов, влияющих на человека, вследствие чего возникают новые опасности, угрозы, определяющие трансформационные процессы в социальном пространстве, актуализируя биобезопасность.

В связи с этим, актуализируя вопросы биобезопасности, уточним, что биотерроризм представляет собой реальную опасность для любого современного государства, всего международного сообщества. Такое явление как биотерроризм в современном обществе может стать (при определенных условиях) деструктивным проявлением социальной реальности, который со временем спровоцирует латентные перемены глобального плана, что может в итоге привести в некоторых государствах к изменению геополитической карты мира и структуры общества (общественных отношений)³⁶³.

Биотерроризм в современном обществе, как явление, представляет собой специфическое, преднамеренное действие, направленное на освобождение, распространение биологических агентов (токсинов) с целью создания условий для их рассеивания, в результате чего причиняет вред здоровью и жизни человека, всех биологических систем.

В результате, создается угроза причинения аналогичного вреда, совершенного с целью воздействия на природную среду, граждан, нарушения стабильности в обществе и оказания действенного влияния на принятие решений властью и организациями на участие различных государств в международных делах.

Биологический терроризм квалифицируется как угроза совершения указанных деяний в тех же целях; как соучастие в совершении указанных деяний в качестве организатора, соисполнителя, подстрекателя или пособника; как приготовление или покушение на совершение указанных деяний.³⁶⁴

Современное общество постоянно трансформируется и в связи с этим наблюдается изменение характера, степени воздействия человека на окружающую среду, социально-экономическую, политическую и духовную многомерную реальность: «человечество сумело вырастить репрессивное сознание, своего рода ген насилия, накладывающий отпечаток на поведение и мышление»³⁶⁵.

В связи с этим, важно уточнить, что ценность жизни человека и всех живых существ на планете – это самое важное, поэтому следует сегодня обратить внимание на гуманистические принципы генетических исследований и гуманизацию общественных отношений. Необходимо минимизировать угрозу биотерроризма (экономического, экологического терроризма, агротерроризма, продовольственного и генетического терроризма), чтобы в данном проблемном поле обозначить круг вопросов, уточнить возможности, позволяющие стать действительностью, гарантирующие стабильность социума и приемлемый уровень биобезопасности. Все это обусловлено научным прогрессом и такими обстоятельствами, как недостаточная степень удовлетворения

³⁶³ Бобылов, Ю.А. Новое биологическое оружие: Смена парадигмы российского геополитического мышления // Национальная безопасность и геополитика России. – 2005. № 3-4.

³⁶⁴ Симонова, А.Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом: диссерт. к.ю.н. М., 2007.

³⁶⁵ Букреев, В.И. Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма) / В.И. Букреев. – М. : Флинта : МПСИ, 2007. 104 с.

интересов человека в биобезопасности, наличием объективной зависимости между политической системой демократического типа общества, основополагающими императивами безопасности.

Сегодня особенно востребованы гуманитарные аспекты биоэтики, исследование молекулярной биологии на наноуровне, что влияет на различные социально-политические аспекты в сфере безопасности.

Современный научный прогресс, экзистенциальная вариация социального пространства должны гарантировать безопасность современного общества с учетом изменения диапазона исследований и ценностных детерминант генетики. «Выдающиеся достижения оказали стимулирующее воздействие на многие разделы современной генетики и вызвали стремительное движение вперед в ряде смежных с генетикой областей биологического познания. Применение кибернетического моделирования, теории информации в генетике создало новую реальность и новое понимание задач и характера научного исследования наследственности и изменчивости на разных уровнях организации живых систем»³⁶⁶.

Сегодня качественный скачок в развитии науки в целом, в том числе и в генетике, обусловлен не только применением инновационных методов, но, главным образом, выбором объекта генетических исследований, например, развитием молекулярной биологии (наноуровень), применение наноструктур при создании и использовании генетически модифицированных организмов и продуктов.

Эклектика и многомерность социальной реальности, метафизичность современного общества доказывает, что вряд ли все процессы развития, которые не исключают возможности привлечения широкого круга организаций, структур, являются моносубъектными в социуме, объективно предполагают разветвленную систему широкого общественно-государственного влияния для более эффективной борьбы с деструктивными явлениями и конкретно с биотерроризмом.

Возвращение к смыслообразующему аспекту философских дискуссий в генетике позволяет обобщить уже существующие мнения, предложить конкретно обозначенную онтологическую, гносеологическую и аксиологическую окраску научным фактам и концептуальным построениям. «Направление в науке означает направление поиска научной истины, а не саму научную истину. Окончательная оценка выбора может быть произведена только по конечному результату поиска, в объективной научной истине, принимаемой всеми. Отождествление направления в науке с научной истиной не свойственно науке и ... сродни чревоуещанию. А вера в собственную непогрешимость, сочетаемая с органической враждой в научной критике, лишает исследователя свободы научного исследования, порождает догматизм в теоретическом мышлении»³⁶⁷.

Системность, принципиальная инновационность биоэтических установок, основанных на интеллекте и знаниях человека, становятся постепенно объективной необходимостью для развития современного общества его сферы безопасности.

В связи с этим необходимо вырабатывать комплексные меры противодействия биотерроризму в процессе реализации биобезопасности, а, главное, не нарушать динамично эволюционирующую систему природного и социального пространства. «Однако нынешняя система взаимодействия человека и природы уже не может

³⁶⁶ Фролов, И.Т. Философия и история генетики – поиски и дискуссии. – М. : Наука, 1988. 60 с.

³⁶⁷ Актуальные вопросы современной генетики / Под ред. и с предисл. проф. С.И. Алиханяна. М., 1966.

рассматриваться как взаимоотношение между составляющими, влиянием которых друг на друга можно пренебречь. Утверждение В.И. Вернадского о тесном контакте между мыслящей и немыслящей частями природы не только признано научным фактом, но и оказывает все большее влияние на принципы социально-экономической организации общества»³⁶⁸.

В научном дискурсе сфера биобезопасности рассматривается как максимально широкая, распространяемая на все общество. В результате идет постоянный поиск интеграции национальной безопасности в региональные и международные системы. Биологически агрессивные (военные) формы воздействия относятся к числу самых страшных средств уничтожения человеческой цивилизации, разработанных современными учеными, генетиками. В отличие от обычных видов вооружений биологическое оружие невозможно полностью контролировать, особенно если происходит заражение территории, границы которой сложно контролировать и фиксировать распространение инфекционных заболеваний, так как последствия применения такого оружия трудно предвидеть и предотвратить.

Именно неуправляемый и деструктивно-агрессивный потенциал биологического оружия сегодня особенно привлекателен для террористов, не отличающихся добропорядочными намерениями, стремлением мирным путем решить вопросы глобального плана и пониманием ответственности за будущее всего человечества.

Биобезопасность связана с тем, что реально существующая угроза применения биологического оружия в современном обществе и это является важным моментом в процессе манипулирования властными структурами, устрашения граждан любого государства. Интересен тот факт, что сегодня уже зафиксированы случаи, когда террористические организации хотят получить возможность использования биологического оружия.

Например, в 2007 году в секретном докладе Национального совета по разведке США, посвященном перспективам терроризма, акцентировалось внимание на изменении активности членов террористических группировок с целью поиска доступа к оружию массового поражения, где биотерроризм является «наиболее приемлемой формой проведения акций для малочисленных групп боевиков»³⁶⁹.

Биологический терроризм очень опасен, но, к счастью, он не получил пока широкого распространения, так как современное общество нацелено на то, чтобы не повторять ошибок прошлого. Так, например, исторические факты свидетельствуют о том, что применение биологического оружия в военных целях было осуществлено еще в 67 году до нашей эры, когда придворный лекарь короля Митридата применил грайянтотоксин меда против вторгшихся римских завоевателей.

Далее в военных целях распространение инфекций продолжили татары, которые катапультировали зараженные чумой трупы в Каффе в 1346 году. В 1442 году в процессе религиозной войны в Чехии, в битве за Карлштейн тела солдат, зараженных чумой, бросали в шеренги противника, что провоцировало замешательство, порождало ужас и приводило к панике на поле боя. Существуют доказательства того, что английскими войсками был использован вирус натуральной оспы и применен как агент биологического

³⁶⁸ Соловьев, В. Особенности проявлений порядка и хаоса в экономике // Наука и инновации. – 2011. – № 12 (106).

³⁶⁹ Севостьянов, В. Терроризм на ... самокупаемости // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 10.

оружия в период французско-индийских войн (1754-1776 гг.). Английские войска распространяли среди индийских племен черную оспу, а в Северной Америке раздавали гуманитарную помощь (одеяла), которые до этого использовались заболевшими натуральной оспой для того, чтобы вызвать эпидемию. В результате таких мероприятий было уничтожено 50% населения индийских племен. И еще один эпизод военной истории: во время первой мировой войны в 1915 году германские войска пытались вызвать эпидемию чумы в Петрограде³⁷⁰.

Биотеррористические акты совершались не только в отношении человека. Так берлинский специалист по молекулярной биологии Э. Гайслер установил, что в 1916 году специально выведенными бактериальными культурами были заражены животные, которых должны были экспортировать в Испанию, Румынию, Аргентину и США. Впоследствии выяснилось, что для этого бесчеловечного мероприятия использовались возбудители сибирской язвы³⁷¹.

Существует также не очевидные на первый взгляд факты биологического терроризма, когда сложно проследить причинно-следственные связи, т.е. определить террористическую цель и локализовать возникшие заболевания после применения биологических агентов. Не всегда понятны специалистам, возникающие в современном обществе резонансные эпидемии, порождающие атипичную пневмонию, птичий и свиной грипп. Можно констатировать факт, что, к сожалению, не всегда быстро удается выявить разновидность биотерроризма – агротерроризм, который предполагает «использование химического или биологического оружия против предприятий сельского хозяйства или пищевой индустрии»³⁷².

В связи с этим исследование вопросов биобезопасности предполагает:

Во-первых, разработку долгосрочной программы, комплексных мер для удовлетворения потребностей и интересов человека в биобезопасности; выработку наиболее приемлемых и эффективных мер противодействия биотерроризму с учетом происходящих процессов глобализации и специфики динамично обновляющегося информационного пространства. Для этого необходимы активные действия в обеспечении биобезопасности и эффективной борьбы с биотерроризмом, что позволило бы сегодня любому субъекту (актору) осуществить на качественно новом уровне диалог на международной арене.

Во-вторых, ценностные детерминанты генетики, опасность уничтожения от различного рода инфекционных заболеваний, угроза биотерроризма в современном обществе актуализирует вопросы, связанные с научным прогрессом, интеллектуальным ресурсом (капиталом), ответственностью и нравственным выбором учёного. Нельзя забывать, что в динамично развивающемся информационном обществе, человек отличается особым восприятием, пониманием реальности, которая трансформируется и перевоплощается в непредсказуемые формы познания и практических результатов исследования. «Изменяющийся мир скрепляется в подобие целостности религиозными учениями, переселением народов, образованием единого информационного пространства,

³⁷⁰ Противодействие биологическому терроризму: практическое руководство по противоэпидемическому обеспечению / Под ред. Академика РАМН, профессора Г.Г. Онищенко. – М.: Петит-А, 2003.

³⁷¹ Щербаков, Г. Источники и основные угрозы для национальной безопасности // Ядерное распространение, 2003. Вып. 47.

³⁷² Жиганова, Л.П. Биотерроризм и агротерроризм – реальная угроза биобезопасности общества // США и Канада: Экономика–политика–культура. – 2004. – № 9.

свободным обращением финансов, капиталов и мозгов. Человечество стремится согласовать деятельность в глобальных размерах, привлекая науку»³⁷³.

Биотерроризм – это использование биологических агентов (токсинов) для уничтожения определенных представителей вида человеческой цивилизации путем воздействия на человеческие, продовольственные, экологические ресурсы и получение над ними контроля путем кардинального вмешательства, а точнее, деструктивной трансформации существующего социума.

Биобезопасность в современном обществе актуализируется в связи с тем, что многие компоненты биологического оружия сегодня находятся во многих продуктах и в атмосфере. Определенное количество выведенных в лабораториях биообъектов, активных агентов (токсинов) в процессе воздействия изменяют существующую реальность, так как болезни (особенно вирусные инфекции), возникающие под влиянием активно действующих агентов, чаще всего неизлечимы, имеют последствия для живого организма и постепенно изменяют иммунную систему человека, не поддаются лечению. Так, например, один вид вируса может мутировать настолько быстро, что никакими средствами невозможно на него повлиять или управлять быстро приспосабливающимся, изменяющимся вирусом. Вирусами являются неклеточные формы жизни, способные проникать в определенные клетки, размножаться в них и обладать наследственностью и изменчивостью. Для жизнедеятельности они используют энергию вещества пораженных клеток, а, внедряясь в клетку-хозяина, вирусы освобождают свою нуклеиновую кислоту, переориентируя тем самым ее собственные процессы транскрипции, трансляции на создание вирусного генома и его белковых оболочек. Особыми структурными компонентами вируса являются белковая оболочка и одна из нуклеиновых кислот, «цитокинезный шторм».

В современном обществе становится нормой, что существует биологическое, генетическое, этническое оружие, активизируется применение нано-технологий, провоцирующих вирусы, способствующие мутациям, которые воздействуют особым образом на природную среду и человека.

Биобезопасность, в итоге, позволит предотвратить процесс ангажированного подчинения государства и человека, увеличить сокращающееся население. Именно поэтому сегодня необходимо акцентировать внимание на экономическом, экологическом терроризме, агротерроризме, продовольственном и генетическом терроризме, чтобы в представленном проблемном поле найти возможности, позволяющие гарантировать биобезопасность современного общества.

Это может быть обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, недостаточной степенью удовлетворения интересов человека в биобезопасности, наличием объективной зависимости между политической системой демократического типа и основополагающими императивами безопасности.

Во-вторых, особенно востребованы гуманитарные аспекты биоэтики, так каков обновленная модель (экзистенциальная вариация) способна гарантировать безопасность с учетом ценностных детерминант современной генетики.

В-третьих, системность, принципиальная инновационность биоэтических установок, основанных на интеллекте и знаниях человека, становятся постепенно

³⁷³ Букреев, В.И. Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма) / В.И. Букреев. – М. : Флинта : МПСИ, 2007. 105 с.

объективной необходимостью для развития безопасности современного общества. Не будучи изолированной от других сфер общественной жизни, сфера безопасности, а особенно биобезопасность, является достаточно эффективным механизмом урегулирования социальных конфликтов, кризисов, препятствующих прогрессу. Должны выработываться комплексные меры противодействия биотерроризму в процессе актуализации и реализации биобезопасности.

В-четвертых, ценностные детерминанты генетики вряд ли должны являться моносубъектными, что не исключает возможности привлечения широкого круга организаций, структур, а в демократическом социуме объективно предполагает разветвленную систему широкого общественно-государственного влияния для более эффективной борьбы с деструктивными явлениями и биотерроризмом.

В научном дискурсе сфера безопасности рассматривается как максимально широкая, распространяемая на современное общество. В результате идет постоянный поиск интеграции национальной безопасности в региональные и международные системы с целью самосохранения биосферы планеты и человечества.

Активные действия в ракурсе обеспечения биобезопасности и эффективной борьбы с биотерроризмом позволят любому субъекту (актору) осуществить на качественно новом уровне диалог в обществе и на международной арене.

Интеллект служит индикатором общественного развития и является фактором развития биобезопасности и сферы безопасности в целом. При этом интеллектуализация процесса регулирования в сфере безопасности является ведущей тенденцией развития современного общества.

Сегодня следует активизировать частный интерес к интеллектуальной деятельности, реформировать весь исследовательский сектор, уменьшить степень коррумпированности госаппарата. Кроме того, методами регулирования следует инициировать научно-информационную среду, а также создать условия, при которых будут совмещаться рыночная идеология и нерыночные структуры в процессе внедрения перспективных информационных, интернет-технологий.

В итоге, с одной стороны, предстоит дальше развивать саму индустрию безопасности, с другой, необходимо сделать так, чтобы интеллект стал детерминирующим фактором всех сторон общественного бытия. Искусственно создаваемый дисбаланс политических сил и финансово-экономический спад с помощью информационных технологий, может спровоцировать в ближайшем будущем необратимые процессы.

По всей видимости, возможен переход от форм открытого насилия, международного терроризма к биотерроризму, так как террористические акты в чистом виде становятся невыгодными, затратными, их часто предупреждают, а их организаторов и исполнителей преследуют, содержат в тюрьмах, они подвергаются открытому осуждению общественности. Но самое главное, что сегодня открытое вмешательство в дела других государств не выгодно, так как требует больших материальных затрат. Любое нападение может быть прекращено на подготовительной стадии.

Биобезопасность и концептуальные подходы к регулированию сферы безопасности, таким образом, связаны с развитием научного знания, интеллектуальным ресурсом, уровнем развития общественного сознания и морально-нравственными установками личности, нормами поведения политической элиты и научного сообщества.

Актуализируя феноменологию безопасности современного общества, важно особое внимание уделить гуманитарным аспектам биоэтики, уточнить ценностные детерминанты генетики, молекулярной биологии на наноуровне, акцентировать внимание на проблеме биобезопасности и применения наноструктур при создании генетически модифицированных организмов и продуктов.

В современных условиях основным субъектом интеллектуального развития продолжает оставаться государство, но все большее значение приобретает деятельность бизнес-структур и общественных организаций. Проведенный анализ пока не позволяет сделать вывод о готовности современного общества к так называемому «интеллектуальному рывку». Основным механизмом наращивания интеллектуального капитала, скорее всего, станут политические, информационные технологии, нанотехнологии и биотехнологии. Их использование в интересах безопасности позволит активизировать социально-политический капитал и более активно использовать информационное пространство, а совершенствование интеллектуального ресурса позволит в будущем повлиять на эффективность безопасности современного общества.

3.2. Инновационность как фактор регулирования сферы безопасности

Рассматривая феноменологию безопасности современного общества, следует обратить внимание на инновационную политику, как одну из форм влияния государства на общественное бытие, и сферы безопасности – в частности.

В связи с этим, совершенно не случайно сегодня особое внимание уделяется инновациям. «Введены в практику новые элементы инновационной деятельности – республиканские научно-практические центры, принята Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2011-2015 гг.»³⁷⁴

Известно, что далеко не все специалисты и ученые согласны с мнением некоторых экспертов, политических лидеров об инновационном потенциале современного общества. Так, например, в 2004 году эксперты ИМЭМО РАН оценили вероятные источники новых технологий в

России и приоритетные направления научно-технического развития нашей страны. Среди вероятных источников новых технологий в России 33% экспертов назвали государственные научные центры или институты, 15% – российские инновационные фирмы, 50% – транснациональные компании и 67% – стратегические альянсы российских и зарубежных разработчиков. Среди приоритетных направлений научно-технического развития российского общества 50% экспертов назвали образование и подготовку кадров, 33% – информационную сферу, 65% – здравоохранение и 65% – нанотехнологии и биотехнологии³⁷⁵.

Академик Н.П. Шмелев вообще считает, что Россия превратилась «в мировое интеллектуальное и технологическое захолустье»³⁷⁶. Вряд ли с этим можно согласиться, однако все же следует признать, что вопросы политики в сфере развития науки, промышленности, экономики в целом есть, но есть и пути (их немало) инновационного

³⁷⁴ Пороговые барьеры на пути белорусских инноваций // Наука и инновации. 2011. № 12. С. 38.

³⁷⁵ Ни один эксперт не назвал сферу обороны в качестве приоритетного направления научно-технического развития современной России. См.: Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М., 2005. С. 70.

³⁷⁶ Шмелев, Н.П. До каких пор? М., 2003. С. 15.

решения многочисленных проблем. Фактически можно зафиксировать факт осознания политическим руководством государства важности новаций самых различных направлений, содержания и тематики для дальнейшего развития России и особенно ее сферы безопасности. Целый ряд выступлений президента и премьер-министра следует рассматривать как некий новый политический курс, как достаточно четко артикулированное «заявление о намерениях» политической элиты.

Следовательно, у научного сообщества появилось немало новых сюжетов, идей для исследования сферы безопасности современного общества.

Анализ проблемного поля показывает, что инновации, инновационность пока что в основном изучалась применительно к экономическому развитию (и значительно меньше – к сфере национальной безопасности). Так, в электронном ресурсе Российской государственной библиотеки из 500 источников (диссертаций), содержащих в названии слово «инновации», 473 работы выполнены по экономическим специальностям (из них 2 – на стыке с педагогикой). Остальные 27 диссертационных исследований распределились следующим образом: 10 выполнены по педагогическим наукам, 6 – по социологии, по 3 – по истории и техническим наукам, 2 – по филологии и по 1 – по политологии, культурологии и медицинским наукам³⁷⁷.

Известно, что понятие «инновации», «нововведения» связано с именем австрийского экономиста Й. Шумпетера, который в 1912 г. в работе «Теория хозяйственного развития» ввел термины «новатор» и «нововведение». Он определил нововведение как использование новых комбинаций существующих производительных сил для решения коммерческих задач. Именно эти нововведения, по мысли Й. Шумпетера, определяют развитие экономики. В современной международной практике понятие «инновации» расширилось и включает новые организационные процессы, связанные с производством и реализацией продукции и услуг³⁷⁸ (в том числе, управление и маркетинг).

Далее американский исследователь Д. Кэш предложил понятие «синтетических инноваций», поскольку они реализуются на основе синтеза информации, знаний опыта и материалов, которые ранее не применялись или применялись другим образом. В настоящее время инновационные процессы все более широко и глубоко захватывают пространство общественных отношений и, видимо, их в немалой степени детерминируют.

Динамичная трансформация самих этих социальных отношений создает неопределенность в социуме, дезорганизует механизмы их самоупорядочения. Вообще, наличие рисков и некоторой степени неопределенности, всегда сопровождающих социальное развитие, по всей видимости, является имманентной чертой социальных инноваций³⁷⁹ (без рисков же, как правило, получается «застой»). При этом инновации могут возникать как спонтанно, так и организованно, поэтому государству и политической системе становится все труднее, а часто и невозможно не только различать позитив и негатив социальных инноваций, но и жестко управлять ими.

Кроме того, в области национальной безопасности все сферы общественной жизни взаимосвязаны. Это означает, что любая социальная новационная модель, любое

³⁷⁷ Российская государственная библиотека//URL. <http://diss.rsl.ru/?menu=disscatalog/> (дата обращения 15.08.2009).

³⁷⁸ Николаев, А.В. Механизм оценки и эффективности использования инноваций: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 12.

³⁷⁹ Брега, А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности. М., 2007. С. 5-6, 9-10, 16-17.

изменение общественного масштаба может довольно неожиданным образом сказаться на социуме и системе национальной безопасности, поскольку, как отмечает исследователь С.В. Кортунов, управлять новациями и в целом творчеством практически невозможно³⁸⁰.

Существует еще одна важная особенность социальных инноваций. Дело в том, что в поисках возможности максимально эффективно осуществить свою деятельность государство может и должно само становиться источником (конечно, не единственным) социальных инноваций. Причина такого положения заключается в объективной важности политических решений для инновационно трансформирующегося социума (все современные информационные общества по определению являются инновационно ёмкими³⁸¹). Если высшая власть не инициирует инновации, то она уступает социальную инициативу другим социально-политическим акторам. Именно элитные группы способны осмыслить необходимость и социально-политическую значимость новаций³⁸² (которые, как правило, большинством граждан не всегда воспринимаются позитивно). Именно лучшие представители политической элиты могут и должны, как считает профессор О. Крыштановская, не только распоряжаться ресурсами, но и предлагать альтернативы общественного развития³⁸³.

В связи с этим, политические лидеры, говоря об инновационном развитии, все же имеют в виду изменение всего образа мышления, действий органов государственной власти, граждан в направлении от традиционного к инновационному.

Однако для обычного гражданина само по себе слово «инновации» ничего не дает, поэтому для социального пространства крайне необходимы позитивные политические инновации сверху, то есть исходящие от политической системы общества, что исключает возможность появления радикальных перемен. Все другие (не политические) нововведения, как правило, выдвигаются другими субъектами: общественными и экономическими (их появлению, развитию и внедрению власть не должна мешать).

И в этом можно согласиться с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, полагающим, что «инновационный путь развития – не только технолого-экономический, но и политический лозунг на ближайшие годы»³⁸⁴.

Что же такое инновационная политика в современном обществе? Существует несколько точек зрения на этот счет. Так, по мнению исследователя А.Д. Артамонова, государственная инновационная политика – это неотъемлемая часть государственной политики, направляемая с учетом соответствующих приоритетов, установленных органами государственной власти, и реализуемая при помощи взаимоувязанных экономических, нормативно-правовых, иных механизмов государственной поддержки конкурентоспособных предприятий³⁸⁵.

Пожалуй, такое определение трудно для восприятия и, по всей видимости, носит достаточно узкий характер, поскольку вряд ли эта политика сводится только к различной

³⁸⁰ Кортунов, С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М., 2007. С. 105-106.

³⁸¹ Рунов, А.В. Особенности коммуникативной среды в моделях информационного общества. М., 2003. С. 116-121.

³⁸² Инновационная подготовка кадров государственной службы / Под общ.ред. В.Л. Романова, Л.А. Василенко. М., 2006. С. 15.

³⁸³ Крыштановская, О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 109-110.

³⁸⁴ Инновационная политика государства и пути ее реализации: Материалы постоянно действующего семинара работников республиканских и местных органов государственной власти. Минск, 2004. С. 36.

³⁸⁵ Артамонов, А.Д. Инновационная политика в России: механизм реализации. СПб., 2005. С. 30.

поддержке конкурентоспособных предприятий. В данной дефиниции преобладают экономические аспекты, однако достаточно рельефно представлена роль государства.

Исследователи И.П. Денисова, Л.Р. Клиновенко, А.В. Щербина полагают, что государственная инновационная политика – это цели государства в области науки, техники, а также технологии, нашедшие свое отражение в национальных научно-исследовательских и инновационных программах, планах³⁸⁶ и в этом определении ключевым рассматривается целеполагание, реализованное в конкретных документах.

Участниками круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий» основная задача государства в инновационной сфере видится в формировании на перспективу внутреннего рынка сбыта отечественной продукции, создание государственного механизма с задачей превращения научных разработок в коммерческое товарное средство, создание и установление будущего рынка гарантированного сбыта наукоемкой отечественной продукции³⁸⁷.

Данное определение носит в основном экономический характер. В то же время в нем зафиксирована важная взаимосвязь между наукой (научными разработками) и коммерческими ее потребителями (рынком).

Основными принципами инновационной политики являются, по мнению участников этого круглого стола, следующие: системный подход; консолидация средств федерального бюджета на решении приоритетных задач; широкое развитие фундаментальных исследований; создание, совершенствование исследовательской инфраструктуры; усиление роли междисциплинарного подхода; координация, организация эффективного взаимовыгодного межотраслевого и международного сотрудничества в области исследований и их практического использования³⁸⁸.

Например, участники круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации» определили перечень механизмов государственной инновационной политики³⁸⁹. Это такие механизмы, как особые экономические зоны; технопарки; венчурные кампании и фонды; банки развития; налоговое стимулирование. А участники другого круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» полагают, что есть технологические и экономические возможности для реализации эффективной инновационной политики, но необходима система понятных и обязательных для всех правил³⁹⁰.

Видимо, разработка, внедрение этих правил и составляет сущность инновационной политики, а руководство Российской Федерации, ее законодательные и исполнительные органы уделяют определенное внимание вопросам совершенствования методов, критериев государственного регулирования инновационной деятельности, ускорения научно-технического прогресса, развития инноваций. Видимо, развитие инноваций объективно

³⁸⁶ Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Р/на/Дону, 2006. С. 63.

³⁸⁷ Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий в Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2005. С. 59.

³⁸⁸ Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий в Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2005. С. 58.

³⁸⁹ Материалы круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации». М., 2007. С. 3-4, 6.

³⁹⁰ Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (стенограмма). М., 2006. С. 7.

предполагает комплексное сочетание с научно-техническим прогрессом, эффективной промышленной политикой, практической реализацией научных и технических разработок. Например, в Указе Президента РФ 1996 г. № 558 «О мерах по развитию фундаментальной науки в РФ и статусе РАН» перечислены первоочередные меры по сохранению фундаментальной науки в условиях переходной экономики и определен статус Российской академии наук (РАН) в новых условиях хозяйствования³⁹¹.

Федеральным законом Российской Федерации 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» сформулированы и закреплены цели государственной научно-технической политики. Концепция инновационной политики утверждена Постановлением Правительства РФ от 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы»³⁹². Законодательно инновационная политика утверждена Федеральным законом от 1999 г. № 535-СФ «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике»³⁹³.

Постановление Правительства РФ от 1999 г. № 651 «О формировании федеральных центров науки и высоких технологий» утвердило правомочность, принципы создания, функционирования новых образований инновационной деятельности – федеральных центров науки и высоких технологий³⁹⁴. Порядок использования результатов научно-технической деятельности, взаимоотношения сторон (разработчиков и пользователей) утвержден Постановлением Правительства РФ от 1999 г. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности»³⁹⁵.

Долгосрочная перспектива развития науки и технологий в России была определена такими документами, как Постановлением Правительства РФ 2001 г. № 605 «О федеральной целевой научно-технической программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002-2006 годы» и «Основами политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (Утв. Президентом РФ 30 марта 2002 г.).

Адаптируя содержание этих документов к государственному регулированию сферы безопасности, следует признать, что важнейшими его направлениями (в области инновационного развития) в начале XXI века в российском обществе являются:

- приоритет прикладных исследований и разработок для сферы безопасности;
- активизация проведения научных разработок в области применения науки и технологий в сфере безопасности;
- формирование инновационной национальной системы и ее агрегирование со сферой безопасности;
- инновационное развитие системы подготовки кадров для сферы безопасности современного общества;

³⁹¹ Указ Президента РФ 1996 г. № 558 «О мерах по развитию фундаментальной науки в РФ и статусе РАН» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. Ст. 1845.

³⁹² Постановление Правительства РФ 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы» // Там же. Ст. 3886.

³⁹³ Федеральный закон 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Там же. 1996. Ст. 1.

³⁹⁴ Постановление Правительства РФ 1999 г. № 651 «О формировании федеральных центров науки и высоких технологий» // Там же. Ст. 3127.

³⁹⁵ Постановление Правительства РФ 1999 г. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности» // Там же. 1999. Ст. 4412.

- использование результатов интеграции образования и науки в интересах сферы безопасности и, особенно, биобезопасности;
- развитие международного научно-технического сотрудничества в вопросах безопасности и биобезопасности.

В этих документах в отношении государственного участия и влияния на инновационную деятельность используются термины «государственная инновационная политика», «государственное управление», «государственное регулирование», «институциональная система государственной поддержки инновационной деятельности», «инновационная национальная система».

Однако часть дефиниций этих терминов так и не была сформулирована, и их соотношение между собой не было установлено. Понятие «инновационная национальная система» в этом документе также не нашло своего выражения, как и не была определена система управления инновационной деятельностью³⁹⁶.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в научной литературе употребляется много понятий, определяющих регулирование инновационными процессами, но очень мало внимания уделяется экономическим субъектам, которые и должны осуществлять инновационную деятельность. Это объясняется тем, что после периода рыночных преобразований государственная власть по-прежнему предпочитает в экономике действовать в основном методами государственного, а не рыночного регулирования.

Необходимо отметить, что в целом со стороны руководства государства наблюдается желание осуществлять содействие инновационным процессам, поддерживать их в финансовом плане и законодательно в рамках конкретных программ и по отдельным направлениям развития. Решение о том, что в основе развития инновационной деятельности в стране должно быть только саморегулирование рынка в целом уже признано как ошибочное. Однако сегодняшнее участие государства в процессе развития инновационной деятельности осуществляется на уровне законодательного регулирования (причем, в недостаточном объеме) и в форме построения новых элементов государственной институциональной структуры.

Интересно, что в рамках инновационной деятельности, например, уже в 1997 году Министерством экономики Российской Федерации в проекте концепции инновационной политики отдавался приоритет трем инновационным стратегиям: стратегии переноса (закупка лицензий на высокоэффективные технологии); стратегии заимствования и стратегии наращивания или интегрирования фундаментальной науки. Трудности их реализации (нехватка капитала, технологическое отставание, неуправляемость рыночных процессов и др.), позволили сформулировать как необходимость формирование новых интеграционных инновационных стратегий, ориентированных на формирование отраслевых научно-технологических парков на базе технических, технологических вузов России, наукоградов³⁹⁷.

³⁹⁶ Глущенко, И.И. Система стратегического управления инновационной деятельностью. Железнодорожный, 2006. С. 31.

³⁹⁷ Кравцова, В.И., Карунин, А.Л., Катанаев, Н.Т., Никитина, Т.Е. и др. Инновационная модель развития: Теория и практика нововведений. М., 1998. С. 28.

Проанализировав содержание основных законодательных актов Российской Федерации по инновационной деятельности, можно выделить в них следующее недоработки:

1. Законодательно в российском обществе не определены планируемые результаты инноваций, что не позволяет правильно сформулировать цели и задачи инновационной деятельности.

2. Не определены критерии оценки реалистичности ранее поставленных целей инновационной деятельности.

3. Отсутствие формальных (но заранее проработанных и законодательно закрепленных) критериев результативности инновационной деятельности снижает эффективность существующей институциональной системы господдержки инновационной деятельности.

4. Парламентом страны и высшей исполнительной властью не определены критерии оценки эффективности расходования бюджетных средств с учетом специфики инновационной деятельности.

5. Также пока не разработаны критерии оценки качества управления бюджетной и социально-экономической инновационной деятельностью (применительно как к государственным структурам, так и к иным экономическим субъектам).

6. Создание эффективной системы стратегического управления инновационной деятельностью не выделено на законодательном уровне в качестве первоочередной задачи государственного управления. В результате анализ практической реализации принятых в современной России постановлений в сфере инновационной деятельности дает неоднозначную картину.

Например, исследователи С. Гаврилов, М. Рылов, В. Страшко заключают, что «Принятые правительством в 2000-2001 гг. постановления по учету НИОКР, зачислению в доход федерального бюджета и использованию средств, полученных от нематериальных активов, не выполнены, причем настолько провально, что соответствующие статьи федеральных законов о федеральном бюджете пришлось исключить либо модифицировать»³⁹⁸.

Или другой пример. Известный экономист С. Валентей в статье «Формирование национальной инновационной системы в России: проблемы и условия», отмечая всеобщее понимание необходимости инновационной деятельности для развития государства, считает, что «было бы ошибкой полагать, что для развития экономики инноваций в России достаточно, например, увеличить вложения в НИОКР. Сфера науки и научной деятельности, очевидно, нуждается в существенном реформировании, предельно высока бюрократизация управления. Это увеличивает транзакционные издержки и ограничивает участие малого бизнеса в инновационном процессе, нацеливая его на менее рискованные сферы»³⁹⁹.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что заявления о ликвидации административной системы управления инновациями в государстве пока не привели к созданию новой эффективной (рыночной, смешанной или какой-либо иной)

³⁹⁸ Гаврилов, С., Рылов, М., Страшко, В. и др. Инновационный потенциал ускоренного развития страны // Экономист.2004. № 4. С. 59-69.

³⁹⁹ Валентей, С. Формирование национальной инновационной системы в России: проблемы и условия// URL. <http://www.disserscat.com/content/formirovanie-natsionalnoi-innovatsionnoi-sistemy-mirovoi-opyt-i-rossiiskie-perspektivy> (дата обращения 10.12.2009).

системы управления инновационной деятельностью. Отметим также, что основные достижения отечественной науки, признанные на мировом уровне, были сделаны в прошлом – в рамках достаточно жесткого государственного управления инновационной деятельностью и плановой экономики.

Конечно, в последние годы в российском обществе наметились определенные изменения как в практических действиях различных экономических субъектов, так и в стратегиях экономического развития.

Так, исследования, проведенные профессором Российской академии государственной службы при Президенте РФ Е.Е. Румянцевой, позволили ей сделать вывод, что методологически верным является разделение стратегии развития хозяйствующих субъектов государства на два типа: инновационный, ориентированный на постоянное внедрение нововведений, и бюрократический, ориентированный на консервацию существующих организационных структур⁴⁰⁰.

Специалисты полагают, что отличительным признаком новой, инновационной экономики становится ускоренное развитие нематериальной сферы и нематериальной среды хозяйственной деятельности⁴⁰¹. Именно такое экономическое развитие по своей сущности становится инновационным. В научных работах по экономике инновации чаще всего связываются с инвестициями или технологическими нововведениями, несколько реже – с новыми информационными технологиями. В них отмечается, что в России необходимо по-новому готовить кадры для рыночной экономики, а низкий уровень инновационного развития российского общества консервирует низкие инновационные и инвестиционные потребности экономики, создает прямую угрозу ее национальной безопасности⁴⁰².

Определяя прикладную разницу в стратегиях бизнеса и государственного экономического развития в России, следует подчеркнуть, что бизнес, нацеливаясь на получение быстрой и максимальной прибыли, нуждается в системной постоянной инновационной деятельности. Бизнес, рискуя, постоянно внедряет инновации, концентрируется на результатах деятельности, учится на ошибках и выдвигает на первый план необходимость достижений, приносящих прибыль. Такая стратегия во многом полезна и предприятиям государственного экономического сектора. Государственная российская экономика, декларируя курс на инновационность, пока не может обойти рутинную деятельность, да и концентрируется, как правило, на самой деятельности, а не на результатах, оперирует интересами структуры, избегает ошибок, а за появление ошибок наказывает исполнителей. Но такая ситуация складывается далеко не во всех странах. Так, в Европе путь инновационного развития в настоящее время предполагает несколько существенных моментов:

Во-первых, растет доля предприятий, занятых инновационной деятельностью.

Во-вторых, изучение потребительского спроса укрепляет сотрудничество между производителями и потребителями.

⁴⁰⁰ Румянцева, Е.Е. Инновационная стратегия экономического развития. М., 2006. С. 3-4.

⁴⁰¹ Циренщиков, В.С. Европа: тенденции инновационного развития. М., 2004. С. 13.

⁴⁰² По данным Росстата в 2004 г. всего лишь 10,5% обследованных предприятий в нашей стране являлись инновационно активными. См.: Курочкин В.Н. Правовое обеспечение инновационной деятельности в интересах экономической безопасности России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

В-третьих, считается, что конкурентное давление национальных и глобальных рынков стимулирует инновационный процесс⁴⁰³.

В европейских странах и США предпринимательский сектор являлся ранее и является в настоящее время важнейшим сегментом национальных инновационных систем⁴⁰⁴.

Если экстраполировать европейский путь инновационного развития на российскую почву, то пока в нашей стране явно недостаточно развит частный сектор, государство часто вмешивается в конкурентную борьбу, недостаточно эффективно организована защита интеллектуальной собственности (см. таблицу 4). Из содержания таблицы четко видно, что пока наша страна по индексу инновационной способности и инновационного развития занимает одно из последних мест среди экономически развитых государств. Причем самый лучший показатель у нашей страны (7-е место) – по уровню подготовки научных кадров, а самые худшие показатели – по развитости негосударственных компаний, инновационной политики и инновационной структуры.

В Российской Федерации одной из проблем является проблема внедрения, то есть восприятия рынком нововведений, а не организации и проведения тех или иных научных разработок⁴⁰⁵. Есть мнение, что признаками инновационной политики в нашей стране является ее монетарный и ведомственный характер, а также декларативность, краткосрочность, обрывочность и оторванность от экономической политики⁴⁰⁶.

Так как же мы можем охарактеризовать отечественную инновационную политику? В современной научной мысли известны три типа моделей научно-инновационного развития промышленно развитых стран⁴⁰⁷.

Первая модель ориентирована на лидерство в науке, реализацию крупных целевых проектов, национальный охват всех стадий научно-промышленного цикла (к странам с такой моделью обычно относят США, Великобританию и Францию).

Вторая модель ориентирована на распространение нововведений путем создания благоприятной среды, рационализации всей структуры экономики (такая модель распространена в Германии, Швеции, Швейцарии).

В рамках третьей модели предполагается стимулирование нововведений путем развития инновационной инфраструктуры, обеспечения восприимчивости национальной экономики к достижениям мирового научно-технического прогресса, координации действий различных секторов в области науки и технологий.

Несмотря на кажущуюся легкость определения модели для нашей страны, тем не менее заметим, что различные ученые по-разному оценивают как ее инновационный потенциал, так и перспективы развития. Так, заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, академик В. Полтерович полагает, что преимущество России заключается в возможности заимствования уже созданных институтов, технологий управления и методов

⁴⁰³ Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М., 2005. С. 41-42.

⁴⁰⁴ Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы. М., 2002. С. 81.

⁴⁰⁵ Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы. М., 2002. С. 187.

⁴⁰⁶ Инновационный потенциал России: проблемы активизации использования / Под ред. Т.П. Николаева, Е.М. Коростышевской, А.В. Бутуханова и др. СПб., 2007. С. 111.

⁴⁰⁷ Подробнее см. об этом: Артамонов, А.Д. Инновационная политика в России: механизм реализации. СПб., 2005. С. 22-23.

производства. Он уверен, что в этой ситуации есть место и инновациям, которые могут стать основой для догоняющей стратегии⁴⁰⁸.

Со стратегией «догоняющего развития» солидарен еще один российский академик – директор Института экономики РАН Р. Гринберг⁴⁰⁹.

С таким подходом к развитию экономики не согласен первый вице-премьер И.И. Шувалов. Выступая на XII Петербургском международном экономическом форуме, он обозначил ключевые проблемы, которые могут сыграть роль «ловушек» на пути долгосрочных планов, обозначенных в проекте концепции социально-экономического развития страны до 2020 года. Первая ловушка, по мнению И.И. Шувалова, «психология догоняющего», когда мы стремимся догнать и перегнать другие страны, а в итоге создаем однобокие модели, забываем о социальных аспектах. Это обернулось «не совсем удачным копированием форм экономики и иностранного образа жизни». Но российскому обществу, считает И.И. Шувалов, необходим прицел на лидерство и создание такой модели, на которую, напротив, ориентировались бы другие страны⁴¹⁰.

Маловероятно, что созданные еще в советское время оборонно-промышленный или энерго-добывающие комплексы смогут стать основой для так называемого инновационного «прыжка». Нет сомнений в том, что руководство нашего государства ведет поиск путей улучшения инновационной политики. Так, итоги работы XII Петербургского международного экономического форума (2008 г.) позволяют судить об изменении определенных ориентиров в инновационной политике государства. Высшее руководство хочет получить ответы на целый ряд вопросов. Откуда нам ждать осложнений? Как характеризуются риски в экономике? Реализация, каких задач позволит к концу 2008 года – стать по масштабам шестой экономикой мира? Ответ руководства государства проиллюстрирован в заявлениях о новых векторах в политике государства и заключается в следующем:

- стремление к лидерству и созданию такой экономической модели, на которую ориентировались бы другие государства;
- превращение энергетики в локомотив экономического развития, перевод ее на инновационные рельсы и создание стимулов для энергосберегающих технологий;
- тотальное обновление кадров (на основе реформы образования);
- смена нездорового образа жизни, использование биотехнологий;
- избыток государства в экономике будет удален.

Осуществление этих направлений развития позволит, как считают ее авторы, реализовать планы «концепции-2020», озвученной на XII Петербургском международном экономическом форуме. Реалистичность официальной концепции следует оценить критически. Например, откуда может взяться в российском обществе передовая экономическая модель, на которую ориентировались бы другие государства? Или другой вопрос: на основании чего энергетика превратится в локомотив экономического развития

⁴⁰⁸ По мнению академика В. Полтеровича, в России сейчас никакое инновационное развитие невозможно, только догоняющее. Но в этом нет никакой трагедии, а сам термин «догоняющее развитие» не несет никакого негативного смысла. См. подробнее: Ваганов А. Стратегический СИГМАлион // НГ-Наука. 2008, 14 мая.

⁴⁰⁹ Академик Р. Гринберг считает, что институты совершенствуются только по мере того, как начинается содержательная политика. В России нет объекта для работы мелкого и среднего инновационного бизнеса, поэтому этот бизнес занят только в торговле. Нет индустриальных гигантов, вокруг которых «клубятся» мелкие фирмы. См. подробнее: там же.

⁴¹⁰ Кукол, Е. Пять «ловушек» для нашей экономики // Российская газета. 2008, 11-18 июня.

(даже в условиях перевода ее на «инновационные рельсы»)? Весь мировой опыт свидетельствует об обратном. Не совсем понятно также, каким образом избыток государства в экономике будет удален? Какие пути, рычаги, конкретные механизмы для этого будут задействованы? По всей видимости, пока заявления высшего руководства носят в немалой степени пиаровский характер.

Определенные усилия в рамках инновационной политики предпринимаются также исполнительной властью. Правительством РФ утверждено создание ОАО «Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий» («Росинфокоминвест») и «Российская венчурная⁴¹¹ компания» (РВК), призванных осуществлять финансирование перспективных инновационных проектов, а также стимулировать разработки коллективов малых и средних предприятий в сфере инфокоммуникационных технологий⁴¹².

Понимая важность данной задачи, ее определяющее влияние на развитие экономики страны, а также необходимость общественного контроля за распределением средств венчурных фондов, 12 сентября 2006 г. в Москве учреждена Национальная Ассоциация Инноваций и Развития Информационных Технологий (НАИРИТ). Ее учредителями выступили институты Российской Академии Наук, РАЕН, отраслевые государственные предприятия, крупнейшие ИКТ – компании, коллективы-разработчиков перспективных ИКТ-технологий. Ассоциация тесно сотрудничает с Администрацией Президента РФ, Счетной Палатой РФ, Федеральным Собранием РФ, Министерством РФ по информационным технологиям и связи, Министерством РФ по экономическому развитию, Торгово-промышленной Палатой РФ и другими органами. У представителей крупного бизнеса также есть свое понимание инновационной политики в России. Так, владелец группы ОНЭКСИМ М. Прохоров в выступлении на IV ежегодном Конгрессе национального бизнеса (июль 2008 г.) обнародовал пять шагов, необходимых России для превращения в инновационную державу. Он предлагает увязать пять элементов: взаимодействие науки и бизнеса, государства и бизнеса, конкурентные преимущества страны, определить приоритеты развития, а также создать инфраструктуру инновационной экономики⁴¹³.

Кроме того, бизнесмен полагает, что государству, бизнесу необходимо выработать новую инновационную модель на основе гибрида американской и китайской моделей (в частности, взять от американцев четкое бизнес-планирование, а от китайцев – быстрое внедрение инноваций). Между тем председатель экспертного совета «Единой России» А. Данилов-Данильян полагает, что пять элементов программы М. Прохорова неизбежно

⁴¹¹ Венчурность (рисковость) капитала и фондов необходима, т.к. без рисков нет инноваций.

⁴¹² Инфокоммуникационных технологий//URL. [http: www.nair-it7ru/assotiation.php](http://www.nair-it7ru/assotiation.php) (дата обращения 15.12.2009).

⁴¹³ М. Прохоров считает, что классические технопарки уходят в прошлое, за счет развития Интернета на смену им приходит новая система – научный интегратор (в центральном офисе может работать от одного до десяти человек, которые разбивают общую задачу на части и размещают заказы на выполнение работы по всему миру). России сразу перейти от нынешних технопарков к системе научного интегратора невозможно. Поэтому предлагается сделать промежуточный этап – так называемый технохаб, главная задача которого – создать мостик между наукой и бизнесом. Нужно построить несколько суперсовременных научных центров с универсальными лабораториями, в которых идеи трансформируются в изобретения, затем в технологии, а на последнем этапе все это подхватывает бизнес и начинает реальное производство. См. об этом подробнее: Егоров, М. Пять шагов, необходимых России для превращения в инновационную державу // Независимая газета. 2008, 3 июля.

наткнутся на шестой – это бюрократия, которая встанет на пути технохабов и научных интеграторов.

Сегодня в российском обществе не разрешено основное противоречие инновационной системы между фундаментальной наукой, создавшей задел, даже неплохие технологии, и их реальным внедрением (иногда считается, что внедрять их некому и незачем, т.к. все или почти все ранее делалось для ВПК). То есть, бизнесу проще приобрести технологии за рубежом, а государственная экономика СССР/России никогда эффективной не была и вряд ли в условиях рынка может быть эффективной.

Однозначно охарактеризовать инновационную политику российского общества в настоящее время весьма сложно. Так, исследователи Т.П. Николаева, Е.М. Коростышевская, А.В. Бутуханов определяют ее сущность как комплекс мер, мероприятий, направленных на продвижение новой или улучшенной продукции на рынок. Данный вид политики, полагают эти ученые, является частью инновационного потенциала народного хозяйства⁴¹⁴.

В своей работе И.П. Денисова, Л.Р. Клиновенко, А.В. Щербина выделяют три варианта инновационной политики: технологического толка, рыночной, социальной ориентации⁴¹⁵. Эти исследователи предлагают отказаться от государственной политики нелиберального типа, активизировать инвестирование для развития высокотехнологичных отраслей, наукоемкой продукции, а также считают, что только активизация инновационной деятельности способна улучшить экономическую ситуацию.

Основные положения государственной инновационной политики:

- согласование стратегических целей обеспечения конкурентоспособности национального хозяйства;
- повышение эффективности производства и рост жизненного уровня населения на основе вовлечения в хозяйственный оборот наукоемких, информационных технологий;
- опора на предпринимателей;
- выбор наступательной инновационной стратегии;
- оценка общественного воспроизводства, структурного и институционального состояния национальной экономики с учетом положения ее в мировом хозяйстве;
- выявление первоочередных макроэкономических задач;
- создание инфраструктуры инновационной сферы национальной экономики;
- государственное регулирование инновационного процесса;
- выработка и реализация путей инновационного взаимодействия государственного и частного секторов экономики⁴¹⁶.

⁴¹⁴ Кроме инновационной политики, инновационный потенциал включает разветвленную, доступную для всех слоев населения образовательную систему, высокотехнологичный комплекс и эффективную систему использования объектов интеллектуальной собственности. См.: Инновационный потенциал России: проблемы активизации использования / Т.П. Николаева, Е.М. Коростышевская, А.В. Бутуханов и др. СПб., 2007. С. 111.

⁴¹⁵ Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Р/на/Дону, 2006. С. 126.

⁴¹⁶ Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Ростов-на-Дону, 2006. С. 124.

Инновационная политика в современном обществе объективно связана с научной деятельностью, поскольку она производит новый или усовершенствованный (чаще всего, интеллектуальный) продукт, новый или усовершенствованный технологический процесс. В свое время Генри Адамс сформулировал закон о том, что прогресс общества и науки нарастает с ускорением. Любой инновационный, как и научный, процесс начинается с идеи, поэтому можно согласиться с теми учеными, которые полагают, что для всех инноваций характерен интеллектуальный эффект. Чаще всего инновационное развитие науки связано с научными и технологическими парками, технополисами и регионами науки⁴¹⁷.

Считается, что научно-технический прогресс не потерял своей социальной значимости, а ряд специалистов полагает, что научный менеджмент является стратегическим фактором инновационного развития⁴¹⁸. Если сопоставить научную политику с политикой в целом, можно заметить одно неоднозначное явление. Профессор М.В. Рац размышляет об этом следующим образом: «В «большой политике» упор делается на самобытность России, национальную культуру, «суверенную демократию», на выработку собственного пути в будущее. Но как только речь заходит о политике в сфере науки и инноваций, мы старательно следуем в кильватере Запада»⁴¹⁹.

При этом М.В. Рац полагает, что научно обоснованной политики не бывает, и это касается политики в сфере науки, как не бывает и инновационной политики. Автор утверждает, что формирование национальной инновационной системы связано с возникновением новых и переосмыслением старых типов мышления и деятельности, специальностей и профессий⁴²⁰.

Иногда, чаще всего по умолчанию, в российском обществе источником инноваций считается академическая наука в лице Российской академии наук. Профессор Государственного университета – Высшей школы экономики С.Г. Кордонский, однако, утверждает, что эта наука вряд ли может стать источником инновационного развития, если сохранит основные принципы своей организации и функционирования. По его мнению, можно сколько угодно повторять тезисы о величии отечественной науки, но от этого на рынках не станет больше инновационных товаров отечественного производства⁴²¹.

Очевидно, что для решения задач инновационного развития необходимо выстроить отношения между государством, бизнесом и научным сообществом и дистанцироваться от академической науки с «ее служением истине». Необходимы прямые, не опосредованные академической наукой контакты государства с научным сообществом. Однако это сейчас невозможно, так как задачи инновационного развития формулируются на федеральном уровне, где с властью коммуницирует только академическая наука, несовместимая с инновационными процессами.

⁴¹⁷ Авдулов, А.Н., Кулькин, А.М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М., 2005. С. 4-6.

⁴¹⁸ Али-заде, А.А., Логин, В.Н. Научный менеджмент – стратегический фактор инновационного развития: Научно-аналитический обзор. М., 2005. С. 16-17.

⁴¹⁹ Рац, М.В. Инновационная политика и наука. Любая сложившаяся и исправно функционирующая система деятельности будет отторгать любую попытку ее перестроить // ИГ-Наука. 2008, июнь.

⁴²⁰ Рац, М.В. Инновационная политика и наука. Любая сложившаяся и исправно функционирующая система деятельности будет отторгать любую попытку ее перестроить // ИГ-Наука. 2008, июнь.

⁴²¹ Кордонский, С.Г. Служение истине и инновационное развитие. Гипертрофированное стремление к «чистой» науке оставляет страну без современных технологий // ИГ-Наука. 2008, 28 мая.

Профессор С.Г. Кордонский дает оценку зрелости отечественного научного сообщества, которое, как это ни парадоксально, не имеет практически никаких иных институализаций, кроме академической. Даже технические общества, весьма развитые при советской власти, в настоящее время прекращают свое существование. Можно согласиться с выводом С.Г. Кордонского о том, что без прямой заинтересованности муниципальных властей в успехе инновационных начинаний почти любое дело обречено на провал, даже если федеральные власти сформируют корпус нормативных актов, стимулирующих инноваторов⁴²². Совершенно справедливо делается вывод о необходимости в какой-то форме делегировать инновационные функции с федерального на муниципальный уровень власти, подкрепить их специальными федеральными грантами, преференциями⁴²³.

Например, фармацевтическая отрасль в современной экономике России считается базовой для инновационного развития. Находясь на стыке экономической, социальной, научной сфер, фармацевтика показывает «социальную инновационность» государства. Так, руководитель проекта Центра высоких технологий «ХимРар» А. Иващенко утверждает, что можно быстро обучиться тому, что прошли западные научные школы за эти 15-20 лет⁴²⁴. Он обеспокоен состоянием корпуса молодых ученых. С момента провозглашения В.В. Путиным на совещании в Новосибирске «инновационного курса» прошло более трех лет, но даже при обилии денег механизмы реализации этого курса так и не заработали. Научная молодежь по-прежнему остается невостребованной. Отток научных кадров за границу замедлился, но все еще очень высок⁴²⁵, что актуально и в современной Республике Беларусь. В российском обществе происходит массовая дисквалификация и «вымывание» исследовательских, инженерных и технических кадров.

В итоге, есть основания считать, что бизнес (в том числе наиболее массовый – малый и средний) смогут сформировать инновационную экономику. Государству это, видимо, не по силам в принципе. Во многих европейских странах и в США давно это поняли. Поэтому в этих странах более 83% граждан занято в малом бизнесе, а в России эта цифра уже много лет не превышает 17%. Главной задачей инновационной политики является создание условий для экономических субъектов. При этом государство должно взять на себя финансирование тех направлений инновационной деятельности, которые

⁴²² С.Г. Кордонский приводит пример Московского общества испытателей природы, исчезнувшего из научного пространства. Он считает, что научное сообщество, за исключением городов федерального значения, существует по большей части на муниципальном уровне и в меньшем – на региональном, куда государственные интенции доходят с большим трудом. И проблемы у членов этого сообщества, кроме институциональных, связаны гораздо больше с муниципалитетами, чем с федеральными институтами: проблемы аренды помещений, предоставления землеотводов, создания технической и информационной инфраструктуры. См.: Кордонский, С.Г. Служение истине и инновационное развитие. Гипертрофированное стремление к «чистой» науке оставляет страну без современных технологий // НГ-Наука. 2008, 28 мая.

⁴²³ См.: там же.

⁴²⁴ А. Иващенко считает: если вернуть хотя бы часть из тех ученых, которые уехали за рубеж (как делает, например, Китай), то у нас тут же возникли бы современные лаборатории, и мы могли бы развивать науку именно с того уровня, на котором она находится на Западе. Понятно, вернувшимся ученым надо платить не те деньги, которые сегодня зарабатывают в российской науке. Должны быть серьезные гранты. По его оценкам, на одного такого ученого надо выдавать минимум 100 тысяч долларов годовых. См. подробнее: Пустовалова, Е. Вакуум между наукой и индустрией // НГ-Наука. 2008, 11 июня.

⁴²⁵ За три года Россию покинули 20 000 ученых, главным образом молодых. См. подробнее: Костиков В. Или осел подохнет или шах ... Инновации упираются в саботаж бюрократии // Аргументы и факты. 2008, 11-17 июня.

способны вывести экономику из состояния трансформационного кризиса в стадию долговременного подъема⁴²⁶.

Государство должно создать, как справедливо считают участники круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации», понятные и привлекательные для бизнеса условия для инвестирования средств в высокие технологии⁴²⁷. Правительству предлагается воссоздать национальную инновационную службу для сбора, обработки и распространения научной и научно-технической информации⁴²⁸.

Государство должно создать и вести учет национального интеллектуального богатства, которое уже создано⁴²⁹. Роль гражданского общества и бизнеса заключается в том, чтобы лоббировать интересы наукоемкого производства⁴³⁰ (поэтому нужен закон о лоббизме), что особенно актуально для современного общества.

Инновационная политика как форма регулирования сферы безопасности современного общества – это сложный процесс согласования стратегических целей государства с общественными целями. Конечной целью этой политики является обеспечение динамичного социального развития и создание инфраструктуры инновационной сферы национальной экономики. Кроме того, важной ее целью должна стать высокая степень конкурентоспособности национального хозяйства, обеспечивающего эффективность производства и рост жизненного уровня населения с опорой на предпринимателей. Эффективная инновационная политика необходима для развития высокотехнологичных отраслей, наукоемкой продукции, которые позволят улучшить экономическую ситуацию. Бизнес, например, в российском обществе может и должен стать полноправным субъектом инновационной экономики, особенно на этапе внедрения инноваций. При этом ведущая роль в процессе формирования и реализации инновационной политики должна оставаться за политической элитой современного общества. Преобразование традиционной экономики в инновационную, в том числе и за счет разгосударствления, приведет к тому, что наука превратится в главную производительную силу, а образование – в систему по воспроизводству основных производительных сил.

3.3. Перспективы развития сферы безопасности современного общества

Разрабатывая в течение многих лет проблематику государственного регулирования как общественных отношений в целом, так и отдельных сфер общественной жизни и областей человеческой жизнедеятельности, объективно возникла необходимость сформулировать некоторую перспективу регулирования сферы безопасности современного общества. Конечно, следует подчеркнуть, что в двух предыдущих

⁴²⁶ Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Ростов-на-Дону, 2006. С. 127.

⁴²⁷ Материалы круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2007. С. 5.

⁴²⁸ Материалы круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2007. С. 9.

⁴²⁹ Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (стенограмма). М., 2006. С. 25.

⁴³⁰ См.: там же. С. 26.

параграфах отдельно и уже достаточно подробно проанализированы такие пути развития вмешательства в сферу безопасности, как интеллектуальный и инновационный. Эти пути признаны в качестве наиболее перспективных и важных для российской политической элиты, государственной власти, спецслужб, гражданского общества и бизнеса в современных условиях. Но только этими путями проблемы перспективного развития регулирования не исчерпываются, поэтому необходимо было выделить, подробнее раскрыть некоторые другие перспективы, позволяющие ученым не только спокойно размышлять о глобальных вопросах, перспективах и рамках общественного развития, но и формулировать концепции, программы развития сферы безопасности современного общества.

В то же время сложилось ясное понимание того, что предложить что-то принципиально новое невозможно, ведь многие ученые уже обращались к анализу перспектив государственно-общественного влияния (политики) на сферу безопасности. Кроме того, не хотелось полностью оказаться в плену иллюзий, поскольку в принципе можно нафантазировать множество самых, казалось бы, радужных перспектив, но они могут оказаться совершенно несбыточными (даже в отдаленной перспективе).

Важно исследовать следующие перспективы развития сферы безопасности современного общества: взаимосвязь регулирования безопасности с демократическим развитием социума; необходимость сосредоточения на продуцировании, внедрении в общественное сознание ценностей безопасности, биобезопасности; дальнейшее развитие эффективного политического лидерства, эффективной политической элиты; приоритетное развитие информационно-сетевой деятельности; активное вовлечение в сферу безопасности институтов гражданского общества, экспертного сообщества; сосредоточение усилий на развитии институтов как регулирования, так и институтов безопасности и, наконец, обеспечение интеграции, например, России, Республики Беларусь в мировое сообщество (в первую очередь, в так называемое западное сообщество).

Так, в перспективе развитие регулирования сферы безопасности органично взаимосвязано с демократическим развитием общества. Фактически аксиоматичной является идея о том, что если не будет развития человека и общества, то не будет и развития сферы безопасности. Например, обеспечение национальной безопасности не ограничивается, не сводится, например, в российских государственных документах только к функции защиты, а тесно связано с идеей прогрессивного развития социального пространства. В свою очередь, прогрессивное развитие трактуется как развитие демократическое. Перспектива же государственного регулирования сферы безопасности оказывается тесно связанной с демократическим развитием, является ее неотъемлемой частью и одновременно условием ее реализации⁴³¹.

В связи с этим регулирование сферы безопасности должно быть направлено не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по укреплению, развитию правового поля и свобод граждан, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности государства.

Речь может идти о создании интегрированной (в общественное сознание) и долгосрочной перспективной программы развития и целенаправленного влияния на сферу

⁴³¹ КОРТУНОВ, С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 180.

безопасности, особенно что касается биобезопасности. При этом понятно, что идея развития должна, по всей видимости, сменить господствующую до настоящего времени надежду на естественную эволюцию человеческой цивилизации⁴³². Эта мысль созвучна с идеями русской философии, в особенности с мыслями В.И. Вернадского о ноосфере (сфере разума), в которой человеческое мышление и деятельность становятся основной созидательной силой на Земле.

Симфония различных идей развития, способствующая развитию традиций, культуры, духа славянского народа⁴³³ создает благоприятные условия для ее воплощения как в современной России, так и в Республике Беларусь. Так, политическое будущее и внешнеполитический курс Президента России В.В. Путина свидетельствует «о расширении интеграции России, Беларуси и Казахстана, о возможности формирования мощного Евразийского союза и ряде иных перспективных проектов.

На их основе аналитики сходятся во мнениях, что интеграционные устремления на постсоветском пространстве получают новый импульс, а противостояние стран Единого экономического пространства с западными державами может приобрести устойчивые черты»⁴³⁴.

На базе этой идеи может быть построена понятная всему обществу концепция, которая может стать содержательной основой общественного согласия, будет консолидирующим началом для всех субъектов (акторов), институтов безопасности⁴³⁵.

Перспективное развитие современного общества при активном применении методов регулирования сферы безопасности необходимо осуществлять по следующим направлениям:

1. Развитие человека рассматривается в триединстве развития личности, повышения качества и продолжительности его жизни. Во главу угла ставится создание нового образа мышления, нового мировоззрения, обогащение арсенала методов, средств и форм организации мышления и деятельности человека. Определяющее значение при этом имеет мышление человека, а негативные явления социального и экологического порядка – только следствие и результат недостаточно продуманных, необеспеченных решений (в том числе в сфере безопасности и, в частности, биобезопасности).

2. Важнейшим направлением развития сферы безопасности является повышенное внимание со стороны властей к потребностям, интересам каждого гражданина. При этом государство своими продуманными регулирующими действиями должно вселять уверенность своим гражданам в их защищенности, что объективно предполагает наличие эффективных гарантий неприкосновенности частной жизни, частной собственности, а также пресечение любых правонарушений, в каких бы формах и сферах деятельности они ни происходили.

3. Важнейшим из всех видов капитала признается «человеческий капитал». Отсюда следует вывод об основополагающем значении для развития социума одновременного развития образования и науки. Образование в таком ключе выступает как основной интеллектуальный канал развития регулирования безопасности, а наука должна

⁴³² Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. С. 135.

⁴³³ Криштапович, Л.Е. Беларусь как русская святыня. Минск: «Бонем», 2011. С.8

⁴³⁴ Осипов, М. Интеграционное будущее // Народная газета, 8 мая, 2012 г. С. 2.

⁴³⁵ Исмагилов, И.Ф. Перспективы национальной безопасности. Казань, 1998. С. 110-111.

обеспечивать недостающими знаниями сферу безопасности, с одной стороны, и сферу принятия решений, то есть, государственного регулирования, с другой.

4. В дальнейшем в развитии нуждаются новые направления исследований, разработок в науке, нацеленных на мышление, креативную деятельность и знания, которые требуются для эффективного регулирования общественных процессов как в целом, так и в сфере безопасности (например, биотехнологии, биобезопасность и биотерроризм).

5. Следует признать, что обеспечить развитие системы регулирования любых общественных отношений (в том числе, сферы безопасности) только лишь административными методами невозможно. Вся эта работа должна строиться на регулирующих принципах демократии участия, исключающих деление общества на реформаторов и реформируемых, включенных в деятельность государства и исключенных из нее, допущенных к неким «высшим секретам» или не допущенных к ним.

В перспективе важно обеспечить развитие регулирования сферы безопасности в тесной его взаимосвязи с демократическим развитием современного общества. Однако следует учитывать тот факт, что процесс развития должен разумно сочетаться со стабильностью социума. Неверным будет полагать, что можно осуществить ускорение развития любой ценой или развитие ради развития (такой негативный опыт наша страна уже имела в 1928-1933, 1985-1991 годах⁴³⁶).

В настоящее время необходим продуманный, поступательный, сбалансированный и отрегулированный процесс диалектического развития социального пространства, позволяющий повлиять на детерминированный хаос и динамику самоорганизации социально-экономических систем⁴³⁷.

Система воздействия на современное общество и его сферу безопасности связана с необходимостью (и механизмом) формирования определенных ценностей. Существует потребность в том, чтобы в системе регулирования (а не в системе государственного управления) продуцировались, внедрялись в общественное сознание ценности безопасности.

Дело в том, что на основе национальных ценностей может происходить формирование жизненной позиции гражданина, его отношение к обществу, к истории, культуре, обеспечивается стремление к сохранению национального достояния. Национальные же ценности как материальная и духовная собственность, принадлежащая всем (гражданам, государству) и составляют основу существования и сферы безопасности. Именно они определяют жизненную позицию человека, гражданина, его отношение к обществу, государству, прошлому, настоящему и будущему, ответственность за сохранение национального достояния⁴³⁸.

В этой связи процесс государственного влияния предполагает формирование таких ценностей, которые являются базой для гуманизации (т.е. повышения внимания к человеку, его нуждам и потребностям) социально-политического процесса, трансформирующего социальное пространство. Национальные ценности должны

⁴³⁶Бурлацкий, Ф.М. Новое политическое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М., 1989. С. 246-259.

⁴³⁷ Поздняков, А. Порядок и хаос в динамике социально-экономических систем // Наука и инновации. 2011. № 12 (106). С.18.

⁴³⁸ Новейший философский словарь / В.А. Кондрашов, Д.А. Чекалов, В.Н. Копорулина и др. Ростов-н/Д., 2006. С. 616.

включать национальные интересы, механизмы становления, развития гражданского общества и механизмы регулирования различных сфер жизни социума. В полной мере данный вывод относится к сфере безопасности, но в тоже время важно подчеркнуть, что ни в коей мере это не сводится к требованиям полной гуманизации, разоружения, опоры в политике лишь на общечеловеческие ценности.

Еще один важный момент, связанный с осознанием необходимости последовательного, активного формирования в современном обществе ценностей безопасности, который связан с признанием того факта, что на развитие социума в значительной степени влияют ценностные ориентации политической элиты. Как показывает практика, ценности политической элиты в значительной степени могут отличаться от ценностей большинства населения⁴³⁹, что, безусловно, усложняет поиск оптимальных моделей вмешательства государства в общественное бытие. Вопрос о политической культуре современного общества, о «культуре властвования» политической элиты, с одной стороны, выступает как вопрос о наследии, о традиции, оказывающих влияние на политику, а с другой стороны, как вопрос об общих смыслах и ценностях политической элиты и граждан. Из наиболее обобщенных ценностных форм, в рамках которых реализуются ценности политической элиты, можно выделить идеологию, которая устанавливает, защищает убеждения, ценности не только политической элиты, но и основных социальных групп. Эффективность политической элиты зависит от ее способности формировать и изменять существующие идеологические конструкции. Кроме того, в политической идеологии непосредственно раскрываются ценности, идеалы политической элиты. Определилась ли со своими приоритетами в сфере безопасности современная политическая элита?

Дело в том, что достаточно прагматичные, технологичные установки (например, изложенные в российских доктринальных документах по безопасности и биобезопасности) в настоящее время многие специалисты предлагают дополнить некими «гуманитарными» установками. Например, предлагается внедрить в сферу безопасности такую ценность как «социальная справедливость», которая впиталась в нас за 75-летнюю советскую историю (на этом базовом понятии основано богатое отечественное теоретическое наследие). В нашей стране была предпринята попытка построить мировой порядок на основе такого понятия как социальная справедливость (во всяком случае, в политике это декларировалось постоянно). И в настоящее время, например, специалисты кафедры социологии безопасности МГУ (под руководством академика В.Н. Кузнецова) предлагают внедрить в сферу безопасности ценности справедливости, честности, порядочности⁴⁴⁰.

Конечно, с такими предложениями можно соглашаться, полагая, что отмеченные выше гуманистические установки являются императивами сферы безопасности, и поэтому в процессе регулирования их следует внедрять в общественное сознание. Однако при этом следует иметь в виду, что данные положения фактически нивелируют многие полезные отличительные черты рынка (конкуренция) и демократических преобразований (при

⁴³⁹ Смирнов, Д.С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2007. № 2. С. 18.

⁴⁴⁰ Кузнецов, В.Н. Социология безопасности. М., 2003. С. 36-43.

которых не абстрактное равенство становится основой действий в сфере безопасности, а четко сформулированные национальные интересы).

При этом надо понимать, что такое философско-ценностное наполнение сферы безопасности может быть расценено как конфликтогенное, субъективное и релятивное⁴⁴¹. Но это не должно отталкивать, потому что социальный гуманизм применительно к государственному регулированию – это целенаправленность, организованность и результативность деятельности по реализации целей человеческого развития, а не следование неким абстрактным ценностям. Такие ценности следует развивать в современном обществе, но, как показывает практика, их сложно будет применять в политике безопасности. Будет вполне целесообразным внедрить в государственное регулирование сферы безопасности такие ценности как прагматизм и нацеленность на обязательное достижение запланированного результата (в рамках национальных интересов). Такое требование будет вполне соответствовать трендам и базовым ценностным категориям, сложившимся в европейской практике обеспечения безопасности. Национальные ценности в системе национальной безопасности, биобезопасности играют важную роль и определяющее значение в современном обществе, что актуализирует необходимость их продуцирования, обязательного и последовательного внедрения в общественное сознание.

Взаимосвязанной с вопросами обеспечения демократического развития и формированием соответствующих ценностей является проблема эффективного политического лидерства, эффективной политической элиты. Например, в России решение этой проблемы является весьма перспективной для системы госрегулирования, как, впрочем, и для сферы безопасности⁴⁴².

Об этом, в частности, в своих многочисленных работах пишет исследователь феномена элиты О. Крыштановская, которая полагает, что любой социально значимый процесс в обществе всегда направляет, инициирует так называемый «политический класс»⁴⁴³ (то есть, высшие управляющие). Примеры важности эффективного политического лидерства для сферы безопасности и системы влияния на нее известны. Так, с избранием в 2000 г. президентом России В.В. Путина в течение полугода были приняты новые доктринальные документы, регулирующие основные направления сферы безопасности⁴⁴⁴. Конечно, сейчас нет необходимости приписывать все мнимые и настоящие «заслуги» в регулировании сферы безопасности исключительно политическим лидерам. И все же в научном плане важно противопоставить их государственному аппарату, поскольку функционально они достаточно различны. Так, со сменой политического лидера в государстве не только могут измениться некоторые взгляды на сущность и характер безопасности, но фактически кардинально трансформироваться механизмы и методы влияния воздействия на эту достаточно чувствительную сферу

⁴⁴¹ Сулакшин, С.С. Политика без ценностей пустота / К вопросу о понимании современной европейской социальной политики: от минимальных стандартов к социальному качеству. Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 7. С. 75.

⁴⁴² Макаркин, А.В. Российские элиты и кремлевские атомы // ProetContra. 2008, июль-октябрь. С. 19-29.

⁴⁴³ Крыштановская, О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 42-43.

⁴⁴⁴ Имеются в виду Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Доктрина информационной безопасности РФ и Концепция внешней политики РФ, утвержденные указами Президента Российской Федерации. После избрания Д.А. Медведева главой государства была обновлена последняя из них.

общественной жизни⁴⁴⁵. Кроме того, политические лидеры формируют собственное видение перспектив развития, концепции, программы развития социального пространства. Примеры таких возможностей лидеров достаточно известны. Так, в Красноярске в 2008 году российский политик Д.А. Медведев сформулировал концепцию четырех «И»: институты, интеграция, инновации и инвестиции, которую потом дополнил интеллектом. С приходом нового политического лидера Россия все более уверенно стала заявлять о своих национальных интересах, своей готовности отстаивать их как внутри страны, так и на международной арене. Наиболее ярким примером стал вооруженный конфликт в Южной Осетии, когда российское руководство действовало в соответствии с доктринальными установками по безопасности, изложенными в «Концепции национальной безопасности РФ» и в «Военной доктрине РФ». И хотя многие в России и за ее пределами сомневались в готовности применить силу в ответ на агрессивные действия сопредельного государства, но в российских доктринальных документах четко определены угрозы национальной безопасности, а именно, вооруженные конфликты вблизи границ Российской Федерации.

Политические элиты и лидеры не только формируют те или иные доктринальные установки по безопасности, не только определяют порядок и характер действий власти, общества в угрожаемых (опасных) ситуациях, но также выстраивают систему взаимоотношений между властью, общественность, гражданами, бизнесом в вопросах обеспечения безопасности (в эти взаимоотношения, видимо, следует включить военно-силовые структуры и спецслужбы).

В этом и состоит основная роль политических лидеров, элит в осуществлении регулирования сферы безопасности⁴⁴⁶. Развитие института политического лидера (избираемого в рамках действующего законодательства и в результате публичной политической борьбы) и национально ориентированной политической элиты (формируемой основными социальными группами, а не только номенклатурой) является серьезной перспективой регулирования сферы безопасности современного общества.

Представляется, что влияние государства на сферу безопасности, как и в большинстве государств мира, всё в большей степени будет принимать характер информационно-сетевой деятельности. По всей видимости, за ее основу может быть принята стратегия развития информационного общества⁴⁴⁷ (например, ее проекты разработаны как многочисленными научными и общественными центрами, так и Советом безопасности Российской Федерации⁴⁴⁸), предполагающая, что общество будущего будет носить преимущественно информационный характер (все такие общества называют постиндустриальными или информационными).

⁴⁴⁵ Темников, Д.М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные отношения. 2003. № 2. С. 83.

⁴⁴⁶ Преемник: механизмы эволюции России / В.В. Цыганов, В.А. Бородин, Г.Б. Шишкин. М., 2007. С. 366-368.

⁴⁴⁷ Общепринято, что информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных и коммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти. См. об этом, подробнее: Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / Сост. А.Г. Криволапов, Н.А. Анфимов, Д.А. Афиногенов и др. М., 2007. С. 222.

⁴⁴⁸ Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / Сост. А.Г. Криволапов, Н.А. Анфимов, Д.А. Афиногенов и др. М., 2007. С. 222-229.

Основными характеристиками информационного общества являются следующие: открытость информации и доступ к ней для любого нуждающегося в любое время и в любом месте; наличие технологических систем, гарантирующих эту открытость; наличие национального интеллектуального потенциала; автоматизация, роботизация и технологизация любых систем в любой области деятельности; подключенность к мировым информационным каналам.

Действительно, современная информационная трансформация связана с изобретением интеллектуальных технологий, основанных на гигантских скоростях обработки информации. Она дает огромное увеличение циркулирующей в современном обществе информации, что позволяет эффективно решать экономические, социальные, культурные, политические проблемы. Аналогичный эффект присущ сфере безопасности и государственному регулированию (об этом пишут многие специалисты, такие как О.Н. Забузов, В.Ф. Ницевич, Ю.А. Нисневич и др.). Так, например, российскому обществу еще предстоит преодолеть информационное отставание от ведущих стран Запада, и в первую очередь от США⁴⁴⁹ (причем, информационное отставание в вопросах безопасности является частным случаем отставания общего).

Сегодня вполне прагматичной перспективой в России является формирование такого общества, в котором современные информационные технологии открывают доступ практически ко всем материальным и духовным благам подавляющему большинству населения, умножают интеллектуальный ресурс, а следовательно, и все другие ресурсы, способствуя развитию. Без информационных технологий нельзя сформировать современную экономику, повысить уровень образования и квалификацию населения, создать современную кредитно-финансовую систему, осуществить рациональное управление общественными процессами. При этом все конфликты, кризисы в социуме протекают легче, завершаются скорее, если в нем выше уровень благополучия, образования, культуры и информированности.

В связи с этим, можно согласиться с исследователем С.В. Кортуновым, который отмечает следующий парадокс: «именно в период обвала прежних тоталитарных механизмов и экономических структур, формирования открытого общества, новых форм собственности зарождаются глубинные процессы, ведущие к постиндустриальному (информационному) обществу»⁴⁵⁰. Эта реорганизация происходит на базе мощного урбанистического и промышленного общества, ведет российское общество в объективно правильном направлении.

Следовательно, чем скорее, например, Россия выработает свою собственную модель, тем более эффективным способно синтезировать национальные традиции, культуру с достижениями высоких технологий, науки, рыночной экономики, тем легче ей будет выйти из непомерно затянувшегося деструктивного состояния и приблизиться к гуманистической, транспортно-модели развития социального пространства.

Вместе с тем, в информационном обществе, построенном на знаниях, человек с его интересами, общественными запросами и интересами (а не интересами государственного аппарата) являются величайшей ценностью в политике. В связи с этим абсолютно объективен современный процесс оттока финансовых средств и кадров из сферы «чистой

⁴⁴⁹ Кортунов, С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 197.

⁴⁵⁰ Кортунов, С.В. Указ.соч. С. 198.

науки» в различные области прикладного знания и, прежде всего, в компьютеризацию, информатику, а также в банковско-финансовую деятельность.

В связи с этим интересна позиция исследователя О.Н. Забузова, который отмечает (применительно к деятельности Минобороны), что в органах власти и силовых структурах продолжается поиск места и роли Интернета в проводимой ими политике. Он считает, что Интернет в настоящее время становится своего рода «информационной витриной» деятельности власти и органов военного управления⁴⁵¹. Из этих утверждений следует, что деятельность структур, осуществляющих регулирование в сфере безопасности, должна носить информационный характер. При этом следует использовать имеющиеся открытые и специально создаваемые корпоративные сети.

Еще один важный перспективный момент, позволяющий осмыслить перспективу организации регулирования сферы безопасности, заключается в совместной работе общественных, государственных органов, институтов со средствами массовой информации, пиар-структурами. Ведь как бы ни относились те или иные чиновники или специалисты к общественному мнению, в большинстве так называемых западных (условное название) социумов (общественное мнение) в настоящее время является мощным инструментом как государственной политики, так и действий в сфере безопасности.

Фактически считается, что общественное мнение детерминирует действия государства в сфере безопасности⁴⁵² и поэтому в формирующейся системе регулирования необходимо актуализировать институты по связям с общественностью, так как пресс-службы, пресс-секретари должны играть более значительную роль, а борьба за общественное мнение (естественно, за позитивное общественное мнение) в демократическом обществе объективно будет являться важной частью государственного регулирования сферы безопасности⁴⁵³. То есть, для органов, институтов, занимающихся регулированием сферы безопасности, должны быть созданы максимальные возможности эффективной работы в информационном обществе. Создание активной коммуникативной среды для тех органов, институтов, которые осуществляют влияние на сферу безопасности, является, пожалуй, магистральным направлением реформ, поэтому еще одним перспективным направлением развития государственного регулирования сферы безопасности будет являться формирование так называемого открытого общества, вовлечение в процессы регулирования этой, весьма специфической сферы – гражданского общества и экспертного сообщества.

Действительно, необходимым условием развития многих так называемых экономически развитых государств является формирование открытого общественного устройства, т.е. сочетания гражданского общества, правового государства и рыночного хозяйства. Открытое общество связано с господством критического мышления (в противоположность тоталитарному, где господствует догматический менталитет). Открытое общество способно жить в режиме как естественной эволюции, так и развития

⁴⁵¹ Забузов, О.Н. Интернет как средство реализации военно-информационной политики российского государства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 4.

⁴⁵² Белозеров, В.К. Организация информационно-аналитического обеспечения политики безопасности и обороны ФРГ // Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 93-121.

⁴⁵³ Иногда общественное мнение называют даже внесистемным элементом российской власти. См.: Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002. С. 447.

(следовательно, тот или иной режим определяется национальной политикой, которую выбирают для себя общество и государство).

Именно гражданское общество (в современном западном понимании – совокупность не зависящих от государства институтов, созданных гражданами для реализации собственных, в основном, не политических интересов) представляет собой гарант свободы, демократии и справедливости, поддерживаемых посредством правового государства. В условиях развитого гражданского общества свободные от опеки государства граждане могут существовать только в условиях рыночного хозяйства, которое является необходимым условием формирования гражданского общества и правового государства. При этом граждане (обратим на это особое внимание) только тогда станут активными участниками сферы безопасности, когда они будут видеть в этом собственный интерес⁴⁵⁴.

В этом случае граждане и их объединения смогут составить если и не конкуренцию государству в сфере безопасности, то все-таки смогут с ним сотрудничать и, может быть, его контролировать. Вот таким образом гражданское общество сможет участвовать в госрегулировании сферы безопасности, а так называемый «русский путь», о котором так много пишут в последние годы, это, конечно, не возврат к тотальному огосударствлению, а движение в направлении восприятия демократических ценностей при сохранении национальной специфики и национальных идеалов. Но и такие слова, как «национальная специфика», «национальные идеалы», нуждаются в дополнительных комментариях.

Дело в том, что, например, традиционной ориентации российского менталитета свойственна монологичная организация, находящая свое предельное выражение в различных тоталитарных идеологиях, наглядно прослеживаемая в нашей современной выборной «борьбе всех против всех»⁴⁵⁵. Как пишет в своей статье исследователь А.В. Лукин, «советский политический идеал – патерналистское государство с широчайшими полномочиями, которое в то же время благожелательно служит интересам граждан»⁴⁵⁶.

И действительно, современные российские политики Е.М. Примаков, В.В. Путин понимают «порядок» не как верховенство закона, а как восстановление управляемости за счет укрепления государства. В результате же проводимой в последние годы политики были ликвидированы сферы независимой (от государства) деятельности и наступила, к сожалению, общественная апатия⁴⁵⁷. Этому, в частности, посвящены многие работы профессора Ю.С. Пивоварова, который монологичность общественно-политической жизни выводит из характера так называемой «русской» политической власти и русских же политических традиций⁴⁵⁸.

Напротив, деятельностная ориентация в сфере безопасности предполагает диалогичную организацию, находящую выражение, в частности, в различных формах «демократии участия», генетически связанной, как известно, с проработкой замыслов тех или иных преобразований в жизни общества (страны, города, региона). При этом здесь важна следующая смыслообразующая позиция: развитие любой деятельности, любой сферы общественных отношений возможно только в рамках диалогичной организации,

⁴⁵⁴Естественно, что в тоталитарном/авторитарном обществе такой вариант в принципе исключен.

Кортунов, С.В. Указ.соч. С. 202-203.

⁴⁵⁶ Лукин, А.В. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // ProetContra. 2008, июль-август. С. 82.

⁴⁵⁷ См.: там же. С. 91.

⁴⁵⁸ Пивоваров, Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С. 10-67, 178-194.

позволяющей учитывать интересы (а значит, и использовать ресурсы) всех заинтересованных позиций. Более того, само различие позиций, взглядов, интересов граждан, их сообществ оказывается в условиях диалога важнейшим ресурсом развития, ибо побуждает нас все время искать и внедрять новые методы, средства и формы организации совместной жизни и деятельности. В то же время диалогичная организация предполагает жесткое самоопределение и самоидентификацию в столкновении разных позиций и интересов. За конфликтами прорисовываются проблемы, а их решение (выработка необходимых методов и средств) есть движущая сила развития.

Особого внимания заслуживает перспектива включения экспертного сообщества в систему государственного воздействия и эффективного влияния на сферу безопасности современного общества. Изучение профильной литературы показывает, что ученые при этом чаще изучают организацию информационно-аналитической работы в иерархических структурах⁴⁵⁹ (все органы государственной власти являются таковыми).

Признавая важность такого видения проблемы для современного общества, важно увидеть перспективы регулирования в другом ракурсе, а именно, конкретно и в перспективе для решения важнейших задач безопасности, когда важно организовать потенциал экспертных структур, отдельных специалистов, не работающих в государственных структурах, формально не сотрудничающих с ними. Возможно, что этот путь кому-то покажется не слишком эффективным для самой сферы безопасности (в которой все же предпочитают использовать специалистов по безопасности и биобезопасности).

И тем не менее, для усиления прозрачности информации о состоянии сферы безопасности, исключения монополии в ней корпоративного интереса, это сделать жизненно необходимо.

Размышляя далее над возможными вариантами регулирования сферы безопасности, необходимо отметить, что оно фактически невозможно без разветвленной системы институтов регулирования и институтов безопасности. Дело в том, что социальные институты играют важную роль в достижении конкурентоспособности и успешности развития современного общества, но сами при этом нуждаются в постоянной модернизации⁴⁶⁰.

В настоящее время многие политики стараются изменять именно институты, полагая, что без этого невозможно достичь желаемых результатов. Современный зарубежный опыт также показывает, что различия в уровне благосостояния между государствами, в их конкурентоспособности во многом объясняются гибкостью и изменчивостью институтов, характерных для их культуры, связанной с этим величиной разрыва между формальными, неформальными институтами, правовыми нормами, социальными практиками. То есть чем гибче и адаптивнее институты, тем меньше разрыв⁴⁶¹.

⁴⁵⁹ Практика организации информационно-аналитической работы // Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М., 2005. С. 67-93.

⁴⁶⁰ Известно, что главная особенность институтов – медлительность их изменения. Многие убеждены, что они вообще неизменны, во всяком случае, относительно масштабов человеческой жизни и тем более – сроков полномочий демократически избранных лидеров. Существующие в данной стране неформальные институты, ее культура в широком смысле есть некая данность, которую нужно принимать в расчет при регулировании общественных процессов. Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 22-25.

⁴⁶¹ КОРТУНОВ, С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М., 2007. С. 225.

С трансформацией социальных институтов есть серьезные проблемы. Дело в том, что коренной порок любой закрытой системы состоит в отсутствии действенных стимулов к труду и предпринимательству, которые может создавать только конкуренция⁴⁶². Применительно к сфере безопасности, по всей видимости, конкуренция заключается либо в соперничестве между государством и гражданским обществом, либо между теми или иными спецслужбами. Конкуренция уместна между самоорганизующимися системами, при которой роль государства заключается в выработке условий и стимулов, а также контроле за соблюдением выработанных «правил игры» для субъектов (акторов), действующих в сфере безопасности.

Известно, например, что в США государство (Минобороны) объявляет тендер на разработку и производство новых образцов военной техники сразу нескольким негосударственным компаниям, предварительно сформулировав лишь некоторые критически важные параметры (которые важно получить на выходе). Заказ же выдается той из них, которая сможет предложить лучшие условия (по срокам, цене, предполагаемому качеству и т.д.) по принципу «возможность выбора между равноправными и реально выполнимыми альтернативами»⁴⁶³.

В перспективе, например, в российской системе государственного регулирования еще только предстоит преодолевать негативные свойства адаптационной модели переходной экономики, некоторую институциональную ловушку, когда институты не развиваются, а, наоборот, сворачиваются⁴⁶⁴. Это явление сворачивания ряда институтов, когда при этом не создаются новые, совершенно не приближает российское общество, к так называемым процветающим, конкурентоспособным государствам, а напротив, противодействует им, отчасти объясняет, почему сдвиги в модернизации экономики и конкурентоспособности происходят крайне медленно.

В дискуссионном плане можно представить весь калейдоскоп событий и пояснить, что и в сфере безопасности в настоящее время автоматически должны происходить застойные явления, но эксперты и общественность зачастую оказываются не информированными о них, совершенно не владеют фактическим материалом для системного анализа ситуации. А что касается демократических преобразований в сфере безопасности, то, как отмечают многие эксперты, здесь дело, скорее, повернулось вспять. Задача преодоления слабости государства и политической сингулярности обернулась практикой применения так называемого административного ресурса (и не только в избирательных кампаниях). Под предлогом борьбы с преступностью, теневой экономикой, коррупцией, за улучшение сбора налогов были предприняты действия, осложнившие отношения власти и бизнеса. Избирательное правосудие на практике понизило уровень доверия и внушило опасения в отношении готовности власти защищать

⁴⁶² Поэтому конкурентоспособными в СССР оказались только сырье, продукты его первичной переработки, которые надо было производить в избытке, чтобы восполнить отсутствие стимулов к их рациональному использованию. И еще – вооружение, поскольку в данной сфере была военно-стратегическая конкуренция. См. подробнее: Сухарев, А.И. Институциональная политика и трансформация институтов // *Мироустройство XXI: мировоззрение, порядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования* / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2007. С. 435.

⁴⁶³ О совершенствовании военного планирования на основе программно-целевого метода и разработке (уточнении) соответствующей нормативной правовой базы: *Материалы межведомственной военно-научной конференции* / Под ред. Ю.Н. Балуевского. М., 2006. С. 40.

⁴⁶⁴ Сильное государство является локомотивом развития, а слишком сильное – чиновничьим произволом. См., об этом: Григорьев, Л.М. Конфликты интересов и коалиции // *ProetContra*. 2008, июль-октябрь. С. 113.

право собственности. Тем самым, процессам становления институтов зрелой рыночной экономики, политической демократии был нанесен заметный ущерб, а выход из адаптационной модели не только не ускорился, но, напротив, затормозился.

Ясно, что институциональные изменения происходят медленно, процесс трансформации институтов будет насыщен противоречиями, конфликтами интересов, борьбой мнений. И чем более минимизирована и последовательна будет политика их осуществления, тем больше времени потребует создание, например, в России конкурентоспособных институтов, привлекательных для капитала и интеллекта, тем больше будет усложняться задача достижения мировой конкурентоспособности российских товаров и услуг. В полной мере этот вывод можно распространить на сферу безопасности и биобезопасности современного общества.

Вряд ли в ближайшее время следует ожидать коренных изменений в институциональной структуре регулирования сферы безопасности, поскольку для значимых изменений институциональной структуры (включая неформальные институты, социальные практики), даже при благоприятных обстоятельствах требуется как минимум 30-40 лет⁴⁶⁵ и обязательно этот срок надо учитывать, выстраивая госрегулирование безопасности. И тем не менее можно предположить, что повышение конкурентоспособности (в том числе и в сфере безопасности) до мирового уровня потребует серьезной трансформации институтов регулирования и институтов безопасности. Среди них важны не только экономические институты, но и политические, особенно демократические институты разделения властей и общественного контроля за деятельностью государства.

Еще одним перспективным направлением совершенствования государственного регулирования сферы безопасности является активный поиск места и роли, например, России и Беларуси в современном мироустройстве (эта перспектива тесно связана с ценностным выбором государства). Внешние условия для российского и белорусского обществ в начале XXI столетия можно охарактеризовать как благополучные, поскольку фактически отсутствует возможность нападения на нее со стороны крупной державы или коалиции государств. В ближайшей перспективе вряд ли ситуация кардинально изменится. Кроме того, стоит учитывать, что, например, у России в настоящее время нет ярко выраженных врагов (как почти нет и друзей), поэтому у нее нет экономической необходимости в милитаризации.

В то же время существуют хорошие возможности для глубокого и конструктивного сотрудничества с другими государствами на региональном и глобальном уровнях, в ООН и других международных организациях. В таких условиях закладывается фундамент для выстраивания принципиально новых отношений и структурирования социального пространства. В то же время расширение НАТО на Восток по-прежнему воспроизводит ситуацию противостояния с целым сообществом государств, в которое вошли некоторые бывшие республики СССР.

Устойчивая безопасность может быть обеспечена только в результате теснейшей интеграции в европейское сообщество, а это означает, что должны быть усвоены на практике, внедрены в сознание граждан, в общественную ткань европейские социальные ценности и ценности безопасности. В этом смысле достаточно понятна позиция

⁴⁶⁵ См.: Кортунов, С.В. Указ.соч. С. 230.

профессора Д.В. Тренина, рассматривающего в перспективе «как новый Запад»⁴⁶⁶ (Запад – название весьма условное). На практике, это, конечно, не означает, что должно начаться срочное и, по сущности, глобальное внедрение европейских правовых норм, институтов.

В то же время ведь реально, например, российское общество сделало немало практических шагов на пути интеграции в мировое сообщество, в первую очередь, в сообщество западное, европейское (хотя бы потому, что мир, в большей степени, играет по западным правилам). Имеется в виду стремление России вступить во Всемирную торговую организацию, с 1997 г. действует соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, с 2005 г. – соглашение о четырех общих пространствах (экономики, внешней безопасности, внутренней безопасности и правосудия, науки и образования). Нет необходимости поддерживать стремление целого ряда политиков и обвинять европейские страны, США в медленных темпах этой интеграции.

Может быть, проблема проецируется в двух плоскостях: в самой сущности и характерных особенностях российского общества, которое может быть пока еще, скажем так, не дозрело до западного уровня (в том числе, в вопросах безопасности), и в готовности российской элиты действительно интегрироваться, то есть, в ее готовности действовать по «правилам игры», принятым в так называемом западном сообществе. Интеграция в сфере безопасности будет тем успешнее, чем раньше произойдет интеграция в экономике.

В качестве выводов можно предложить несколько положений: во-первых, регулирование сферы безопасности пока только формируется и перспективы его развития можно только намечать, так как до завершения научного анализа его состояния еще далеко. Очевидно, что ему присущи все недостатки, характерные для системы государственного регулирования.

Во-вторых, регулирование сферы безопасности российского общества имеет достаточно позитивные перспективы для развития. Этот вывод вызван, в первую очередь, пониманием того факта, что в российском обществе не происходит чего-то принципиально нового. Многие страны (особенно европейские) уже преодолевали те проблемы, с которыми в настоящее время столкнулись Россия и Республика Беларусь. Зарубежный опыт государственного регулирования сферы безопасности и биобезопасности может быть использован, но не механически, а скорее всего, России и Беларуси следует все же двигаться по западному пути развития.

В-третьих, развитие сферы безопасности предполагает, что государственное регулирование этой сферы в перспективе предполагает продуцирование и обязательное внедрение в общественное сознание ценностей безопасности. В дальнейшем развитии нуждается политическое лидерство и эффективность политической элиты, а информационно-сетевая деятельность должна получить приоритетное развитие. В сферу безопасности должны активно вовлекаться институты гражданского общества, экспертного сообщества, а основные усилия следует сосредоточить на развитии институтов как государственного регулирования, так и институтов безопасности.

⁴⁶⁶ Тренин, Д.В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М., 2006. С. 299-358.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иллюстрация разнопланового спектра феноменологии безопасности современного общества, эклектика научных идей, представленных в монографии, позволила зафиксировать различные формы этого явления, предложить онтологическую, гносеологическую, аксиологическую сущностную характеристику, подтверждающую, что общественное бытие и «природа человека является многоуровневой, а его сущность – многомерной»⁴⁶⁷.

В результате, проведя принципиальное исследование, удалось выявить ряд теоретических расхождений с идеями тех ученых и специалистов, которые ранее уже изучали безопасность как специфическое явление в самых различных ракурсах.

Рассмотрение отдельных форм безопасности, их описание и систематизация является лишь первой ступенью познания феномена безопасности. Следующим этапом понимания сущности такой категории, как «безопасность», явилось определение глубинной основы, позволившей объединить разные формы и сущностные характеристики исследуемого феномена.

Сформулированы отличия безопасности от защиты, а также представлены основные принципы безопасности и биобезопасности, что связано с биотерроризмом. В связи с этим, многими биологами, экспертами фиксируется стремление террористов получить биологическое оружие, особенно это касается приобретения боевых биологических веществ, применения наноструктур при создании и использовании генетически модифицированной продукции. Так, например, в отчете по Проекту 2020, который подготовил Национальный совет по разведке США в разделе «Расползание опасности», поясняется, что «большая заинтересованность террористов в приобретении химического, биологического, радиологического и ядерного оружия», что «повышает риск крупной террористической атаки с использованием ОМУ»⁴⁶⁸.

Реальная опасность, по мнению современных ученых, заключается в совершенно непредсказуемом увеличении объема потенциальных биологических агентов, которые могут использовать террористы. Например, сегодня в арсенале биотеррористов вполне могут оказаться микроорганизмы, которые в перспективе не могли бы быть использованы непосредственно для разработки биологического оружия и не учтенные специалистами, как биологически поражающие агенты.

Актуализация политики биобезопасности связана с комплексными мерами удовлетворения интересов человека в биобезопасности и противодействия биотерроризму. Именно поэтому необходимо контролировать приобретение боевых биологических веществ, находить возможности более эффективного регулирования властью, государством, общественными организациями процессов, связанных с применением наноструктур при создании, использовании генетически модифицированных организмов и продуктов, что очень важно для современного общества.

⁴⁶⁷ Лебедев, С.А., Лазарев, Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования. – М.: Издательство Московского университета, 2010. С.34.

⁴⁶⁸ Очертания будущего мира: Отчет по проекту 2020 Национального совета по разведке (в переводе аналитического центра «Намакон») // <<http://old.samara.ru/paper/41/3778/62556/>>

Установлено, что система государственного влияния на общественные отношения в целом и сферу безопасности в частности сложилась давно. Фактически в течение нескольких столетий безопасность в основном осуществлялась методами государственного управления, что чаще всего на практике выражалось в тотальном характере государственной власти и в административно-командной системе управления. При этом чаще всего именно государственная власть доминировала в сфере безопасности и биобезопасности.

Такая система государственного воздействия на общество в наибольшей мере присуща тоталитарному и авторитарному политическим режимам. Методы же регулирования общественных отношений также применялись органами власти, но значительно реже и только на определенных этапах развития социума. Однако чаще всего использование методов регулирования общественных отношений (выражавшееся в определенной степени либерализации) приводило к ослаблению государственной власти и неизбежным издержкам и потерям в сфере безопасности.

Одним из путей повышения эффективности государственного влияния на безопасное существование с целью удовлетворения интересов человека, например, в биобезопасности, является принципиальное изменение характера и содержания вмешательства государства в сферу безопасности в целом, но такое вмешательство бывает различным и по форме, и по содержанию. Так, в демократическом социуме коренным образом пересматривается совокупность субъектов государственного воздействия. Это означает, что государство должно вмешиваться в общественную жизнь и сферу безопасности не тотально, а точечно, избирательно, и не пытаться, как это уже неоднократно бывало ранее, жестко управлять общественными процессами. При этом государственное управление и государственное регулирование в принципе не противоречат, совершенно не отрицают, а скорее дополняют друг друга в условиях демократии и рынка (что в целом характерно для сферы безопасности, и, в частности, биобезопасности). Тем самым можно достичь оптимальной модели взаимодействия граждан, государства и современного общества в сфере безопасности.

В монографии проанализированы причины, по которым любые активные действия в сфере безопасности называются ее обеспечением. Сделан вывод о том, что данный термин не является инструментальным для современного исследования, поскольку является бессодержательным. Наиболее оптимальным термином, позволяющим осмыслить сложные процессы взаимовлияния современного общества и государства со сферой безопасности, является «государственное регулирование».

Проведен краткий анализ диалектики управления и регулирования в современном обществе, позволяющий утверждать, что самым сильным субъектом вмешательства в сферу безопасности является государственная власть. Методы регулирования в процессе реализации безопасного существования социума, также применялись органами государственной власти, но значительно реже и только на определенных этапах общественного развития (чаще всего методы регулирования детерминировал деструктивный конфликт, латентный кризис, вооруженное столкновение, террористический акт). Изменение характера и содержания вмешательства современного государства в сферу безопасности является в настоящее время одним из путей повышения эффективности действий власти и гражданского общества. Только в условиях

демократического социума может измениться совокупность субъектов государственного воздействия на любые виды общественных отношений и сферу безопасности.

Важен тот факт, что в условиях демократии государство вмешивается в общественное бытие и сферу безопасности точно, избирательно, а не пытается жестко, системно управлять общественными процессами, детерминируя общественное бытие. Практика доказывает, что в демократическом обществе системы государственного управления и государственного регулирования не противоречат, не отрицают, а скорее взаимно дополняют друг друга. Тем самым достигается оптимальный вариант отношений государства, общества и граждан в сфере безопасности.

Объективность изучения складывающейся системы, например, российского государственного регулирования сферы безопасности детерминирована современным социально-политическим развитием многомерной реальности и может быть представлена с учетом трех основных положений: российское общество стремится де факто стать демократическим; политические лидеры стали публично формулировать некоторые проблемы развития общества и сферы безопасности; современная российская власть весьма стеснена в средствах, формах и методах воздействия на общество (поскольку она в настоящее время все же недостаточно публична) и сферу безопасности. Именно эти смыслообразующие положения в значительной степени обуславливают актуальность феноменологии безопасности современного общества.

Современным научным сообществом, специалистами, спецслужбами и общественно-политической элитой актуальность регулирования сферы безопасности, и особенно биобезопасности, осмыслена недостаточно полно. В связи с этим в работе кратко проанализированы наиболее эффективные методы, формы воздействия на сферу безопасности, определена степень зависимости государственного вмешательства в общественные отношения от характера демократических преобразований в существующем социальном пространстве.

Сделан вывод о том, что в настоящее время, пожалуй, только частью политической элиты осмыслена потребность перехода от системы управления к системе регулирования сферы безопасности современного общества.

Соблюдение основных принципов государственного регулирования (демократизма, объективности, правовой упорядоченности, саморегулирования, вероятности) могут способствовать изменению эффективности вмешательства государственной власти в сферу безопасности. Общественные организации (гражданское общество) смогут перейти в новое качество, то есть найти свое место в формирующейся системе регулирования сферы безопасности на правах партнера, контрагента органов государственной власти, в полном объеме учитывающей достижения научного прогресса (робототехники, нанотехнологий, биотехнологий).

Государственное регулирование сферы безопасности – это особый вид действий, целенаправленный, активный, сложно организованный процесс макросоциальной регуляции, раскрывающий роль элиты и государства в этом многосложном процессе, который состоит преимущественно в определении способов удовлетворения потребностей, реализации интересов разных социальных субъектов (акторов).

Основными субъектами (актерами) регулирования сферы безопасности современного общества являются политическая элита и органы власти, граждане, бизнес-структуры. Основным объектом регулирования в рамках данного исследования выступает

сфера безопасности, или, например, биобезопасности. Политическая элита, государство регулируют или воздействуют на сферу безопасности, стимулируя одни общественные отношения, ограничивая другие и запрещая третьи.

Эффективность регулирования в значительной степени зависит от профессионализма политической элиты, государственных органов и в успешном воздействии на саморегулирующиеся социально-политические структуры в сфере безопасности и биобезопасности. В связи с этим нельзя не учитывать следующее: «Биологическое предназначение человека, очевидно, состоит в сохранении своего вида и его совершенствовании в плане усиления его адаптивных возможностей»⁴⁶⁹.

Именно поэтому, занимаясь регулирующей деятельностью, политическая элита и государство могут принципиально изменять характер безопасности в целом и, что особенно важно, обязательно более эффективно воздействовать на биобезопасность (с учетом искусственно создаваемых наноструктур, развития наномедицины, нанофармакологии и применения наноструктур, порождающих проблемы охраны экологического общественного здоровья).

Установлено, что в начале XXI столетия сфера безопасности характеризуется серьезными трансформациями концептуальных основ национальной безопасности. В таком случае, вопросы, касающиеся сферы безопасности и, конечно, биобезопасности в теории и на практике становятся социальным императивом, ценностью, что выражается в появлении новых субъектов (акторов) безопасности, стирании грани между национальной и международной безопасностью, в изменяющихся требованиях к безопасному существованию человека, специфике общественного бытия и многомерности социального пространства.

Несмотря на то что безопасность, например, в современной России все в большей степени приобретает характер общественно-государственной системы, роль государства не только не снижается в процессе ее обеспечения, но, наоборот, возрастает. Деятельность государства в сфере безопасности становится все более специализированной и профессиональной, но при этом государство должно гарантировать остальным участникам социальных отношений защиту и максимально свободную реализацию их разнообразных интересов. Кроме того, любое государство должно также гарантировать практическое участие различных общественных акторов в деятельности по обеспечению безопасности (в соответствии с действующим законодательством, интересами граждан и общества). Сфера безопасности российского общества в настоящее время находится в процессе своего становления, и формирование ее системы пока не завершено. Ситуация видится следующим образом: выйдя примерно к началу 2000 года из затяжного социально-экономического кризиса, российское государство постепенно стало наращивать экономический потенциал, проводя назревшие преобразования системы социального обеспечения, здравоохранения, высшей и средней школы. В результате возрос утраченный в 90-е годы прошлого столетия авторитет России на международной арене, стабилизировалась внутренняя ситуация и возрос уровень безопасности.

Практически параллельно с социальными преобразованиями весьма энергично в начале третьего тысячелетия стали решаться вопросы обеспечения безопасности национальных интересов. Это зафиксировано многими учеными и специалистами,

⁴⁶⁹ Лебедев, С.А., Лазарев, Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования. – М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 27.

которые полагают, что фактически сфера безопасности стала расширяться и приобретать иное качественное состояние. Это ее новое состояние детерминирует дальнейшие научные разработки ряда теоретических проблем, особенно это касается биобезопасности.

Специфика сферы безопасности проявляется в том, что она носит в большей степени общественно-государственный характер и зачастую распространяется на все современное общество. Кроме того, безопасность во многих своих проявлениях носит политический характер, зависит от сформировавшейся системы агрегирования и артикуляции национальных интересов, идеологии государства. Нов некоторой степени сферабезопасности одновременно и субъективна, поскольку максимально зависит от действий различных субъектов (акторов). Именно поэтому безопасность понимается как составная часть общественного бытия, в котором формируются условия для наиболее эффективной реализации защиты разнообразных интересов граждан, общества и государства. В таком качестве безопасное существование связано на практике с основными сферами общественной жизни и многочисленными запросами, потребностями различных субъектов, а также ответными действиями по оптимизации защиты как этих интересов, так и процессов их реализации. Безопасность в максимальной степени постоянно присутствует и обязательно проявляется в других сферах: экономической, политической, социальной и духовной. Взаимозависимость и взаимодействие всех сфер жизни социума является объективной для современного общества. Однако конкретные проявления безопасного существования в различных социумах отличны друг от друга и должны быть изучены современной наукой.

Методологией, позволившей сформулировать тенденции государственного регулирования сферы безопасности, стала опора на этапы процесса обеспечения национальной безопасности (интегральной категории, объединяющей безопасность государства, общества и граждан, т.е. комплексной безопасности). Потребность в безопасности формируется только в обществе, и подавление или неполная реализация потребности в безопасности объективно деформируют личность и социум. Это объективно приводит к межличностным и социальным конфликтам, а в основе интереса в безопасности находится экономический интерес. Однако рост притязаний, уровня жизни в социуме автоматически требует более тонких механизмов регулирования и большего количества ресурсов на обеспечение гарантированной и эффективной безопасности. Кроме того, интерес в безопасности требует разработки и реализации специальных программ на любом уровне.

Существует объективная зависимость эффективного целеполагания безопасности от национальных интересов, что безопасность не может развиваться без комплексного мониторинга состояния, динамики этой сферы и без создания алгоритмизированной информационно-аналитической системы программно-целевого регулирования сферы безопасности. Регулирующие действия субъектов (акторов) национальной безопасности должны базироваться на правовых актах государства, а модернизация средств, применяемых для регулирования общественных отношений, прямо влияет на состояние общественного сознания, бытия и безопасности.

Существует определенная зависимость эффективности сферы безопасности от невоенных способов ее обеспечения, а использование биотехнологий, интернета, средств массовой информации в регулировании безопасности должно не отставать от его использования обществом.

Эффективность регулирования сферы безопасности находится в прямой зависимости от институционального характера этой деятельности, а степень объективности информации из сферы безопасности напрямую зависит от количества источников этой информации. Кроме того, существует прямая зависимость качества информации о состоянии безопасности от вовлеченности в сферу безопасности общественности и средств массовой информации, а выбираемые способы «доставки» высшему руководству информации о состоянии безопасности в обществе зависят от характера политической системы общества.

Предложенные тенденции позволят не только повысить эффективность защиты, но и с высоким качеством регулировать общественные процессы в сфере безопасности и биобезопасности. Кроме того, выделенные тенденции помогут сформулировать власти и спецслужбам новые подходы к регулированию сферы безопасности, что очень актуально для современного общества. Например, России, как и Республике Беларусь, предстоит дальше развивать индустрию безопасности и одновременно сделать так, чтобы интеллект стал детерминирующим фактором всех сторон общественной и политической жизни, всей системы регулирования сферы безопасности.

Проведенный анализ пока не позволяет сделать вывод о готовности, например, российского общества к так называемому «интеллектуальному рывку», позволяющему сформировать современную и эффективную систему безопасности. Например, в самое ближайшее время следует активизировать частный, а не только государственный, интерес к интеллектуальной деятельности, реформировать весь исследовательский сектор, уменьшить степень коррумпированности российского государственного аппарата.

Кроме того, лучше всего методами регулирования следует воссоздавать научно-информационную среду, а также инициировать условия, при которых будут органично сочетаться рыночная идеология и нерыночные структуры, нормы биоэтики, ценностные детерминанты генетики, молекулярной биологии на наноуровне, социокультурные контакты в процессе внедрения перспективных информационных, интернет-технологий, в том числе и в сфере безопасности. Основным механизмом наращивания интеллектуального капитала могут стать современные биотехнологии, информационные и политические технологии. Их использование в сфере безопасности позволит активизировать социально-политический капитал современного общества и более активно использовать информационное и образовательное пространство. Приоритетное совершенствование интеллектуального ресурса позволит улучшить качество сферы безопасности и обеспечить эффективную биобезопасность.

Инновационная политика как форма государственного регулирования сферы безопасности представляет собой процесс согласования стратегических целей современного государства с общественными целями. Конечной целью этой политики является обеспечение динамичного социального развития, создание инфраструктуры инновационной сферы национальной экономики, развитие современного биотехнологического производства. Кроме того, важной ее целью должно стать достижение конкурентоспособности национального хозяйства, обеспечивающего эффективность производства и рост жизненного уровня населения с опорой на предпринимателей.

Эффективная инновационная политика необходима для развития высокотехнологичных отраслей и наукоемкой продукции, которые позволят улучшить

экономическую ситуацию и смогут повлиять на сферу безопасности. При этом ведущая роль в процессе формирования направлений, реализации инновационной политики должна оставаться за научной и политической элитой, государственной властью, которые призваны вырабатывать так называемые «правила игры» в экономике, политике и следить за их выполнением всеми социально-политическими, экономическими субъектами (актерами).

Новсе же только инновационной политикой, активизацией интеллектуального ресурса перспективноеразвитиесферы безопасности современного общества не исчерпывается, так как необходимо «усиливать кооперацию и партнерские связи между малым и средним бизнесом и участниками инновационной деятельности, включая государственные организации, научно-исследовательские и академические институты, развивать разнообразные формы деловой и административной поддержки предпринимательства»⁴⁷⁰.

Сегодня необходимо продуцировать и обязательно внедрять в общественное сознание нормы биоэтики, ценностные детерминантыгенетики и молекулярной биологии на наноуровне, развивать эффективность институтов политического лидерства, обеспечивать приоритетное развитие информационно-сетевой деятельности органов государственной власти, общественных структур,особенно в процессе удовлетворения интересов человека в биобезопасности и противодействие биотерроризму.

В сферу безопасности должны активно вовлекаться институты гражданского общества и экспертного сообщества, а основные усилия при этом следует сосредоточить на развитии институтов регулирования сферы безопасности. Современное общество должно продолжать интегрироваться, и субъекты (актеры) должны стремиться играть по общепринятым правилам. Предложенные перспективы, в итоге, позволят ученым, экспертам сформулировать и концептуально оформитьпрограммы для дальнейшего развития сферы безопасности современного общества.

⁴⁷⁰Пороговые барьеры на пути белорусских инноваций // Наука и инновации. 2011. № 12 . С. 39-40.

Библиографический список

1. Авдулов, А.Н., Кулькин, А.М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М.: ИНИОН РАН, 2005. 288 с.
2. Аврамова, Е.О. Пространство возможностей реформирования социальной сферы // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3. С. 14-21.
3. Агеев, Г.В. Особенности современного этапа трансформации политической системы России // *Власть*. 2007. № 4. С. 90-92.
4. Адамчук, Д.В. К вопросу о науке и искусстве политического управления // *Власть*. 2007. № 2. С. 39-42.
5. Актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича, В.А. Труханова. Саратов: СВРХБЗ, 2002. 325 с.
6. Алехнович, С.О. Механизмы реализации региональной безопасности в парадигме федеративного государства: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2001. 30 с.
7. Али-заде, А.А., Логин, В.Н. Научный менеджмент – стратегический фактор инновационного развития: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2005. 120 с.
8. Анализ инновационной политики России и Украины по методологии Европейского сообщества / Отв. ред. Н. Иванова, И. Егоров, С. Радошевич. М.: ИМЭМО РАН, 2008. 221 с.
9. Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / Под ред. А.И. Селиванова. М.: ИПКГосслужбы, 2005. 160 с.
10. Андреев, А.Л. Самоорганизация социокультурной среды и трансформация политической системы: российские реформы с точки зрения синергетики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 2000. № 6. С. 77-85.
11. Андреев, Г.Н. Нужно, чтобы русский человек осознал – без него России нет // *Политический журнал*. 2006. № 45/46. С. 76-79.
12. Андрианов, В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2008. 325 с.
13. Анисимов, О. Основы методологического мышления. М.: Политиздат, 1989. 412 с.
14. Аннан, К. Мы, народы: Роль Организации Объединенных Наций в XXI в. // *Безопасность Евразии*. 2000. № 1. С. 78-87.
15. Анищева, Л.И. Акмеологическая концепция развития инновационной профессионально-образовательной системы: дис. ... докт. пед. наук. М., 2007. 517 с.
16. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1978. Т.2. 286 с.
17. Аристов, А.В. Регулирование этнополитических конфликтов на территории России методами информационной политики // *Власть*. 2007. № 3. С. 43-46.
18. Арская, Л.П. Япония: наука и искусство управления. М.: О-во «Знание» Российской Федерации, 1992. 48 с.

19. Артамонов, А.Д. Инновационная политика в России: механизм реализации. СПб.: ООО «Валери СПД», 2005. 384 с.
20. Атаманчук, Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М.: ОАО «НПО ЭКОНОМИКА», 2000. 302 с.
21. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. М.: Юрид. лит., 1997. 400 с.
22. Аузан, А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006. 288 с.
23. Афанасьев, И.А., Тихонова С.В. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. 2007. №1. С. 65-70.
24. Афанасьев, А.В. Российская государственность в пространстве проектов глобализации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 23 с.
25. Афонцев, С.А. От борьбы к рынку: экономическая кооперативность в мирополитическом взаимодействии // Международные процессы. – 2003. № 2. С. 16-30.
26. Бабашкина, А.М. Государственное регулирование национальной экономики. М.: Финансы и статистика, 2003. 476 с.
27. Багдасарян, В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариантности общественного развития. М.: Научный эксперт, 2008. 72 с.
28. Багратуни, К.Ю. Мотивационный механизм государственного управления развитием российских регионов // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 331-339.
29. Бажин, И.И., Сериков А.А. Ресурсное обеспечение социальных инноваций в государственном управлении // Власть. 2006. № 8. С. 20-24.
30. Бальцерович, Л. Навстречу ограниченному государству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. 92 с.
31. Басов, А.И. Финансово-кредитное регулирование инвестиционного процесса в России. М.: Финансы и статистика, 2002. 208 с.
32. Без кризисов никак (редакционная статья) // Эксперт. 2008. № 46. С. 21-28.
33. Безопасность России в XXI веке / Науч. рук. В.Н. Кузнецов. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. 582 с.
34. Бекарев, А.М. Социально-проектная деятельность в условиях глобальных перемен // Социология. 2005. № 1. С. 45-60.
35. Белов, В.В., Виталиев Г.В., Денисов Г.М. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения. М.: Юрист, 1999. 288 с.
36. Белозеров, В.К. Специфика российской политической аналитики // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ: Тез. докл. Всерос. конф. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 223-228.
37. Белозеров, В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 119-132.

38. Белозеров, В.К. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России // Вестник аналитики. 2009. № 1. С. 94-101.
39. Бельков, О.А. Безопасность России: гражданская стратегия // Власть. 2006. № 2. С. 3-8.
40. Бельков, О.А., Козлова, А.В. Экономика в системе национальной безопасности. Монография. М.: Изд. РГСУ, 2008. 245 с.
41. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. 632 с.
42. Богданов, И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М.: ИСПИ РАН, 2001. 286 с.
43. Бобылов, Ю.А. Новое биологическое оружие: Смена парадигмы российского геополитического мышления // Национальная безопасность и геополитика России. – 2005. – № 3-4.
44. Богданова, М.А. Теоретические аспекты совершенствования государственной политики развития информационного пространства и обеспечения информационной безопасности России в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 20 с.
45. Борискин, В.В. Основные категории, нормативное правовое обеспечение государственного управления, государственной службы и делопроизводства в государственных органах Российской Федерации. М.: ИПКгосслужбы, 2008. 144 с.
46. Бородин, Е.Т. Кризис глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 328-349.
47. Бородин, П.В. Новые вызовы безопасности и стабильность российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 25-36.
48. Бондар, А.В., Динес, В.А. Императив государственности в современной России // Власть. 2006. № 6. С. 3-8.
49. Бондар, А.В., Динес, В.А. Российские политические традиции и российская государственность // Власть. 2008. № 4. С. 3-8.
50. Брандман, Э.М. Информационная безопасность российского общества в современных условиях // Власть. 2007. № 5. С. 68-71.
51. Буайе, Р. Теория регуляции: критический анализ / Пер. с франц. – М.: Наука для общества, РГГУ, 1997. 339 с.
52. Будницкий, О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3-19.
53. Булавин, В.И. Национальная безопасность современной России: дис. ... канд. юр. наук. Н.-Новгород, 1999. 151 с.
54. Букреев, В.И. Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма) / В.И. Букреев. – М. : Флинта : МПСИ, 2007. – 336 с.
55. Буркин, А.И. Общество и национальная безопасность России // Военная мысль. 2003. № 10. С. 75-80.
56. Бурлацкий, Ф.М. Новое мышление: диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М.: Политиздат, 1999. 431 с.

57. Ванин, Д.С. Роль государства в развитии ресурсно-производственного потенциала национальной экономики: автореф. дис. ... канд. эк. наук. Саратов, 2005. 23 с.
58. Варданянц, Г.В. Гражданское общество и правовое государство: спрос на права и предложение права // Социология. 2006. № 1. С.22-24.
59. Вахрамеев, А.В. Международный терроризм и национальная безопасность России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 33-49.
60. Вахрамеев, А.В. К вопросу об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 12-23.
61. Варфоломеев, М.А. Проблема национальной безопасности в современном политическом процессе // Власть. 2008. № 5. С. 38-41.
62. Ващекин, Н.И., Дзлиев, М.И., Урсул, А.Д. Экономическая безопасность: институциональный подход: Монография. М., 2000. 319 с.
63. Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. 568 с.
64. Военная доктрина Российской Федерации Утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 17. ст. 1852.
65. Возжеников, А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения: Монография. М.: РАГС, 2002. 423 с.
66. Возжеников, А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. 53 с.
67. Возьмитель, А.А. Национальная безопасность России в контексте глобализации // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 213-226.
68. Войтоловский, Ф.Г. Проблематика глобального управления в Западной политологии // Международные процессы. 2005. № 1. С. 42-52.
69. Волков, Я.В. Современная геополитическая парадигма обеспечения национальной безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 2. С. 625-636.
70. Воронов, А.М. Общественная безопасность: Административные и информационно-правовые проблемы обеспечения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 55 с.
71. Восленский, М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.
72. Гаджиев, К.С. К полицентрическому миропорядку // Политические исследования. 2007. № 4. С. 8-23.
73. Гаман-Голутвина, О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Политические исследования. 2007. № 4. С. 24-45.
74. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 412 с.
75. Гегель, Г. Феноменология духа. Философия истории / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. М.: Эксмо, 2007. 880 с.

76. Глазунова, Н.И. Система государственного управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 551 с.
77. Глазьев, С.Ю. Российская реформа и новый мировой порядок // Российский экономический журнал. 1997. № 7. С. 3-16.
78. Глазьев, С.Ю. Россия: человек в системе общественных отношений (современное состояние и возможные перспективы) // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 196-207.
79. Глухова, А.В. Российская стабилизация сквозь призму конфликтологии // Социология. 2004. № 1. С. 53-59.
80. Глущенко, И.И. Система стратегического управления инновационной деятельностью. Железнодорожный: ООО НПЦ «Крылья», 2006. 356 с.
81. Гниденко, И.В. Латентное влияние на органы власти // Социология. 2005. № 2. С. 48-55.
82. Гоббс, Т. Философские основания учения о гражданине. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 304 с.
83. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М.: Наука, 2006. 396 с.
84. Гончаренко, Л.П. Управление безопасностью. М.: КНОРУС, 2005. 272 с.
85. Гордеев, И.В. Особенности глобальной политики в эпоху постмодернизма // Власть. 2008. № 3. С. 79-82.
86. Гордиенко, А.А. Человек и наука в региональной общности. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 145 с.
87. Горохов, В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 80-96.
88. Государственное регулирование рыночной экономики / Под ред. В.И. Кушлина. М.: Изд-во РАГС, 2006. 615 с.
89. Гражданское общество и проблемы безопасности в России: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 18-36.
90. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / Под ред. М.С. Горбачева. М.: Альпина Паблицер, 2003. 456 с.
91. Грейсон, Дж. (мл.), О'Делл, К. Американский менеджмент на пороге XXI века / Пер. с англ. М.: Перспектива, 1991. 412 с.
92. Гринин, Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации // Политические исследования. 2008. №1. С. 123-133.
93. Грищенко, Д.Ю. Теоретические проблемы политической безопасности государства. М.: МГОУ, 2005. 34 с.
94. Грищенко, Д.Ю. Институциональные аспекты политической безопасности // Власть. 2007. № 2. С. 43-46.
95. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2004. 560 с.
96. Гусейнов, В. О проблемах безопасности России // Международная жизнь. 2005. № 9. – С. 51-58.
97. Данилов, Д.В. Европейский выбор России // Международная жизнь. 2005. № 7–8. С. 58-59.

98. Дармокрик, В.Ф. Политическая безопасность в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 17 с.
99. Дейнега, В.Г. Интеллектуальная собственность (правовые и экономические аспекты). Волгоград: ВолГУ, 2005. 238 с.
100. Делягин, М.Г. Россия после Путина. М.: Вече, 2005. 416 с.
101. Делягин, М.Г. Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // Политические исследования. 2008. №1. С. 109-121.
102. Денисова, И.П., Клиновенко, Л.Р., Щербина, А.В. Государственная инвестиционно-инновационная политика. Ростов-на-Дону: Южное издательство, 2006. 179 с.
103. Джонсон, Р., Каст, Ф., Розенцвейг, Д. Система и руководство. Теория систем и руководство системами / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1971. 332 с.
104. Дикарева, В.А. Инновационные процессы: практические результаты и методологические основы развития. Монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2006. 160 с.
105. Дзлиев, М.И., Иззатдуст, Э.С., Киреев, М.П. Современный терроризм: социально-политический облик противника / Под ред. В.В. Гордиенко. М.: Academia, 2007. 672 с.
106. Динес, В.А. Российская государственность в контексте исторических традиций // Власть. 2008. № 2. С. 3-7.
107. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации//[QRL.RU:сервер](http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml) [Российская Газета.](http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml) 1998.[URL.](http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml)
http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml
(датаобращения 15.11.2009).
108. Дронишинец, Н.П. Государственная политика Японии в сфере образования: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 1997. 44 с.
109. Джафаров, С. Современная антикризисная стратегия НАТО и ее влияние на взаимоотношения с Россией // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 17-33.
110. Добреньков, В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы. От социологии кризиса к социологии надежды // Социология. 2004. № 1. С. 26-37.
111. Дорохов, Н.Д., Шишов, С.А. и др. Российская государственность: этапы становления и развития / Ориентир. 2001. № 12. С. 48-58.
112. Дубов, Ю.П. Европейская система безопасности: перспективы формирования // Ориентир. 1998. № 2. С. 12-13.
113. Дугин, А.Г. Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
114. Дугин, А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М.: Мысль, 1997. 314 с.
115. Еляков, А.Д. Информационный тип социального неравенства // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 95-101.
116. Ермакова, В.В. Особенности развития общества на современном этапе и безопасность России // Безопасность Евразии. 2002. № 2. С. 357-361.

117. Жиганова, Л.П. Биотерроризм и агротерроризм – реальная угроза биобезопасности общества // США и Канада: Экономика–политика–культура. – 2004. – № 9.
118. Жинкина, И.С. Стратегия безопасности России: проблема формирования понятийного аппарата. М., 1996. 119 с.
119. Жуковский, М.В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации // Безопасность. 2002. № 1-2. С. 34-41.
120. Заварзин, В. Векторы новых угроз // Российское военное обозрение. 2004. № 6. С. 8-11.
121. Завельский, М.Г. Государственное регулирование рыночной экономики: системный подход в российских условиях. М.: Наука, 2006. 328 с.
122. Закон РФ 1992 г. № 2446-1«О безопасности» // Российская газета. 1992, 6 мая.
123. Замычкин, Я.Е. Генезис и современное состояние политической системы Чеченской Республики. М.: МГОУ, 2005. 29 с.
124. Зельднер, А.Г. Концептуальные подходы к стратегии и тактике государственного регулирования экономики. М.:ИЭ РАН,2007.324 с.
125. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО изд-во Центрполиграф, 2000. 412 с.
126. Зинченко, Г.П. Социология управления. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 612 с.
127. Золотарев, В.А. Концепция национальной безопасности России в генетическом измерении (Размышления) // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 3-14.
128. Золотарев, В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М.: «КАНОН-пресс» «Кучково поле», 1998. 462 с.
129. Зубов, А.Н. Карта Европы: с Россией или без нее // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 30-38.
130. Иванников, И.А. Государственная власть в России: проблемы гуманизации. Ростов-на-Дону: Дон, 2006. 312 с.
131. Иванов, В.М. К критике современной теории государства. М.: Территория будущего, 2008. 160 с.
132. Иванов, В.Н. Федерализм и безопасность государства // Социология. 2004. № 1. С. 89-92.
133. Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002. 244 с.
134. Иванченко, В.Г. Информационные технологии и система управления // Экономист. 2004. № 4. С. 37-41.
135. Ивашов, Л. Геополитические горизонты России // Международная жизнь. 2007. № 5. С. 36-46.
136. Ивашов, Л.И. Военная реформа в России: состояние и перспективы // Материалы «круглого стола»: «Общественный контроль национальной политики безопасности / Под ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2007. 323 с.

137. Инновации и экономический рост / Отв. ред. К.М. Микульский. М.: Наука, 2002. 377 с.
138. Инновационная подготовка кадров государственной службы / Под общ. ред. В.Л. Романова, Л.А. Василенко. М.: РАГС, 2007. 140 с.
139. Инновационная политика государства и пути ее реализации: Материалы постоянно действующего семинара работников республиканских и местных органов государственной власти. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. 155 с.
140. Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Наука, 2005. 275 с.
141. Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П. Горегляд. М.: Наука, 2005. 343 с.
142. Инновационный потенциал России: проблемы активизации использования / Под ред. Т.П. Николаева, Е.М. Коростышевской, А.В. Бутуханова. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. 147 с.
143. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58-69.
144. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. М.: Academia Наука, 1998. 640 с.
145. Информационно-аналитическое обеспечение стратегического управления: теория и практика: Труды Второй Всероссийской научно-практической конференции. М.: ИПКгосслужбы, ИНИОН РАН, 2006. 154 с.
146. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности: Специальный выпуск / Под ред. Л.И. Шершнева. М.: ФН и МБ, 2006. 295 с.
147. Ирхин, Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3-25.
148. Исаев, Б.А., Баранов, Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2008. 395 с.
149. Исмагилов, И.Ф. Перспективы национальной безопасности России. Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во, 1998. 271 с.
150. Кадак, Ю.Х. Формирование архитектуры европейской безопасности: XVII-XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. 24 с.
151. Кадымов, С.Т. Проблемы государственного управления в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. 26 с.
152. Казанцев, А. Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. 2007. № 7/8. С. 84-87.
153. Калинин, А.А. Управление информационной безопасностью России: проблемы и стратегия времени // Власть. 2006. № 11. С. 21-25.
154. Каменский, А.Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 21-39.
155. Кантор, К.М. Глобализация? – Да! Но какая? // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 25-37.

156. Капица С.П. Историческое время, информация, демографическая революция и будущее человечества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4. С. 137-147.
157. Кармадонов, О.А. Глобализация и символическая власть // *Вопросы философии*. 2005. № 5. С. 47-56.
158. Карданова, И.А. Формирование эффективной системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на новом этапе интеграции России в мировую экономику: автореф. дис. ... канд. эк. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 27 с.
159. Катаева, Е.Г. Энергетическая безопасность как условие устойчивого развития России: дис. ... докт. полит. наук. М., 2006. 331 с.
160. Квашнин, А.В. Геостратегическое положение России и ее национальные интересы // *Вестник Академии военных наук*. 2003. № 4. С. 3-10.
161. Кинг, У., Клиланд, Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика / Пер. с англ. М.: Мысль, 1982. 296 с.
162. Кирьянов, А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России: общеправовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 184 с.
163. Климов, О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 21 с.
164. Князев, Ю. Социальная деятельность современного государства в сфере экономики, или все хорошо в меру // *Общество и экономика*. 2008. № 6. С. 28-57.
165. Колтышев, М.С. Государственное управление и государственное регулирование в области использования атомной энергии в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.
166. Кондратьев, Н.Д. План и предвидение. Проблемы экономической динамики. М.: Мысль, 1989. 330 с.
167. Коноплева, И.А., Богданов И.А. Управление безопасностью и безопасность бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2008. 448 с.
168. Концепция внешней политики Российской Федерации // QRL.RU: сервер Российская Газета. 1998. URL. <http://www.rg.ru/2008/05/26/koncepciya-dok> (дата обращения 15.11.2009).
169. Кордонский, С.Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
170. Кордонский, С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.
171. Кортунув, С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: дис. ... докт. полит. наук. М., 2002. 496 с.
172. Кортунув, С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 397 с.
173. Кохно, А.П. Корпоративная интеграция: анализ, методы, модели. М.: Граница, 2007. 160 с.
174. Кравченко, А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс. М.: Академический проект; Трикста, 2004. 644 с.

175. Колосов, В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Политические исследования. 2000. № 3. С. 40-79.
176. Колчин, С.Е. Новые участники урегулирования международных конфликтов // Власть. 2007. № 3. С. 90-93.
177. Комаровский, В.С. Политическая центрификация России в ракурсе европейской интеграции // Власть. 2008. № 4. С. 13-23.
178. Конституция Российской Федерации с комментариями для изучения и понимания. М.: ИНФРА-М, 2004. 127 с.
179. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. Ст. 170.
180. Королев, В.Н. Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений по обеспечению национальной безопасности в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2007. 26 с.
181. Коростылев, Д.В. Взаимосвязь и взаимозависимость интересов основных объектов национальной безопасности // Власть. 2008. № 1. С. 72-74.
182. Косолапов, Н.А. Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 69-73.
183. Кравченко, И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3-16.
184. Кравченко, И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3-16.
185. Криштапович, Л.Е. Беларусь как русская святыня. Минск: «Бонем», 2011. 149 с.
186. Кругликов, А.Г. Системный анализ научно-технических нововведений. М.: Наука, 1991. 120 с.
187. Крутов, А.В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабилизации российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 22 с.
188. Крыштановская, О.Н. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2004. 384 с.
189. Крылова, А.И. Проблема безопасности России в контексте глобализации. М.: Прогресс, 2001. 624 с.
190. Крючкова, П.В., Шаститко, А.Е. Оценка регулирующего воздействия и модернизация системы государственного регулирования // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 21-31.
191. Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. 385 с.
192. Кузнецов, В.Н. Геокультура. Основы геокультурной динамики безопасности в мире 21: Культура – Сеть. М.: Прогресс, 2003. 431 с.
193. Кузнецов, В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М.: Книга и бизнес, 2004. 552 с.
194. Кузнецов, В.Н. Социология безопасности. М.: Книга и бизнес, 2003. 880 с.

195. Кузнецов, О.Л., Большаков Б.Е. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе природа – общество – человек. СПб., М., Дубна: изд-во «Гуманистика», 2002. 272 с.
196. Кузнецов, О.Л., Кузнецов, П.Г., Большаков, Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие. М.; Дубна: Ноосфера, 2000. 392 с.
197. Куликов, А.С., Гольцов, В.Ю. Направления развития государственной системы противодействия терроризму в России и международный опыт (США) // Вестник аналитики Института стратегических оценок и анализа. 2005. № 4. С. 61-76.
198. Курочкин, В.Н. Правовое обеспечение инновационной деятельности в интересах экономической безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 27 с.
199. Кучуков, Р.А. Теория и практика государственного регулирования экономических и социальных процессов. М.: Гардарики, 2004. 287 с.
200. Кучуков, Р.А., Савка, А. Государственное регулирование – нацеленность на результат // Экономист. 2006. № 9. С. 3-11.
201. Ларин, В.А. Безопасность развития и развитие безопасности // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 37-43.
202. Лейпхарт, А. Демократия в многоосновных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. Под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
203. Лебедев, С.А., Лазарев, Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования. – М.: Издательство Московского университета, 2010. 96 с.
204. Леонтьев, Б.В. Форма, содержание и назначение интеллектуальной собственности как сбалансированной системы знаний // Интеллектуальная собственность. 2007. № 12. С. 96-102.
205. Ломагин, Н.А. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральной и региональных элит (на примере северо-западных областей России) // Международные процессы. 2003. № 2. С.108-115.
206. Лукин, А.В. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // ProetContra. 2008. № 4. С. 81-104.
207. Лутовинов, В.И. Личность, общество и государство в контексте проблемы обеспечения национальной и военной безопасности России // Вестник Академии военных наук. 2004. № 2. С. 34-38.
208. Макаркин, А.В. Российские элиты и кремлевские «атомы» // ProetContra. 2007, июль-октябрь. С. 19-29.
209. Малашенко, А.В., Тренин, Д.В. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 267 с.
210. Мамай, А.Н. Государственноерегулирование деятельности иностранных инвесторов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
211. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. М.: Политиздат, 1982. Т.13. 468 с.

212. Мартиросян, А.Р. Государственные меры воздействия на активизацию участия банковского сектора в финансировании реального сектора экономики // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2007. № 3. С. 45-50.
213. Материалы круглого стола «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации». М.: Изд-во Государственной Думы РФ, 2007. 54 с.
214. Материалы круглого стола «Инновационный прорыв России: возможности и препятствия» (стенограмма). М., 2006. 62 с.
215. Материалы круглого стола «Нормативно-правовое обеспечение интеллектуальной деятельности» (Стенограмма). М., 2004. 69 с.
216. Материалы круглого стола «Проблемы законодательного регулирования государственной политики по развитию нанотехнологий в Российской Федерации» (Стенограмма). М., 2005. 62 с.
217. Материалы международной научно-практической конференции «Интеграция науки, образования, бизнеса и промышленности: инновационные и инвестиционные аспекты». М.: Изд-во Государственной Думы РФ, 2006. 76 с.
218. Материалы парламентских слушаний «Модернизация науки и образования как фактор инновационного развития экономики: проблемы законодательного регулирования» (Рекомендации). М., 2004. 68 с.
219. Мингариев, Ф.К. Военная безопасность Российской Федерации в условиях геополитических трансформаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 20 с.
220. Мирзоев, С.П. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М.: Изд-во «Европа», 2006. 232 с.
221. Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования / Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2007. 679 с.
222. Михеев, В.А. Государственное управление инновациями и гражданское общество: реалии и стратегия развития // Власть. 2007. № 12. С. 3-7.
223. Молодцов, М.М. Проектно-аналитическое обеспечение принятия и реализации государственно-управленческого решения в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 168 с.
224. Манилов В.Л. Национальная безопасность России // Геополитика и безопасность. 1996. № 4. С. 286-315.
225. Манилов, В.Л. Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль. 1996. № 1. С. 7-18.
226. Межуев, В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 3-14.
227. Межуев, В.М. Моделирование понятия национальный интерес // Политические исследования. 1999. № 1. С. 26-39.
228. Михайлов, В.В. Факторы, создающие угрозы безопасности Российской Федерации // Власть. 2008. № 4. С. 74-75.
229. Миронов А.В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 92-105.

230. Мухин, Г. В. Проблема обеспечения национальной безопасности в современных условиях (внешнеполитический аспект). М.: ВАХЗ, 1994. 214 с.
231. Назаренко, А.В. Подходы России к проблемам безопасности на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 77-91.
232. Нарлиев, Т.Х. Взаимосвязь горизонтального и вертикального разделения властных полномочий // Власть. 2006. № 4. С. 45-50.
233. Наруков, П.В. Государственное регулирование экспортной деятельности малого бизнеса в мировой экономике: автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2006. 24 с.
234. Нарышкин, С.И. Инновационная составляющая инвестиционных процессов // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 52-62.
235. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / Сост. А.Г. Криволапов, Н.А. Анфимов, Д.А. Афиногенов. М.: Известия, 2007. 240 с.
236. Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.А. Прохожева и С.В. Смульского. М. Фонд «Знание-Народу!», 2007. Вып. 6. 144 с.
237. Неверкович И.А. Проблема взаимосвязи политических институтов и стабильности демократии в США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2000. 26 с.
238. Николаев, А.В. Механизм оценки и эффективности использования инноваций: дис. ... канд. эк. наук. М., 2006. 155 с.
239. Нисневич Ю.В. Аудит политической системы посткоммунистической России. М.: Материк, 2007. 336 с.
240. Ницевич, В.Ф. Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая. Орел: ОРАГС, 2000. 324 с.
241. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6-12.
242. Нуйкин, А.Ф. Региональная безопасность: концептуальные подходы и практическая реализация: На примере Республики Коми: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005. 22 с.
243. О совершенствовании военного планирования на основе программно-целевого метода и разработке (уточнении) соответствующей нормативной правовой базы: Материалы межведомственной военно-научной конференции / Под ред. Ю.Н. Балувеского. М.: МОРФ, 2006. 437 с.
244. Общая теория управления / Под ред. А.А. Беляева, К.И. Варламова, Н.П. Пищулина. М.: РАУ, 1994. – 300 с.
245. Овчинникова, Н.В. История развития теории и практики управления в России в XX веке. М.: Изд-во Ипполитова, 2005. 200 с.
246. Оленьев В.В., Федотов А.П. Глобалистика на пороге XXI века // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 18-30.
247. Осипова, М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М.: AnimiFortitudo, 2005. 320 с.
248. Осипов, М. Интеграционное будущее // Народная газета, 8 мая, 2012 г. С. 2.

249. Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России / Под ред. В.Ф. Ницевича. Екатеринбург: ЕкАИ, 2003. 202 с.
250. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 218 с.
251. Охотский, Е. В. Социальное государство, его цель, функции и приоритеты социальной политики // К вопросу о понимании современной европейской социальной политики: от минимальных стандартов к социальному качеству. Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт, 2007. Вып. 7 С. 92-108.
252. Очертания будущего мира: Отчет по проекту 2020 Национального совета по разведке (в переводе аналитического центра «Намакон») // <<http://old.sama.ru/paper/41/3778/62556/>>
253. Павленко, С.З. Безопасность российского государства как политическая проблема: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 1998. 60 с.
254. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
255. Панова В.В. Утопия или реальность глобального управления // Международные процессы. 2005. № 3. С. 158-163.
256. Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Политическое самоопределение российского общества // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 78-87.
257. Пеньков, И.А. Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации в глобальной сети Интернет (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 21 с.
258. Петренко, И.А. Индикативная система общей безопасности хозяйствующего субъекта // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 149-154.
259. Петров, В.К. Безопасность России в условиях глобализации // Власть. 2001. № 9. С. 18-21.
260. Петров, В.К., Селиванов С.Г. Устойчивость государства. М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2005. 491 с.
261. Петров, С.И. Политика и обеспечение национальной безопасности России. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 158 с.
262. Пивоваров, Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006. 256 с.
263. Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 864 с.
264. Повестка дня для России. Материалы «круглых столов» Фонда «Единство во имя России» за 2003 г. / Под ред. В.А. Никонова. М.: ФОРУМ, 2004. 592 с.
265. Подберезкин, А.И. Национальная безопасность: внешние аспекты // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 82-96.
266. Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. М.: Наука, 1994. 240 с.
267. Поздняков, А. Порядок и хаос в динамике социально-экономических систем // Наука и инновации. 2011. № 12 (106). С. 18.
268. Порфирьев, Б.Н. Государственное управление в кризисных ситуациях: мировой опыт и Россия. М.: Научный эксперт, 2006. 40 с.

269. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию.. М., 2004. 47 с.
270. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005. 54 с.
271. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года//QRL.RU: Правовой сайт КонсультантПлюс.1997. URL.<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294> (дата обращения 25.12.2008).
272. Постановление Правительства РФ 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. Ст. 3886.
273. Постановление Правительства РФ 1999 года № 651 «О формировании федеральных центров науки и высоких технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. Ст. 3127.
274. Постановление Правительства РФ 1999 г. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. Ст. 4412.
275. Пороговые барьеры на пути белорусских инноваций // Наука и инновации. 2011. № 12 . С. 38, 39-40.
276. Проблемы современного государственного управления в России // Материалы научного семинара «Государственное управление в постсоветской России: цели, ценности и результаты» / Под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт, 2007. Вып. 1. 114 с.
277. Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. Научный эксперт, 2008. Вып. 4. 128 с.
278. Прохожев, А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М.: Ин-октаво, 2006 288 с.
279. Полтерович В.И. О стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4-24.
280. Радченко, А.И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 288 с.
281. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Отв. ред. Е.Б. Костяновская. СПб.: Наука, 2006. 618 с.
282. Ракшня, А.С. Эффективность государственного регулирования экономики: автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2005. 15 с.
283. Романов, А.А. Функционирование политической власти в России в условиях глобализации: проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 24 с.
284. Романов, И.А. Государственное регулирование миграционных процессов в современной России: автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2006. 41 с.
285. Романова, О.Ю. Категория «национальные интересы» в российской политической науке // Россия. Политические вызовы XXI века: Материалы Второго всероссийского конгресса политологов. М.: РОССПЭН, 2002. С. 595-597.

286. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. кол. С.А. Караганов. М.: АСТ, Русь-Олимп, 2008. 444 с.
287. Ростиашвили, К.Д. Государственное регулирование в либерально-демократической системе // Политические исследования. 1996. № 6. С. 61-69.
288. Ротбард, М. Власть и рынок: Государство и экономика / Пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. Гр. Сапова. Челябинск: Социум, 2003. 402 с.
289. Рудкевич, Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. 2007. № 1. С. 92-94.
290. Руткевич, М.Н. Философское значение устойчивого развития // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 24-35.
291. Румянцева, Е.Е. Инновационная стратегия экономического развития. М.: РАГС, 2006. 34 с.
292. Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 296 с.
293. Рябов, А.В. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2008. № 4. 42 с.
294. Савин, С.С. Повышение эффективности деятельности государственного аппарата: методологические проблемы // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2007. № 2. С. 63-69.
295. Садовничий, В.А. Знание и лидерство в глобализирующемся мире // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 3-15.
296. Саква, Р. Путин: выбор России / Пер. с англ. В. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 480 с.
297. Сатановский, Е.Я. Россия и последствия ускоренной модернизации Ближнего и Среднего Востока // Международная жизнь. 2006. № 6. С. 76-86.
298. Севостьянов, В. Терроризм на ... самоокупаемости // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 10.
299. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии 2005. № 9. С. 26-37.
300. Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2004. 184 с.
301. Семигин, Г.Ю. Политическая стабильность общества в условиях реформ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 1996. 52 с.
302. Серебрянников, В.В. Политическая безопасность // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 18-32.
303. Серебрянников, В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. 398 с.
304. Серебрянников, В.В., Хлопьев, А.Н. Социальная безопасность России. М.: ИСПИ РАН, 1996. 352 с.
305. Сидоров, М.Н., Шапкин, И.Н. От сырьевой к инновационной экономике России // Власть. 2008. № 3. С. 3-8.
306. Симонова, А.Е. Биотерроризм как угроза национальной безопасности России / Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всероссийской научной конференции, 4 декабря 2009 г., М.: Научный эксперт, 2010. 736 с.

307. Синицын, А.А. Соотношение политической и военной безопасности // Актуальные проблемы военной политики и военной безопасности России / Под ред. С.А. Мелькова и А.Н. Мешина. М.: ВУ, 2005. С. 26-28.
308. Советская управленческая мысль 20-х годов: Краткий именной справочник / Под ред. Э.Б. Корицкого, Ю.А. Лаврикова, А.М. Омарова. М.: Экономика, 1990. 233 с.
309. Советское административное право / Под ред. В.М. Манохина. М.: Политиздат, 1977. 438 с.
310. Соколова, С.Н. Безопасность российского общества: генезис и перспективы: Монография. Смоленск: Маджента, 2008. 180 с.
311. Соколова, С.Н. Государственное регулирование сферы безопасности // Власть. 2007. № 11. С. 78-82.
312. Соколова, С.Н. О стратегии России по обеспечению политической безопасности // Власть. 2008. № 4. С. 70-73.
313. Соколова, С.Н. Российская цивилизация: актуальные проблемы безопасности современного общества: Монография. Смоленск: ВА В ПВО ВС РФ, 2004. 295 с.
314. Соколова, С.Н. Современные трансформации российского общества и проблема регулирования его безопасности // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2007. № 1. С. 58-63.
315. Соколова, С.Н. Философское осмысление государственного регулирования безопасности общества. Смоленск, 2007. 280 с.
316. Соколова, С.Н. К вопросу о взаимосвязи государственного регулирования и безопасности российского общества: взгляд на проекты совершенствования // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2007. № 3-4. С. 96-101.
317. Соловьев, В. Особенности проявлений порядка и хаоса в экономике // Наука и инновации. – 2011. – № 12 (106).
318. Соловьева, Г.И. Государство и интеллектуальная собственность // Интеллектуальная собственность. 2007. № 12. С. 32-44.
319. Столович, Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 86-97.
320. Стратегии России в историческом и мировом пространствах / Материалы Всероссийской научной конференции / Ред. С.С. Сулакшин, В.Е. Багдасарян, А.И. Фурсов и др. М.: Научный эксперт, 2009. 872 с.
321. Стрежнева, М.В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2005. № 1. С. 17-28.
322. Стюарт, Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. М.: Поколение, 2007. 368 с.
323. Суверенитет. Сборник / Сост. Н. Гараджа. М.: Европа, 2006. 304 с.
324. Сулакшин, С.С. Научные подходы к формированию Экономической доктрины РФ // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2008. Вып. 10. 24 с.
325. Сулакшин, С.С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // Власть. 2006. № 5. С. 10-19.

326. Сысоев, Б.В. Политические проблемы европейской безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1999. 24 с.
327. Тамбовцев, В.Л. Стандарты государственных услуг (экономическая теория и российские реформы) // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4. С. 5-20.
328. Тамбовцев, В.Л. Цели социально-экономического развития России в четырех стратегиях // *Вопросы экономики*. 2008. № 3. С. 124-134.
329. Тацуно, Ш. Стратегия – технополисы / Под ред. В.И. Данилова-Данильяна. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 344 с.
330. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Пер. с англ. М., 1991. 304 с.
331. Тихонова, Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 33-45.
332. Тренин, Д.В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006. 404 с.
333. Трибрат, В.В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю // *Международные процессы*. 2005. № 1. С. 117-120.
334. Трипольский, В.Б. Эволюция взглядов зарубежных специалистов на проблемы национальной безопасности России // *Власть*. 2007. № 5. С. 72-75.
335. Труханов, В.А. Система национальной безопасности: влияние социального фактора (на примере казачества): автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2003. 47 с.
336. Тихонова, Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6. С. 34-45.
337. Токвиль, А. Демократия в Америке / Пер. с франц. М., 1992. 288 с.
338. Толстоухов, А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 49-63.
339. Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики / Отв. ред. А.Г. Зельднер, И.Ю. Ваславская. М.: Наука, 2006. 261 с.
340. Тюрина, Т.Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.
341. Урсул, А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М.: Наука, 1981. 367 с.
342. Фадеев, В.Ю., Шапкина, И.Н. Инновационное предпринимательство. М.: Наука, 2007. 328 с.
343. Управление – это наука и искусство/А. Файоль [и др.] М.: Мысль, 1992. 336 с.
344. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // *Вопросы философии*. 2005. № 11. С. 3-23.
345. Фененко, А.В. Сети и государство в мировой политике // *Международные процессы*. 2005. № 1. С. 113-116.

346. Феофанов, К.А. Институциональные механизмы обеспечения безопасности цивилизационного развития России // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 3-16.
347. Филин, С.А. Механизм реализации инновационной политики. М.: ИНИЦ Роспатента, 2005. 286 с.
348. Формирование инновационной системы Европейского Союза: Реф. сб. / Науч. ред. А.Н. Авдулов, сост. Т.В. Горбунова. М.: ИНИОН РАН, 2007. 221 с.
349. Франчук, В.И. Политика и менеджмент как составляющие социального управления // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 159-171.
350. Фролов, И.Т. Философия и история генетики – поиски и дискуссии. – М. : Наука, 1988. – 416 с.
351. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 192 с.
352. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002. 451 с.
353. Хаметова, Н.Г. Институт государственной власти в регулировании экономических процессов: автореф. дис. ... канд. эк. наук. Тамбов, 2004. 20 с.
354. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
355. Холод, А.В. Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 21 с.
356. Хрипков, М.П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: дис. ... докт. социол. наук. М., 2004. 406 с.
357. Цветкова, Е.Г., Корольков Н.А., Фролов С.Н. О глобализации и перспективах России в глобальном мире // Власть. 2006. № 3. С. 76-84.
358. Цзыцэ, С., Жэньцюнь, Ц. Специальные экономические зоны Китая/ Пер. с кит. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 222 с.
359. Циренщиков, В.С. Европа: тенденции инновационного развития. М.: ИЕ РАН, 2004. 152 с.
360. Цыгичко, В.Н. Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М.: Империиум Пресс, 2005. 96 с.
361. Чадаев, А.А. Путин. Его идеология. М.: Изд-во «Европа», 2006. 232 с.
362. Чиркин, В.Е. Государственное управление. Элементарный курс. – М.: Юристъ, 2001. – 380 с.
363. Шаститко, А.И., Афонцев, С.В., Плаксин, С.И. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 71-85.
364. Щипанов, Ф.Б. Система безопасности Российской Федерации и роль Вооруженных сил в ее обеспечении: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994. 22 с.
365. Щербаков, Г. Источники и основные угрозы для национальной безопасности // Ядерное распространение, 2003. Вып. 47.

366. Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е.А. Олейникова. М.: Экзамен, 2004. 768 с.
367. Эрхард, Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука; ТОО «Ордынка», 1996. 342 с.
368. Юданов, Ю.И. Многообразие европейских предпринимательских моделей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 12. С. 26-32.
369. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / Пер. с англ. С.И. Церетели. Вступ. статья М.А. Абрамова, примеч. И.С. Нарского. М.: Канон, 1995. 400 с.
370. Юсупов, Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб.: Наука, 2006. 290 с.
371. Якимец, В.Н. О необходимости нового формата разработки и реализации реформ в социальной сфере // *Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ: Тез. докл. Всерс. конф.* М.: ИНИОН РАН, 2007. – С. 21-26.
372. Якунин В.И. Актуальные проблемы формирования и реализации государственной политики как управленческой практики // *Социально-гуманитарные знания*. 2007. № 1. С. 23-50.
373. Якунин, В.И. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // *Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования*. М.: Научный эксперт, 2008. Вып. 11. 32 с.
374. О модернизации государственной системы управления экономическим развитием в России/ В.И. Якунин [и др.] М.: Научный эксперт, 2008. 104 с.
375. Якунин, В.И., Сулакшин, С.С., Тимченко, А.Н. Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления // *Власть*. 2006. № 8. С. 7-14.
376. Якунин, В.И., Багдасарян, В.Э., Сулакшин, С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008. 160 с.
377. Якунин, В.И., Багдасарян, В.Э., Сулакшин, С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с.
378. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. М.: Прогресс, 1991. 462 с.
379. XXI век: новые вызовы национальной безопасности России / Под ред. А.Б. Макушина. М.: ВУ, 2003. 247 с.
380. Apple, M.W. Between neoliberalism and neoconservatism; Education and conservatism in a global context // *Globalization and Education: Critical Perspectives*. N.Y., 2000. P. 59-69.
381. Bemis, G. (Destanne). *Regulation ouequilibrédans I 'analyseeconomique*. Paris: Maloinne-Doin, 1977. 280 p.
382. *Between Democracy and Dictatorship: Russian Post-Communist Political Reform*. Washington: CEIP, 2004. P. 278-280.
383. Canguilhem, G. Regulation, *Encyclopedia Universalis*. P., 1980. – Vol. 14. P. 45-50.

384. Clarke, J., Langan, M., Williams, F. Remarking welfare regime in the 1980s and 1990s // *Comparing Welfare States* / Ed by A. Cochrane, Jh. Clarke and Sh. Gewirtz. SAGE Publications. London; Newbury; New Dehli, 2001. P. 89-116.
385. *Comparative European Politics: The Story of a Profession*. Edited by Hans Daalder; with contributions by Erik Allardt et al. London; New York: Pinter, 1999. 189 p.
386. Held, D., Mc. Grew, A., Goldblatt D., and Perratin J. *Global Transformations, Politics, Economics and Culture*. Cambridge, 1999. 190 p.
387. Mitchell, B. *International Historical Statistics. Europe. 1750-1993*. L.: Macmillan Reference LTD, 1998. 211 p.
388. North, D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, 1996. 201 p.
389. Pieterse, J. N. *Globalization and culture three paradigms* / *Economic and political weekly*. Bombay, 1996. Vol. 31. № 23. P. 23-31.
390. Rhoads, R.A. *Globalization and Resistance in the United States and Mexico: The Global Potemkin Village* // *Higher Education*. 2003. V. 45. № 2. P. 231-306.
391. Rosenau, J. *Distant Proximities: The Dynamics and Dialectics of Globalization* / Hettne B. (Ed.). *International Political Economy: Understanding Global Disorder*. L, 1995. 283 p.
392. Skocpol, Thad. *Diminished Democracy: From Membership to Management in American Civic Life*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. P. 72-87.
393. *The Global Competitiveness Report 2002-2003*. Oxford Univ. Press, 2003. P. 220-286.
394. *The World Competitiveness Report 1994*, World Economic Forum. Geneva, 1994. 564 p.
395. *Theory and International Politics. Conversation with Kenneth N. Waltz*, Ford Professor Emeritus of Political Science, UC Berkeley. By Harry Kreisler. February 10, 2003. Waltz. P. 34-53.
396. Wiver, Ole. *Securitization and securitization*. Copenhagen: Centre for Peace & Conflict Research, 1993. 121 p.
397. *World Summit of Sustainable Development. Plan of implementation* Johannesburg, 2002. Naval War College Newport Papers, № 25. P. 34-42.

Научное издание

Соколова Светлана Николаевна

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Монография

Ответственный за выпуск *П.Б. Пигаль*

Редактор *Ж. В. Урбан*

Подписано в печать 7.03.2013г. Формат 60x84/8
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Ризография.
Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 14,41.
Тираж 200 экз. Заказ №2184.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Полесского государственного университета
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23.